

ISSN 2218-2926

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

№ 1

Серия “Филология”

Международный электронный сборник научных статей

Издается с 2010 года

**Харьков
2010**

В статьях этого международного научного сборника рассматриваются актуальные вопросы когнитивистики, коммуникативных исследований, когнитивной прагматики и дискурса на материале славянских, германских и романских языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Рекомендовано к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 6 от 28 мая 2010 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)

В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, канд. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Редакционная коллегия:

А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)

Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)

Г. Коллер, доктор филологии (университет имени Фридриха-Александера, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)

Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)

А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

М. Миниелли, доктор филологии (Кингсборо Колледж университета г. Нью-Йорк, США)

С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)

Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Запорожский государственный университет, Украина)

В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Волгоградский филиал Российского государственного торгового-экономического университета, Россия)

Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Россия)

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61077, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com
Интернет-страница журнала: //////////////

Текст дается в авторской редакции
Все статьи рецензированы

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ В.Н. КАРАЗИНА

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

№ 1

Серія “Філологія”

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Видається з 2010 року

У статтях цього міжнародного наукового збірника розглядаються актуальні питання когнітивістики, комунікативних студій, когнітивної прагматики та дискурсу на матеріалі слов'янських, германських і романських мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 6 від 28 травня 2010 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет)

Редакційна колегія:

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г. Коллер, доктор філології (університет імені Фрідріха-Александера, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Мінієлі, доктор філології (Кінгсборо Коледж університету, м. Нью-Йорк, США)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Запорізький державний університет, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Волгоградська філія Російського державного торговельно-економічного університету, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Е. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний університет економіки та фінансів, Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, м. Харків, пл. Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Текст подано в авторській редакції
Усі статті рецензовані

© Харківський національний університет
імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Л.Р. Безуглая ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ В ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО- КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД.....	8
Е.В. Бондаренко ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ВРЕМЯ</i> В БРИТАНСКОМ ДИСКУРСЕ.....	22
С.Г. Воркачев ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ	30
О.П. Воробьева СЛОВЕСНАЯ ГОЛОГРАФИЯ В ПЕЙЗАЖНОМ ДИСКУРСЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ: МОДУСЫ, ФРАКТАЛЫ, ФУЗИИ	47
S.A. Zhabotynska PRINCIPLES OF BUILDING CONCEPTUAL MODELS FOR THESAURUS DICTIONARIES	75
А.П. Мартынюк ОПЫТ МОДУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА (на примере концепта <i>CELEBRITY</i> / <i>ЗНАМЕНИТОСТЬ</i> , актуализированного в англоязычном газетном дискурсе).....	93
А.Н. Приходько ДИСКУРСИВНЫЕ АКТЫ: ПРАГМАСЕМАНТИКА И ПРАГМАТИПОЛОГИЯ.....	101
В.Е. Чернявская ТЕКСТ СТАТИЧЕН ИЛИ ТЕКСТ ПРОЦЕССУАЛЕН?.....	123
Наши авторы	132
Редакторы, редакционная коллегия	133
Рекомендации авторам статей.....	134

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы человека говорящего – его мышления, языка, коммуникации – центральные для лингвистики конца XX века, позволили накопить обширные данные в рамках когнитивной лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, теорий текста и дискурса, контрастивной лингвистики и лингвокультурологии, иных дисциплин. Современное состояние лингвистической науки, ее экспансионизм и мультидисциплинарность, выдвигают на первый план комплексное решение проблем когниции и коммуникации в новом когнитивно-дискурсивном (когнитивно-коммуникативном) ракурсе. Его отличает привлечение методологии когнитивной науки, что определяет новый вектор анализа: от ментальной сферы говорящего к его коммуникативной деятельности в их взаимосвязи.

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей содержит результаты докторских и кандидатских исследований, выполненных в последние годы в когнитивно-дискурсивном ключе в Украине и России. За первое десятилетие XXI века оформилось множество лингвистических школ когнитивного, коммуникативного направлений, стоящих на разных методологических и методических позициях, анализирующих материал различных языков. Нередкое обращение к общим объектам анализа (наиболее значимым концептам культуры, стратегиям дискурса и под.), позволяет не только раскрыть в них новые грани, но и верифицировать полученные разными способами данные.

Цель издания – ознакомить широкие научные круги с различными лингвистическими школами и научными подходами, и предоставить авторам возможность откровенных научных дискуссий, а читателям – составить как можно более полное представление о многообразии состояния и путей развития когнитивно-коммуникативных исследований.

Предлагаемые работы объединяет использование когнитивно-дискурсивной парадигмы в качестве теоретической базы исследований, рассмотрение общения как неразрывного комплекса когнитивных оснований конструируемых смыслов и их языковых манифестаций, прагматических, социолингвистических, межкультурных и иных воплощений. Это соответствует важнейшей роли дискурса в новой теории информативно-коммуникативного общества.

В предметную область исследований, обсуждаемых в настоящем сборнике, входят *homo ludens*, коммуницируемые смыслы, концепты и категории, языковые картины мира, дискурс и текст. Различие трактовок этих понятий в современной лингвистике заставляет в самом обобщенном виде очертить их понимание в статьях настоящего сборника.

Анализ языковой личности и языкового сознания фокусируется на дискурсивных характеристиках коммуникантов, связанных с их лексико-

семантическими, лингвокогнитивными, мотивационными установками, на их дискурсивном поведении в определённых типах дискурса, на интенциональных аспектах субъектов дискурса – дискурсивных личностей.

Концепты мыслятся как элементарные единицы картины мира – “кванты знания”, как представления о смыслах, отражающих опыт и знания человека, познающего действительность. В результате процессов категоризации мира они объединяются в более крупные разряды – категории, выделяемые по неким общим признакам. Концепты и категории служат основой образования картин мира – совокупности концептов, категорий и когнитивных операций с ними.

Дискурс с учетом большого разнообразия новейших трактовок можно понимать как мысле-коммуникативную деятельность, которая является единством процессуального и результативного, с одной стороны, экстраязыкового и языкового, с другой. Она протекает в широком (ситуативно-коммуникативном, социо-культурном, когнитивно-психологическом) контексте и фиксируется текстом. Текст имманентен дискурсу, он выступает как продукт речевой деятельности коммуникантов (дискурсивного процесса).

При оформлении статей максимально учитывались и обобщались соответствующие требования ВАК Украины и России как стран – участниц МАДАТ.

Идея настоящего издания родилась в ходе работы над совместным проектом факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина и ряда вузов России в области когнитивно-дискурсивных исследований и стала продолжением постоянно действующей в университете школы-семинара “Актуальные проблемы когнитивно-коммуникативной лингвистики и переводоведения”.

Редактор И.С. Шевченко

УДК 811.112.2'42

ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ В ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Л.Р. Безуглая (Харьков, Украина)

Безуглая Л.Р. Имплицитные смыслы в дискурсе: когнитивно-коммуникативный подход. В статье с привлечением когнитивно-коммуникативного подхода систематизируются речеактовые имплицитные смыслы, функционирующие в немецкоязычном диалогическом дискурсе. Эти смыслы характеризуются интендированностью, т.е. наличием в коммуникативной интенции адресанта перлокутивной цели донести имплицитный смысл до адресата. Описывается когнитивно-прагматическое поле дискурсивной импликации, имеющее доминанту, ядро и периферию и включающее, соответственно, полиимпликативные, моноимпликативные и конвенционализированные речевые акты.

Ключевые слова: дискурсивная импликация, иллюкуция, имплицитный речевой акт, интенция, перлокуция, поле, пропозиция.

Безугла Л.Р. Імплицитні смисли в дискурсі: когнітивно-комунікативний підхід. У статті із залученням когнітивно-комунікативного підходу систематизуються мовленнєвоактові імплицитні смисли, що функціонують у німецькомовному діалогічному дискурсі. Ці смисли характеризуються інтендованістю, тобто наявністю в комунікативній інтенції адресанта перлокутивної цілі донести імплицитний смисл до адресата. Описується когнітивно-прагматичне поле дискурсивної імплікації, що має домінанту, ядро й периферію та включає, відповідно, поліімплікативні, моноімплікативні й конвенціоналізовані мовленнєві акти.

Ключові слова: дискурсивна імплікація, іллокуція, імплицитний мовленнєвий акт, інтенція, перлокуція, поле, пропозиція.

Bezugla L.R. Implicit Meanings in Discourse: Cognitive-Communicative Approach. Implementing a cognitive-communicative approach this paper gives a systemic view of speech act implicit meanings functioning in the German dialogical discourse. These meanings are proved to be intended, that is, the speaker's communicative intention presupposes the presence of a perlocutionary goal to render their implicit meaning to the hearer. A cognitive-pragmatic field of discursive implication is described as having a dominant or a nucleus and a periphery; it is formed by poly-implicative, mono-implicative and conventionalized speech acts accordingly.

Key words: discursive implication, field, illocution, implicit speech act, intention, perlocution, proposition.

1. Постановка проблемы. Статья посвящена описанию результатов исследования когнитивно-прагматических характеристик имплицитных смыслов в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе.

Языковедческое изучение имплицитных смыслов связано прежде всего с прагмалингвистикой, которая знаменовала поворот от изучения структурных особенностей языка к особенностям реализации языка в речи, насквозь пронизанной небуквальностью. Хотя имплицитные смыслы изучались еще античной риторикой, именно прагмалингвистике принадлежит заслуга проникновения в то, что 'скрыто между строк'. Прагматический поворот, ознаменовавшийся фундаментальными трудами в области не прямых реализаций речевого акта (далее – РА) [Austin 1962; Grice 1991; Searle 1982; Wunderlich 1972], активизировал исследования косвенных РА [Герасимова 1986; Поспелова 1988; Почепцов 1986; Романов 1986 и др.]. С другой стороны, появился ряд работ, изучающих имплицитность на разных языковых уровнях [Арнольд 1982; Багдасарян 1983; Долинин 1983; Старикова 1974; Федосюк 1988; Шендельс 1977 и др.].

Возросло количество исследований, которые ставят во главу угла функционирование имплицитных смыслов в реальной коммуникации [Бацевич 2000; Имплицитность 1999; Кобозева, Лауфер 1988; Лисоченко 1993; Нефедова 2001; Сыщиков 2000 и др.]. Однако их природа не нашла общепринятого понимания в плане размежевания интендированных имплицитных смыслов (*intended* – термин П. Грайса [Grice 1991]), актуализированных в дискурсе на основе коммуникативной интенции говорящего, и неинтендированных имплицитных смыслов.

В современной лингвистике системное разграничение интендированных и неинтендированных имплицитных смыслов [Дементьев 2006; Масленникова 1999] активизировало изучение последних [Белозьорова 2007; Непрямая коммуникация 2003; Семантико-дискурсивные... 2005; Федоренко 2007 и др.]. Существующие исследования имплицитных смыслов, выраженных при помощи средств немецкого языка, описывают широкий круг языковых и речевых явлений, связанных с небуквальностью, однако им недостает системности и теоретической обоснованности, так что задача систематизации интендированных имплицитных смыслов, изучения закономерностей их порождения, восприятия и способов языковой репрезентации остается по сей день нерешенной.

С появлением новой когнитивно-коммуникативной парадигмы в прагмалингвистике формируется новый поход – когнитивно-прагмалингвистический, который интегрирует коммуникативные и когнитивные исследования языка [Шевченко 2008, Carston 2002; Sinclair 1995; Sperber, Wilson 1990]. Именно когнитивная прагмалингвистика дает в

распоряжение исследователю имплицитных смыслов новейшую интегративную методологию и широкий спектр методов, применение которых делает возможным всестороннее освещение взаимосвязей языка и речи, мыслительной и коммуникативной деятельности говорящих, эксплицитного и имплицитного в вербальной коммуникации.

Применение когнитивной прагмалингвистики в качестве теоретической базы для исследования имплицитных смыслов обеспечивает установление когнитивных оснований этих смыслов, с одной стороны, и их коммуникативно-прагматических и языковых воплощений, с другой. В этом состоит **актуальность** описываемого исследования, **цель** которого состояла в выявлении природы речеактовых имплицитных смыслов и механизмов их вербализации в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе.

Объект исследования – речеактовые имплицитные смыслы, вербализованные в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе, которые изучаются на **предмет** когнитивных, коммуникативно-прагматических и языковых закономерностей их функционирования.

2. Когнитивная прагмалингвистика как теоретическая база исследования имплицитных смыслов. Тезисы о сосуществовании аналитических подходов как взаимодополняющих и о параллельном применении разных моделей коммуникации для объяснения функционирования смыслов в дискурсе [Сусов 2006: 148; Sperber, Wilson 1990: 3] дают основание полагать, что в диалогическом дискурсе:

- эксплицитные смыслы кодируются и декодируются согласно кодовой модели;
- интендированные имплицитные смыслы интендируются и выводятся согласно инференционной модели;
- неинтендированные имплицитные смыслы демонстрируются и интерпретируются согласно интеракционной модели коммуникации.

Соответственно, конструирование смыслов в ментальных репрезентациях коммуникантов имеет три типа: ‘кодирование – декодирование’, ‘интендирование – вывод’, ‘демонстрация – интерпретация’.

Единицей анализа имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе является РА, поскольку именно при его реализации на основе коллективной интенции коммуникантов имеет место конструирование ими обоими интендированных имплицитных смыслов. Анализ РА в дискурсе не может быть полноценным без привлечения перлокутивного аспекта. Поэтому, анализируя имплицитный смысл, следует опираться не на отдельный РА, а на дискурсивную последовательность, представляющую речевое взаимодействие коммуникантов, которые совместно конструируют определенные смыслы.

Под **речевым актом** понимается дискурсивно-речевое взаимодействие коммуникантов, основывающееся на их коллективной интенции, в процессе которого ими конструируются смыслы – пропозициональные, иллокутивные и перлокутивные. Ключевым в этой дефиниции является определяющее понятие

– ‘дискурсивно-речевое взаимодействие’, которое акцентирует, во-первых, совместную речевую деятельность коммуникантов (а не деятельность одного адресанта, как это понимается в классической теории РА), во-вторых, погруженность речевой деятельности в широкий дискурсивный контекст (а не ее изолированность от когнитивной и коммуникативной активности говорящих).

Такое понимание РА соответствует принципам когнитивной прагмалингвистики, объединяющей когнитивно-семантические и коммуникативно-прагматические исследования языка и речи. От классической (коммуникативной) прагматики когнитивную прагмалингвистику отличает привлечение когнитивистской методологии, которая задает новый вектор анализа: РА изучаются как коммуникативный процесс, берущий начало в ментальной сфере говорящего, что обеспечивает сосредоточение на мыслительных и речевых процессах в их взаимосвязи. Исходной точкой анализа становится коммуникативная интенция как ментальное состояние коммуниканта, предполагающее наличие у него иллокутивной и перлокутивной целей и обуславливающее формирование смысла РА. Так семантика (пропозициональный смысл) и прагматика (иллокутивный и перлокутивный смыслы) предстают взаимосвязанными и взаимообусловленными благодаря выходу на когнитивный уровень анализа. Таким образом, коммуникативная прагматика акцентирует акциональные аспекты языковой коммуникации, когнитивная прагматика подчеркивает интенциональные аспекты, которые определяют акциональные аспекты, предшествуя им.

Дискурс в когнитивной лингвистике понимается как мысле-коммуникативная деятельность, которая является единством процессуального и результативного аспектов, с одной стороны, и экстраязыкового и языкового аспектов, с другой [Шевченко 2005: 17]. Языковой аспект дискурса предполагает речевую деятельность коммуникантов (процесс) и текст (ее продукт). Экстраязыковой аспект включает когнитивную, коммуникативную деятельность и дискурсивный контекст. Дискурс представляет собой мысле-коммуникативную речевую деятельность коммуникантов в широком (ситуативно-коммуникативном, социо-культурном, когнитивно-психологическом) контексте, зафиксированную текстом. Минимальной единицей дискурса является РА. Если реализуются имплицитные РА, то целесообразно говорить о непрямом дискурсе. В непрямом дискурсе имплицитные смыслы конструируются коммуникантами по схеме ‘интендирование – вывод’ в ходе реализации имплицитных РА – его минимальных единиц.

Таким образом, непрямой дискурс есть мысле-коммуникативная речевая деятельность коммуникантов в широком контексте, которая основывается на дискурсивной импликации и фиксируется текстом имплицитно.

Имплицитные РА определяем как дискурсивно-речевое взаимодействие коммуникантов, в процессе которого ими конструируются имплицитные

смыслы – пропозициональные, иллокутивные и перлокутивные. Иными словами, это такие РА, в которых при интендировании адресантом и выведении адресатом речеактового смысла переосмысливается один или несколько компонентов РА.

Имплицитность языкового выражения проявляется наиболее ярко в диалогическом дискурсе, понимаемом как мысле-коммуникативная речевая деятельность коммуникантов в широком контексте, зафиксированная диалогическим текстом. Имеется в виду диалогический дискурс как в формальном аспекте (который соответствует пониманию диалога как текста), так и в функциональном аспекте (который коррелирует с пониманием диалога как речи).

3. Дискурсивная импликация. Когнитивно-прагматический подход к анализу имплицитных смыслов обуславливает рассмотрение дискурсивной импликации как когнитивно-прагматической категории, объединяющей когнитивный, коммуникативно-прагматический и языковой аспекты имплицитных смыслов.

Дискурсивная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом речеактового имплицитного смысла по типу ‘интендирование – вывод’, в результате чего реализуется не прямой дискурс. Дискурсивная импликация сопровождает и обуславливает реализацию имплицитных РА в дискурсе, в ходе которой имплицитный смысл находят языковое (имплицитное) выражение в высказываниях немецкого языка. Так в исследовании имплицитных смыслов отражается характерная для когнитивной прагмалингвистики интеграция предмета говорения (мысль), средства говорения (язык) и способа говорения (речь).

Система дискурсивной импликации предстает как “множество элементов с отношениями и связями между ними, которые образуют определенную целостность” [Бондарко 1984: 47]; элементами этой системы являются соответствующие РА – своеобразные “носители” данной категории, которые объединяются этой категорией в когнитивно-прагматическое поле.

Под категорией понимается парадигматическая группировка, образующаяся на основе общности определенных признаков, которые вариативно репрезентированы в языке и речи при помощи разноуровневых средств [Бондарко 1984; Карасик 2002: 167ff; Мещанинов 1978]. Речь идет о понятийных лингвистических категориях, которые являются универсальными, однако способы их репрезентации “обусловлены конкретным языком как инструментом познания мира, приоритетными для данного языка грамматическими способами, их комбинаторикой, их взаимодействием со всеми остальными способами выражения содержания в языке” [Карасик 2002: 168].

Свойства понятийных лингвистических категорий выделены И. И. Мещаниновым [Мещанинов 1978]. Эти категории:

- являются категориями сознания (т.е. их денотаты не существуют в реальном мире);
- обладают признаком системности;
- вариативно выявляются в языке, в частности, в семантике лексики, синтаксическом строе предложения, в морфологическом оформлении слова.

Когнитивно-прагматические категории имеют определенную специфику третьего из данных свойств: они проявляются, прежде всего, в речи – в процессе реализации РА, будучи связанными с речемыслительной деятельностью говорящих во время реализации дискурса. Систематизация таких РА основана на принципе когнитивно-прагматического поля. Понятие поля трактуется как форма описания языковых единиц, объединенных на основании общности и взаимодействия их признаков [Бондарко 1984].

Категория дискурсивной импликации представляет собой тот когнитивно-прагматический инвариант, который объединяет различные РА на основе общности и взаимодействия присущих данной категории признаков. Кластер признаков, который обеспечивает функционирование полевой структуры категории дискурсивной импликации, имеет следующий вид:

- реализация пропозициональной импликации;
- реализация иллокутивной импликации;
- реализация составной перлокутивной импликации;
- имплицитность речеактовых смыслов.

Пропозициональная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом в диалогическом дискурсе пропозициональных имплицитных смыслов по типу 'интендирование – вывод', т.е. процесс интендирования адресантом и вывода адресатом имплицитного пропозиционального компонента смысла. Если имплицитно выражена часть эксплицитной пропозиции, реализуется дискурсивная имплицитура, если имплицитно выражена вся пропозиция, реализуется дискурсивная импликатура.

Иллокутивная импликация представляет собой ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом иллокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу 'интендирование – вывод', т.е. когнитивный процесс интендирования адресантом и вывода адресатом имплицитного иллокутивного компонента речеактового смысла. Этот вид импликации имеет место в случае употребления неконвенционального для соответствующей иллокуции структурного типа высказывания (например, утверждение вместо просьбы) или перформативного типа высказывания (например, поздравление как выражение эмоций).

Перлокутивная импликация – ментально-коммуникативный процесс конструирования адресантом и адресатом перлокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу 'интендирование – вывод', т.е.

когнитивный процесс интендирования адресантом и вывода адресатом перлокутивного имплицитного смысла.

Такое понимание перлокутивной импликации основывается на модификации классического определения перлокуции, в которое включаются ее основные свойства – интендируемость и удачность: **перлокутивный акт** (перлокуция) – компонент РА, представляющий собой интендированное удачное воздействие адресанта на мысли, чувства и действия адресата или третьего лица посредством локутивного и иллокутивного актов. Неинтендированное воздействие квалифицируется как перлокутивное последствие, неудачный РА с точки зрения осуществления воздействия – как перлокутивная попытка.

Различается простая перлокутивная импликация (ассоциируемая и неассоциируемая) и составная. Ассоциируемая перлокутивная импликация имеет место, если структурный тип высказывания, реализующий иллокутивный и соответствующий ассоциируемый перлокутивный акты, не является конвенционально принятым для определенного типа РА. Адресант имеет при этом перлокутивную цель донести до адресата иллокутивную импликацию. Неассоциируемая перлокутивная импликация основывается на имплицитном способе выражения пропозиционального смысла РА. Адресант имеет при этом перлокутивную цель донести до адресата пропозициональную импликацию.

Составную перлокутивную импликацию наблюдаем, когда в одном РА представлены и иллокутивные, и пропозициональные имплицитные смыслы. Именно составная перлокутивная импликация выделяется в качестве одного из признаков дискурсивной импликации, поскольку она совмещает в себе обе возможности интендирования имплицитных смыслов – интендирование иллокутивных имплицитных смыслов и интендирование пропозициональных имплицитных смыслов.

Перлокутивная импликация играет определяющую роль относительно пропозициональной и иллокутивной импликации, поскольку она основывается на дополнительной перлокутивной цели адресанта – донести до адресата иллокутивную и / или пропозициональную импликацию. Чтобы РА можно было назвать имплицитным, его имплицитный смысл должен быть совместно сконструирован адресантом и адресатом, т.е. перлокутивная цель адресанта донести до адресата имплицитный смысл должна быть достигнута.

Имплицитность речеактовых смыслов предполагает их низкую степень конвенционализации. Конвенционализация – процесс приобретения словами и высказываниями конвенционального значения / смысла [Герасимова 1986; Дементьев 2006: 31; Busse 1991; Wunderlich 1972: 33] – положена в основу разделения имплицитных смыслов на конвенционализированные и имплицитивные (по критерию степени конвенционализации).

Степень конвенционализации эксплицитных смыслов максимальна, имплицитивных – минимальна, поэтому последние имеют такой признак, как имплицитивность (необходимость вывода). Чем более конвенционализирован

имплицитный смысл высказывания адресанта, тем быстрее процесс его вывода адресатом и тем менее вероятна реакция непонимания, проявляющаяся в реактивных ходах.

Выделяемое поле дискурсивной импликации является:

- когнитивно- прагматическим – когнитивным по характеру лежащей в его основе категории дискурсивной импликации, прагматическим по характеру выражающих эту категорию единиц – имплицитных РА;
- объемно-скалярным – в виду скалярных и диффузных эффектов, которые демонстрируют его компоненты.

Скалярный характер категории дискурсивной импликации отражает разную степень интенсивности реализации признака имплицитности смысла: периферийные компоненты не имеют признака имплицитности, в компонентах доминанты она сильнее, чем в компонентах ядра поля. Диффузный характер категории дискурсивной импликации определяется возможностью взаимного наложения ее видов, так что отдельно взятый РА способен иллюстрировать несколько типов имплицитного РА.

4. Когнитивно-прагматическое поле импликации в немецкоязычном дискурсе. Систематизация имплицитных РА путем построения когнитивно-прагматического поля дискурсивной импликации позволила установить, что данное поле имеет доминанту, ядро и периферию.

На периферии поля находятся **конвенционализированные РА, имеющие только один признак** (иллокутивную или пропозициональную импликацию).

В зависимости от того, какой компонент речеактового смысла подвержен конвенционализации, конвенционализированные РА распадаются на имплицитные РА с конвенционализированной иллокуцией (косвенные РА) (1) и имплицитные РА с конвенционализированной пропозицией (2) (после знака +> ('интендирует') эксплицирован имплицитный смысл):

(1) Grötzinger: Kannst du feststellen, ob und wieviel ich von der Steuer absetzen kann? (+> *Stell fest, ob und wie viel ich von der Steuer absetzen kann!*)

Pfanzelt macht sich eine Notiz. (*Sperr, S. 8*)

Гретцингер: Можешь установить, могу ли я урезать налоги и на сколько? (+> *Установи, могу ли урезать налоги и на сколько!*)

Пфанцельт записывает.

(2) Mitglied: Sag mal, weißt du, wo sie sich versammelt haben? (+> *Wo haben sie sich versammelt?*)

Berichterstatter: *Soviel ich weiß, hier nebenan. (Müller, S. 45)*

Член: Скажи, ты знаешь, где они собрались?

Докладчик: *Насколько я знаю, тут рядом.*

Подчеркнутые высказывания служат для реализации РА, смыслы которых являются имплицитными (конвенционализированными): в дискурсивном фрагменте (1) наблюдаем переосмысление квеситива в директив

(распоряжение) без переосмысления пропозиции; во фрагменте (2) реализован квеситив с переосмыслением пропозиции.

В разграничении эксплицитных и конвенционализированных речеактовых смыслов решающим является критерий контекста по Д. Вундерлиху [Wunderlich 1972]: в отличие от эксплицитного смысла, который является конвенционально закрепленным в виде значения за определенными знаками конкретного языка, конвенционализированный смысл распознается только в контексте, хотя он зафиксирован в словарях.

Импликативные смыслы являются окказиональными, авторскими, не зафиксированными словарями. В импликативных РА выделяются моно- и полиимпликативные.

Ядро поля – **моноимпликативные РА** – имеют два признака (пропозициональную импликацию и импликативность смыслов). Среди таких РА в зависимости от типа пропозициональной импликации выделены РА с дискурсивными имплицитурами, с индуктивными, дедуктивными и метафорическими имплицитурами.

Доминанта поля – **полиимпликативные РА** – имеют все признаки дискурсивной импликации. Если в моноимпликативных РА конструируется только пропозициональный имплицитный смысл (3), то в полиимпликативных – пропозициональный и иллокутивный имплицитные смыслы (4):

(3) Gerhard: Ich habe Angst, daß bei uns jetzt die Hysterie gegen Ausländer einsetzt.
(+> Das waren Ausländer in New York)

Johannes: Warum?

Mascha: Weil dein Vater weiß, daß es Ausländer waren in New York.
(Beltz, S. 139)

Герхард: Я боюсь, что у нас начнется истерика против иностранцев
(+> Это были иностранцы в Нью-Йорке)

Йоханнес: Почему это?

Маша: Потому что отец знает, что это были иностранцы в Нью-Йорке.

(4) Rauch: Adjeu. Zum Sanitäter: Wo liegt er denn, der Herr Landgerichtsdirektor?
Noch da drinnen? (+>Bringen Sie ihn in die Sanitätsbaracke!)

Der Sanitäter: Zu Befehl, Herr Kommerzienrat!
(Horváth: Kasimir und Karoline, S. 223)

Раух: Адъё. Санитару: А где он лежит, этот господин директор суда?
Все еще там внутри? (+>Отнесите его в санитарный барак!)

Санитар: Слушаюсь, господин коммерческий советник!

Во фрагменте (3) адресант вкладывает в свой РА ассертив дополнительный пропозициональный смысл, имплицитно высказывая мысль о причастности иностранцев к теракту в Нью-Йорке. Во фрагменте (4) после праздника пива (*Oktoberfest*) адресант, спрашивая санитару *p* (где находится пьяный судья), таким способом приказывает ему *q* (отнести того в барак): при помощи эксплицитного квеситива с пропозицией *p* конструируется имплицитный директив с пропозицией *q*.

Среди полиимплицативных РА выделены РА без иронического переосмысления (4) и РА с ироническим переосмыслением. Характерные признаки последних – пропозициональная импликация $p+>\sim p$, $\sim p+>p$ и субъективная оценка. Вместе с переосмыслением пропозиции в таких РА происходит также переосмысление пропозициональной установки, причем в интенцию адресанта входит дополнительная перлокутивная цель донести до адресата обратную пропозициональную установку. Это отличает иронические РА от неискренних, где нарушается условие искренности. Следующий дискурсивный фрагмент иллюстрирует самоиронию адресанта (Гавличека), вынужденного жить на пограничном мосту, потому что ни одно из государств не принимает его из-за недоразумения. Он предлагает пограничнику перейти границу и объяснить властям ситуацию:

(5) Konstantin: *Ich hinüber? In Uniform? <...> Ausgeschlossen! Ich darf ja nicht mal auf die Brücke und derweit ist die doch nur neutral! Jetzt erst noch auf das andere Ufer – das ist grotesk!*

Havlicek: *Und ich bin vielleicht nicht grotesk? (+> Ich bin grotesk) Großer Gott, wie kompliziert!*

Konstantin: *Völkerrecht, Herr! Haag und Genf. (Horváth: Hin und her, S. 224)*

Konstantin: *Я – на ту сторону? В униформе? <...> Исключено! Мне даже на мост не разрешается, а он ведь нейтральный! Сейчас, на другой берег – это смешно!*

Гавличек: *А я не смешон? (+> Я смешон) Боже мой, как все сложно!*

На реализацию того или иного имплицативного смысла объективно указывают:

- вербальные индикаторы имплицитных смыслов (например, фразеосхемы в (1), (2), модальные частицы *vielleicht*, *nicht* в (5));
- экспликация имплицитного смысла адресатом или третьим лицом в проспективном языковом контексте (3);
- вербальная или невербальная реакция адресата именно на имплицитный смысл (4);
- дискурсивный контекст.

Для каждого типа имплицитных РА установлены специфические вербальные индикаторы имплицитных смыслов. Высказывания, которые реализуют конвенционализированные РА, в качестве вербальных индикаторов имплицитного (конвенционализированного) смысла демонстрируют фразеологические средства – неспецифические (фразеосхемы), пословицы), фигуративные и эллиптические фразеологизмы, в которых лексические и грамматические явления выступают в неразрывном единстве. Фразеосхемы эксплицируют условия успешности РА и включают модальные глаголы, модальные слова частицы, ограничительные частицы, негативные, адресатные, безличные и неопределенно-личные местоимения, темпоральные и качественные наречия, междометия, условное наклонение глагола, суперлативы, диминутивы, парентетические элементы, специфическую

лексику, парцелляцию, повторы, инверсию, эллипсис, субординацию, инфинитивные конструкции, обращения.

В высказываниях, реализующих имплицативные РА, вербальными индикаторами имплицитных смыслов являются лексико-грамматические средства, фокусирующие отдельные элементы пропозиции – аргумент, предикат, коннектор, модификатор, пресуппозицию, или всю пропозицию, среди которых выделяются лексико-грамматические единицы-носители конвенциональных имплицатур, фразеологизмы, парцелляция, инверсия, повторы, противопоставления. Для реализации имплицативных РА характерны также перлокутивные индикаторы.

5. Выводы. Систематизация широкой, разнообразной палитры речеактовых имплицитных смыслов, функционирующих в немецкоязычном диалогическом дискурсе, представляется возможной с привлечением когнитивно-прагматического подхода.

Природа речеактовых имплицитных смыслов рассматривается как единство их когнитивных, коммуникативно-прагматических и языковых воплощений. Эти смыслы характеризуются интендированностью, т.е. наличием в коммуникативной интенции адресанта перлокутивной цели донести имплицитный смысл до адресата.

Когнитивным воплощением имплицитных смыслов является дискурсивная импликация – ментально-коммуникативный процесс конструирования пропозициональных, иллокутивных и перлокутивных имплицитных смыслов в диалогическом дискурсе по типу ‘интендирование – вывод’ в ходе реализации имплицитных РА, представляющих собой коммуникативно-прагматическое воплощение имплицитных смыслов. Их языковыми воплощениями выступают вербальные индикаторы имплицитных смыслов, специфические для каждого типа имплицитных РА.

Категория дискурсивной импликации является когнитивно-прагматической понятийной категорией – обобщенной, вариативно представленной в языке и речи и связанной с речемыслительной коммуникативной деятельностью говорящих при реализации дискурса.

Категория дискурсивной импликации как речемыслительный процесс конструирования коммуникантами имплицитного смысла репрезентируется в дискурсе при помощи имплицитных РА, которые объединяются в когнитивно-прагматическое поле на основании признаков данной категории и образуют не прямой дискурс.

Такой подход позволяет систематизировать имплицитные РА, реализующиеся в немецкоязычном диалогическом дискурсе, в виде поля, имеющего доминанту, ядро и периферию (соответственно, полиимплицативные, моноимплицативные и конвенционализированные РА).

Перспективы исследования определяются необходимостью углубленного изучения выделенных типов имплицитных РА с учетом особенностей дискурсивной импликации в их реализации, а также привлечения

диахронического подхода к рассмотрению имплицитных РА с целью выявления скалярных характеристик имплицитных смыслов, закономерностей процесса конвенционализации смыслов в немецком диалогическом дискурсе как конструкте, подверженном исторической динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет философского изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
2. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ) / В.Х. Багдасарян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1983. – 183 с.
3. Бацевич Ф.С. Про один тип прагматичних аномалій, або чим можна зіпсувати натяк? / Ф.С. Бацевич // Мовознавство. – 2000. – № 2-3. – С. 16–23.
4. Белозьорова О.М. Дискурсивні властивості мовленнєвого акту натякання (на матеріалі сучасної німецької мови) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.М. Белозьорова; ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2007. – 20 с.
5. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1984. – 133 с.
6. Герасимова О.И. Косвенные высказывания и проблема конвенционализации / О.И. Герасимова // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. – С. 141–145.
7. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
8. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
9. Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Марьямянов. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 200 с.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
11. Кобозева И.М. Об одном способе косвенного информирования / И.М. Кобозева Н.И., Лауфер // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1988. – Т. 47. – № 5. – С. 462–471.
12. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной имплицитивной семантикой в дискурсе (языковой, логический и прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.19 / Л.В. Лисоченко ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 1993. – 48 с.
13. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / А.А. Масленникова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб, 1999. – 35 с.

14. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л. : Наука, 1978. – 388 с.
15. Непрямая коммуникация : сб. научн. тр. / отв. ред. В.В. Дементьев. – Саратов : Колледж, 2003. – 350 с.
16. Нефедова Л.А. Когнитивно-типологический аспект имплицитной коммуникации (на материале французских текстов и их переводов на русский язык) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л.А. Нефедова ; Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 41 с.
17. Пospelова А.Г. Косвенные высказывания / А.Г. Пospelова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 141–153.
18. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – К., 1986. – 115 с.
19. Романов А.А. Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов / А.А. Романов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск : Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 195–200.
20. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов : мат-лы межд. научн. конф., (Калининград – Светлогорск, 15-17 сентября 2005 г.) / Рос. гос. ун-т им. И. Канта ; под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – 334 с.
21. Старикова Е.Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке / Е.Н. Старикова. – К. : Вища школа, 1974. – 142 с.
22. Сусов И.П. История языкознания / И.П. Сусов. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 295 с.
23. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.С. Сыщиков ; Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 23 с.
24. Федоренко С.Е. Ироническое высказывание как один из видов небуквальных речевых актов / С.Е. Федоренко // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2007. – Вып. 7 : В мире языка. – С. 139–143.
25. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М.Ю. Федосюк. – М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – 84 с.
26. Шевченко І.С. Когнітивно-комунікативна парадигма і аналіз дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків : Константа, 2005. – С. 9–20.
27. Шевченко И.С. Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2008. – № 811. – С. 3–7.

28. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике / Е.И. Шендельс // Сб. научн. тр. МГПИЯ им. М. Тореца. – М. : Изд-во МГПИЯ, 1977. – Вып. 112. – С. 109–120.
29. Austin J.L. How to do things with words / J.L. Austin. – Cambridge/Mass. : Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
30. Busse D. Konventionalisierungsstufen des Zeichengebrauchs als Ausgangspunkt semantischen Wandels / D. Busse // Diachrone Semantik und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – S. 37–65.
31. Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002. – Vol. 17. – № 1-2. – P. 127–148.
32. Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // ders. Studies in the Way of Words. – Cambridge (Mass.), L. : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.
33. Searle J.R. Indirekte Sprechakte / J.R. Searle // ders. Ausdruck und Bedeutung. – Fr./M. : Suhrkamp, 1982. – S. 57–79.
34. Sinclair M. Fitting pragmatics into the mind: Some issues in mentalist pragmatics M. Sinclair // Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol. 23. – P. 509–539.
35. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford, Cambridge : Blackwell, 1990. – 279 p.
36. Wunderlich D. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen / D. Wunderlich // Linguistische Pragmatik. – Fr./M. : Athenäum, 1972. – S. 11–59.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Horváth Ö. v. Kasimir und Karoline. Ein Volksstück / Ödon von Horváth // Spectaculum 8. – Fr./M. : Suhrkamp, 1965. – S. 181–230.
2. Horváth Ö. v. Hin und her / Ödon von Horváth // ders. Gesammelte Werke. Bd. 3 : Komödien. – Fr./M : Suhrkamp, 1978. – S. 201–272.
3. Beltz M. Die Frankfurter Verlobung / Matthias Beltz // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 93–144.
4. Müller H. Der eine und der andere. Szenische Dialoge / Helmut Müller. – München : Klett, 1995. – 55 S.
5. Sperr M. Landshuter Erzählungen / Martin Sperr // Wunschkonzert: Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. – M. : Raduga, 1983. – S. 265–330.

УДК 81-112.2

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА *ВРЕМЯ* В БРИТАНСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Бондаренко (Харьков, Украина)

Е.В. Бондаренко. Эволюция концепта ВРЕМЯ в британском дискурсе. В статье рассматриваются тенденции эволюции концепта ВРЕМЯ, реализованного в мифо-эпическом и научном типах дискурса Великобритании в период с X в. до н.э. по XXI в. н.э. Концепт моделируется в виде концептуальной сети, которая выявляет пропозициональные связи концепта ВРЕМЯ с другими концептами. Установлено, что рассматриваемый концепт в британском философском дискурсе XXI в. является продуктом синтеза моделей времени всех предыдущих эпох.

Ключевые слова: вненаучная ('теплая') картина мира (ТКМ), научная ('холодная') картина мира (ХКМ), концепт, концептуальная сеть (КС). 'теплая' модель времени (ТМВ), 'холодная' модель времени (ХМВ).

Є.В. Бондаренко. Еволюція концепту ЧАС в британському дискурсі. У статті розглядаються тенденції еволюції концепту ЧАС, реалізованого в міфо-епічному та науковому типах дискурсу Великої Британії в період з X ст. до н.е. по XXI ст. н.е. Концепт моделюється у вигляді концептуальної мережі, яка виявляє пропозиціональні зв'язки концепту ЧАС з іншими концептами. Встановлено, що цей концепт у британському філософському дискурсі XXI ст. є продуктом синтезу моделей часу всіх попередніх епох.

Ключові слова: позанаукова ('тепла') картина світу (ТКМ), наукова ('холодна') картина світу (ХКМ), концепт, концептуальна мережа (КС). 'тепла' модель часу (ТМВ), 'холодна' модель часу (ХМВ).

Y. Bondarenko. The TIME concept evolution in British discourse. The article reviews basic tendencies of evolution of the TIME concept in mythical and scientific (philosophical) types of discourse in Great Britain of 10th c. BC – 21st c. AD. The concept is modelled as a conceptual network, which allows singling out propositional relations of the TIME concept with other concepts. The research features the considered concept in British philosophical discourse of the 21st c. as an evolutionary product of the time models of the previous epochs.

Key words: scientific ('cold') world construal, non-scientific ('warm') world construal, 'cold' time model, 'warm' time model, concept, conceptual framing network.

Работа посвящена историческому описанию вербализации лингвокогнитивной модели времени в мифо-эпическом и научном дискурсе Великобритании.

Актуальность работы связана с ее антропоцентризмом, предпосылкой, обусловившей когнитивно-дискурсивную парадигматику лингвистических исследований в настоящее время. Комплексный подход к языковым и речевым явлениям в рамках подобной парадигматики позволяет применить объяснительные приемы, характерные для научной методологии.

Целью является выявление эволюционных тенденций развития лингвокогнитивной структуры времени, реализуемой в мифо-эпическом и научном типах дискурса Великобритании в период с X в. до н.э. по XXI в. н.э.

Исходными для данного исследования являются следующие положения:

Время зачастую интерпретируется как двойственная сущность. С одной стороны, оно представляется как свойство материи (научное), ориентированное на объективные явления действительности, с другой, – как продукт экзистенции человека (внеаучное), выстроенный по принципам, свойственным познанию индивидуума.

Дуальная природа толкования времени обусловлена двумя комплементарными типами мировосприятия, научного и внеаучного, которые на лингвокогнитивном уровне реализуются в оппозициях категориальных концептов материальное :: духовное, рациональное :: чувственное, объективное :: субъективное, рассудочное :: эмоциональное, логическое :: эстетическое, закономерное :: случайное, стереотипное :: уникальное [Цофнас 1999: 279-287]. Левые члены оппозиции образуют категориальную сетку так называемой ‘холодной’ (научной) (ХКМ), а правые – ‘теплой’ (внеаучной) картины мира (ТКМ).

Время как базовая категория картины мира проявляется в виде дуальной модели, “которая либо ориентирована на само время” (здесь – ‘холодная’ модель времени (ХМВ) – Е.Б.), либо в которой “главной фигурой является человек” (здесь – ‘теплая’ модель времени (ТМВ) – Е.Б.) [Арутюнова 1997: 11]. Сразу же следует оговориться, что эти модели, как и соответствующие картины мира, практически никогда не встречаются в “чистом” виде, они комплементарны, так что компоненты ХКМ и ТКМ всегда присутствуют в модели времени.

Модель времени представляется в работе как концептуальная сеть (КС), система логических связей концепта ВРЕМЯ с другими концептами, реализующаяся в языке или дискурсе. Концептуальная сеть имеет следующий состав: предметный фрейм: слот Качество (Нечто *есть* ТАКОЕ), Способ (Нечто *существует* ТАК), Локатив (Нечто *существует* ТАМ) и Антецедент (Нечто *не существует* ТАК); акциональный фрейм: слот Стимул (Нечто *действует из-за*), Сирконстант (Нечто *действует с помощью*), Пациент (Нечто *действует на*); посессивный фрейм: слот Обладаемое/Обладатель (Нечто *имеет* Нечто); идентификационный фрейм: слот Род/Роль (Нечто-вид *есть* Нечто-род/роль); компаративный фрейм: слот Коррелят (Нечто *есть (как бы)* Нечто) [Тестелец 2001; Cognitive exploration... 1998; Fillmore 1982].

В состав конкретной КС могут входить далеко не все фреймы или их слоты. Структура КС зависит от того, какие связи других концептов с концептом ВРЕМЯ будут вербализованы в том или ином дискурсе. Данное свойство КС позволяет сравнивать модели времени, реализованные в том или ином дискурсе, по количественному критерию, т.е. по наличию той или иной связи концепта ВРЕМЯ.

Универсальность структуры КС позволяет также делать наглядные сравнения по качественным показателям: определить соотношение ‘холодных’ и ‘теплых’ компонентов в ее составе. Таким образом, посредством моделирования КС концепта ВРЕМЯ, реализованной в том или ином дискурсе, возникает возможность выявить тенденции эволюции указанного концепта на протяжении обозримой истории человечества.

Объект данной работы – лингвокогнитивная модель времени, реализованная в дискурсе.

Предмет исследования – историческая эволюция состава моделей времени, манифестированных в мифо-эпическом и философском дискурсе X в. до н.э. – XXI в.в.

Материалом для исследования когнитивной эволюции модели времени являются образцы мифо-эпического и научного (философского) дискурсов X в. до н.э. – XXI в. н.э. Великобритании (и для сопоставления – Древних Индии, Китая, Рима и Греции).

В качестве веховых моделей времени в мифо-эпическом дискурсе рассмотрены модель времени кельтов (X в. до н.э.), древнеанглийская (VII–VIII в.в. н.э.) и среднеанглийская (VIII–XIV в.в.).

Эволюция когнитивной структуры времени в философском (научном) дискурсе рассматривается как на примере систем древних цивилизаций: индийской (V–VII в.в. до н.э.), китайской (VI в. до н.э.), римской и греческой (европейской) (VI в. до н.э. – V в. н.э.), средневековой английской (VI в. н.э.), средневековой европейской (VI–XI в.в. н.э.), систем европейского рационализма (XVII в.), английского позитивизма и рационализма (XVIII в.), эмпиризма (XV–XIX в.в.), феноменологии (XIX–XX в.в.) и современной английской философской и научной (XXI в.).

Основанием для выбора философского дискурса в качестве опорного для анализа представлений о времени в ту или иную эпоху является наличие прецедента подобных попыток, представленных в обзорах Н.А. Потаенко [Потаенко 1997: 117-118] и Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1997: 51-61], а также в философских исследованиях последних лет (см., например, [Бех 2003]).

Вторым основанием для выбора философского дискурса для этого исследования является тезис о том, что философские доктрины оперируют “не фактами природы, а *понятиями языка*. Философия анализирует и сопоставляет категории мышления, но не реальность” [Аксенов 1996: 48]. Мы предполагаем, что предметной основой когнитивных операций, реализуемых в результатах теоретического переосмысления действительности той или иной эпохи, т.е.

философского дискурса, являются мифо-эпические и философские представления о времени (летоисчислении, роде движения, отношении к человеку и его мышлению), сложившиеся в коллективном или индивидуальном сознании того или иного периода.

Тогда можно выдвинуть предположение о том, что *мифо-этический и философский, дискурсы оязыковляют один и тот же набор составляющих модели времени, но в разных структурных соотношениях и разных сочетаниях 'холодных' и 'теплых' компонентов.*

Образец анализа мы представим на примере КС, реализованной в современном британском философском дискурсе. Затем сопоставим ее с моделями предыдущих эпох.

Британский философский дискурс XXI в. представляет проблемы, связанные со временем, в виде своеобразного экклезиаста ученого, который сам задает вопросы и сам пытается дать на них ответ: *many issues remain to be resolved. Here is a short list of the most important ones— what time actually is; (...) why time has an arrow even though the dynamical laws of the microscopic constituents of the universe appear to be incapable of distinguishing past and future; (...); how to analyze the metaphor of time's flow...* [Time: The Internet...].

Ответы на указанные вопросы позволят выявить концепты-составляющие современной философской модели времени.

Начнем с определения времени. Самое поверхностное определение это: *“what accurate clocks measure”* [Time: The Internet...] (реализация концепта ИЗМЕРИМОСТЬ в слоте Качество предметного фрейма, концепта ЧАСЫ в слоте Сирконстант акционального фрейма).

Более глубокие определения времени дают представления о нем как о СООТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ: *it is a special system of relations among instantaneous events* [Time: The Internet...]; ФОРМЕ СТАНОВЛЕНИЯ: *is the form of becoming* [Time: The Internet...] и СОЧЕТАНИИ ИНТЕРВАЛОВ: *time is a composition of intervals rather than of durationless instants* [Time: The Internet...] (слот идентификационного фрейма Роль). Последнее определение также вербализует концепт ИНТЕРВАЛЫ в слоте Обладаемое посессивного фрейма.

Несомненной признается дуальная природа времени (концепт ДУАЛЬНОСТЬ в слоте Качество предметного фрейма): *If physical time and psychological time are two different kinds of time, then two answers are required to the question "What is time?" and some commentary is required regarding their relationships, such as whether one is more fundamental. Many philosophers of science argue that physical time is more fundamental even though psychological time is discovered first by each of us as we grow out of our childhood, and even though psychological time was discovered first as the human beings evolved from our animal ancestors* [Time: The Internet...].

В свете нашего исследования под фундаментальностью следует понимать 'холодность', т.е. МАТЕРИАЛЬНОСТЬ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ,

ОБЪЕКТИВНОСТЬ, РАССУДОЧНОСТЬ, ЛОГИЧНОСТЬ и ЗАКОНОМЕРНОСТЬ модели времени. Таким образом, в приведенном определении реализуются концепты ОБЪЕКТИВНОСТЬ :: СУБЪЕКТИВНОСТЬ (слота Качество предметного фрейма), а также ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ и МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (слота Стимул акционального фрейма).

Другим немаловажным аспектом при рассмотрении времени является установление его визуального образа, который в конечном счете сводился либо к линии, либо к кругу или спирали. Современные философы утверждают, что: *The logic of the term "time" that is embedded in our time talk does not rule out a nonlinear structure for time, but there is no reason to believe (physical) time is actually like this or that anything has gone back in time* [Time: The Internet...].

Таким образом, здесь снова присутствует дуальность образа времени, которая имеет непосредственное отношение к Пациенсу (ЧЕЛОВЕКУ, ЛИЧНОСТИ) (слоту Пациенс акционального фрейма): (1) *With circular time, you can be assured that after your death you will be reborn. The future will become the past. (...) The casual loops of Einstein's general theory or closed curves in spacetime allow you to go forward continuously in time until you arrive back into your past. You might even meet your younger self. If so, some definitions of "person" will need to be revised to allow for this* [Time: The Internet...].

Вопрос линейности времени непосредственно связан с возможностью его визуальной интерпретации в виде стрелы (Коррелят компаративного фрейма СТРЕЛА): (2) *The amalgamation of the universe's irreversible processes produces the cosmic arrow of time, the master arrow. Usually this arrow is what is meant when one speaks simply of "time's arrow"* [Time: The Internet...], из чего следует ЛИНЕЙНОСТЬ (слот Качество предметного фрейма) и ОДНОНАПРАВЛЕННОСТЬ времени, определяемого явлениями онтологии (вселенной). Время в данном случае соотносится с ФИЗИЧЕСКИМИ ЯВЛЕНИЯМИ (ПРОЦЕССАМИ) как Стимулом ВРЕМЕНИ. При сопоставлении примеров (1) и (2), можно заключить, что ЦИКЛИЧНОСТЬ ассоциируется в философской модели времени с конкретной СУБСТАНЦИЕЙ или ЛИЧНОСТЬЮ (слот Качество: СУБСТАНТИВНОСТЬ), а ЛИНЕЙНОСТЬ – с универсумом (Слот Качество: УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ).

Проблема визуализации времени в виде стрелы позволяет ответить на вопрос о характере направленности времени: *Usually this arrow is what is meant when one speaks simply of "time's arrow." By the convention, we say the arrow is directed toward the future. The arrow of time is what distinguishes events ordered by the happens-before relation from those ordered by its converse, the happens-after relation* [Time: The Internet...].

Таким образом, утверждается, что время обладает свойством ОДНОНАПРАВЛЕННОСТИ (слот Качество предметного фрейма), а также МОДУСАМИ (ПРОШЕДШЕГО, НАСТОЯЩЕГО и БУДУЩЕГО) (Слот Обладанное посессивного фрейма).

Последний важный вопрос относительно времени касается широко распространенной в философии метафоры *time flow: It is as if we were floating on a river, carried by the current past the manifold of events which is spread out timelessly on the bank* [Time: The Internet...].

Соотносясь с концептами ПОТОК в древнеиндийской философской МВ и ИЗМЕНЕНИЕ – в древнекитайской, ОТНОШЕНИЕ ДВИЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ в МВ европейских рационалистов, ПРОЦЕСС в МВ английских рационалистов и позитивистов, концепт современной философской МВ ПОТОК является продуктом синтеза предыдущего мирового опыта объяснения связи течения времени и событий:

Everyone agrees that the passage of time "appears" to us humans to flow [Time: The Internet...].

Исходя из того, что концепт ПОТОК имеет различные логические связи в зависимости от дискурса, в котором он реализуется: (ТКМ): *the flow is an illusion, the product of a faulty metaphor. Time exists, things change, but time doesn't flow objectively, although there may well be some objective feature of our brains that causes us to believe we are experiencing a flow of time; but in that case time flows only in a subjective sense of the term* [Time: The Internet...] (слот Коррелят компаративного фрейма), (ХКМ): *the flow is objective, a feature of our mind-independent reality that is to be found in, say, today scientific laws, or, if it has been missed there, then in future scientific laws* [Time: The Internet...] (слот Роль идентификационного фрейма), поместим его в оба фрейма.

Таким образом, модель времени, реализованную в современном английском философском дискурсе, можно представить в виде концептуальной сети, состоящей из предметного, посессивного, компаративного, идентификационного и акционального фреймов.

Предметный фрейм состоит из одного слота, Качество, реализуемого в концептах ИЗМЕРИМОСТЬ, ОДНОНАПРАВЛЕННОСТЬ и ДУАЛЬНОСТЬ. Последний определяет сложные связи между концептами, составляющими его содержание. Так, имеют место цепочки: ОБЪЕКТИВНОСТЬ – ЛИНЕЙНОСТЬ – УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ и СУБЪЕКТИВНОСТЬ – ЦИКЛИЧНОСТЬ – СУБСТАНТИВНОСТЬ.

Посессивный фрейм имеет также один слот Обладаемое, реализованный в концептах: ИНТЕРВАЛЫ и МОДУСЫ (ПРОШЕДШЕЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ)

Компаративный фрейм реализован в двух концептах: СТРЕЛА и ПОТОК.

Идентификационный фрейм имеет один слот – Роль: СОТНОШЕНИЕ СОБЫТИЙ (ПОТОК), ФОРМА СТАНОВЛЕНИЯ и СОЧЕТАНИЕ ИНТЕРВАЛОВ.

Акциональный фрейм представлен рядом слотов: Стимул: ФИЗИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ (ПРОЦЕССЫ), МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА; Сирконстант: ЧАСЫ; Пациенс: ЧЕЛОВЕК (ЛИЧНОСТЬ) и СУБСТАНЦИЯ.

Анализ составляющих данной модели времени в сравнении с моделями предыдущих эпох позволяет говорить о ряде следующих свойств.

Наиболее заметной чертой модели времени в данном случае является ее универсальность: практически все существенные свойства времени оказались реализованными в этой модели. Это, в первую очередь, касается слотов предметного фрейма Качество и Способ, слотов акционального фрейма Стимул и Пациенс.

Слот Качество в развитии модели времени в мифо-эпическом и философском дискурсах представлялся в древности в концепте ЦИКЛИЧНОСТЬ, затем в средние века была признана ЛИНЕЙНОСТЬ времени, что, в конечном счете, привело к признанию ДУАЛЬНОСТИ времени по этому параметру. СУБСТАНТИВНОСТЬ времени в мифо-эпических и философских моделях времени противопоставлялась УНИВЕРСАЛЬНОСТИ, что также в современной модели времени приводит к выводу о дуальности времени. То же можно заключить и о свойстве СУБЪЕКТИВНОСТИ, которое прослеживается практически во всех моделях времени и в конечном счете противопоставляется ОБЪЕКТИВНОСТИ.

Слот Способ претерпел трансформацию, т.к. концепты, ранее представлявшие эту связь концепта ВРЕМЯ, перешли либо в: 1) в акциональный фрейм (слот Стимул). Так произошло с концептами философских моделей времени XVIII–XXI в.в. МЫШЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ДУШЕВНЫЙ ПРОЦЕСС, ЧУВСТВЕННЫЙ ОПЫТ, РЕФЛЕКСИЯ; либо в: 2) в посессивный фрейм (Слот Обладанное). Эта трансформация наблюдается с концептами древних философских и мифо-эпических МВ: ЦИКЛ (ЛУН, ДНЕЙ НЕДЕЛИ), ИНТЕРВАЛЫ.

Концепт, реализующий Слот Пациенс, практически не изменился. Это зачастую ЧЕЛОВЕК или его БЫТИЕ.

Концепты, представляющие компаративный фрейм в филогенезе модели времени, также отчасти представлены в современной английской философской модели времени. Однако, *из своеобразных образов на вербальном уровне они трансформировались в научные термины или понятия.* Так, например, произошло с концептами поток (древнеиндийская модель времени), изменение (древнекитайская модель времени), протекание процесса (модель времени средневековья), отношение движения вещей (модель времени европейских рационалистов), которые на современном этапе трансформировались в концепт процесс; концепты стихотворный размер (древняя европейская философская модель времени), последовательность идей (модель времени английских рационалистов и позитивистов) и (ноэтическое) переживание (феноменологическая модель времени XIX–XX вв.) трансформировались в концепт СООТНОШЕНИЕ СОБЫТИЙ (ПОТОК).

Универсальность рассматриваемой модели времени проявляется также в ее уравновешенности в плане соотношения ‘холодных’ и ‘теплых’ компонентов. Показательными в этом отношении являются слоты Качество

предметного, Стимул и Пациенс акционального и Роль идентификационного фреймов. Современный английский философский дискурс демонстрирует тенденцию к гармонизации, однако, источником такой гармонии является не вера (как в предыдущие эпохи), а научный анализ и философская рефлексия, основанная на оперировании вербальными формами.

Второй особенностью этой модели является антропоцентричность, т.е. большая доля присутствия в ней ‘теплых’ компонентов (слоты Стимул и Пациенс акционального фрейма), ряд концептов слота Качество.

Таким образом, модель времени, реализованная в современном философском дискурсе, является синтезированным репрезентантом всех ранее существовавших мифо-эпических и философских моделей времени с паритетом концептов, принадлежащих научной и вненаучной картина мира.

Перспективой исследования является определение эволюционных тенденций развития лингвокогнитивной модели времени, реализованной в художественном дискурсе Великобритании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов Г.П. О причине времени / Г.П. Аксенов // Вопросы философии. – 1996. – № 1. – С. 42-56.
2. Арутюнова Н.Д. От редактора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 5-12.
3. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 51-61.
4. Бех В.П. Человек и вселенная: когнитивный анализ: 2-е изд. доп. / В.П. Бех. – Запорожье: Освіта, 2003.
5. Потаенко Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания) / Н.А. Потаенко // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 111-121.
6. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 800 с.
7. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания / А.Ю. Цофнас. – Одесса: АстроПринт, 1999.
8. Cognitive exploration of language and linguistics / [edited by] René Dirven and Marjolijn Verspoor; in collaboration with Johan de Caluwe ... et al. – Amsterdam; Philadelphia ; J. Benjamins Pub. Co., – 1998. – 300 p. : ill.
9. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // The Linguistic Society of Korea (ed.). Linguistics in the Morning Calm. – Seoul : Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111–137.
10. Time: The Internet Encyclopaedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.8.utm.edu/time.htm>.

УДК 801.831.5=111

ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

С.Г. Воркачев (Краснодар, Россия)

С.Г. Воркачев. Значимостная составляющая лингвокультурной идеи справедливости. В статье на базе речевого употребления прилагательного *справедливый* описывается лингвокультурный концепт, лежащий в основе идеи справедливости, и реконструируются три основных разновидности справедливости – процессуальная, карающая и распределительная – в современном русском языковом сознании. В речевых употреблениях прилагательного *справедливый* прослеживается семантическая структура этической категории справедливости.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурная идея, разновидности справедливости, языковое сознание, категориальный признак.

С.Г. Воркачев. Значеннєва складова лінгвокультурної ідеї справедливості. У статті на базі мовленнєвого вживання прикметника *справедливий* описується лінгвокультурний концепт, який лежить в основі ідеї справедливості, та реконструюються три основні різновиди справедливості – процесуальна, караюча й розподільна – у сучасній російській мовній свідомості. У мовленнєвих вживаннях прикметника *справедливий* простежується семантична структура етичної категорії справедливості.

Ключові слова: концепт, лінгвокультурна ідея, різновиди справедливості, мовна свідомість, категоріальна ознака.

S.G. Vorkachev. Meaningful component of the linguistic cultural idea of justice. In this article the linguo-cultural concept that underlies the idea of justice is described on the basis of verbal use of the adjective *just* and the three main types of justice – procedural, chastising and distributional are reconstructed for the modern Russian linguistic consciousness. In the speech use of the adjective *just* the semantic structure of the ethical category of justice has been traced.

Key words: concept, linguistic, cultural idea, a kind of justice, language, consciousness, categorical trait.

Лингвокультурную идею отличает от идеи культурной и просто идеи присутствие в семантическом составе указаний на связь со “знаковым телом” языковых единиц, закрепленных за её выражением. Эта идея образуется более дробными, но достаточно значимыми сущностями – лингвокультурными концептами, находящимися в отношениях семантического подобия и контраста:

СЧАСТЬЕ-БЛАЖЕНСТВО, СЧАСТЬЕ-УДАЧА, НЕСЧАСТЬЕ; ЛЮБОВЬ-СТРАСТЬ, ЛЮБОВЬ-МИЛОСТЬ, НЕНАВИСТЬ; СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВДА, НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ и пр. Поскольку, как можно видеть, в состав лингвокультурной идеи входят как концепты, так и “антиконцепты”, собственного неописательского имени в языке она не имеет и обозначается именем наиболее значимого положительного концепта, входящего в её состав (*идея счастья, справедливости, свободы* и пр.), а её “значимостная составляющая”, определяемая местом средств для её выражения в лексической системе языка, соответственно, совпадает со значимостной составляющей (см. подробнее: [Воркачев 2004: 122–124; Воркачев, Воркачева 2003: 263–264]) этого ведущего лингвоконцепта. **Цель** данной работы¹ – реконструкция лингвокультурной идеи справедливости в русском речевом сознании путем анализа речевого употребления прилагательного *справедливый* и выявление наиболее значимых признаков соответствующей этической категории.

В качестве источника **материала** для исследования использовалась электронная база данных “Национального корпуса русского языка”.

Лингвокультурный концепт, анализ которого приобретает особую **актуальность** в наше время, представляет собой некое “средостение”, разделяющее и соединяющее форму и содержание мысли, в котором сосредоточены находящиеся во взаимодействии культурные смыслы и способы их языкового представления (“Культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и *думает*. Язык же есть то, *как думают*” – [Сэпир 1993: 193]). Тем самым, лингвоконцептология – это своего рода испытательный стенд для проверки гипотезы лингвистической относительности, как сильного её варианта, жестко связывающего языковые формы и стереотипы сознания (“В языке мы *всегда* находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации” – [Гумбольдт 1985: 373]), так и слабого, признающего влияние языка лишь на определенные сегменты национальной концептосферы.

Давление лексической системы языка на общую семантику лингвоконцепта, осуществляемое через его значимостную составляющую, распределяется различным образом и зависит от области бытования последнего: его дискурсной принадлежности – преимущественной употребимости в определенной сфере общественного сознания, где он обретает специфические дополнительные семантические признаки.

Для обыденного, языкового сознания, безусловно, значимым представляется “разнесенность” морального и правового значений справедливости по разным словарным статьям и тематическим группам: *правда* и *справедливость* оказываются отделенными и дистанцированными от *правосудия* и *законности* уже в самой лексической системе русского языка.

В то же самое время своего рода “лексический каприз” – объединение в одну словарную статью нескольких “корреспондентских” значений (“*правда-истина, правда-справедливость и правда-искренность*”) завораживает носителей

научного сознания – философов, социологов и психологов, которые делают из этого в общем-то довольно заурядного лексикографического факта далеко идущие выводы мировоззренческого характера. Достаточно здесь вспомнить панегирик “поразительной внутренней красоте” слова *правда*, в котором истина и справедливость “как бы сливаются в одно великое целое” (см.: [Печенев 1990: 140]) и которое “оказывается как бы мостом, соединяющим истину с моралью” [Знаков 1999, 147], утверждения на этом основании об особой моральности русского народа (см.: [Касьянова 2003: 257–260]) и даже объяснение склонности русского человека ко лжи во спасение – “нравственной лжи” [Знаков 1999: 236]. Однако “соответствие” присутствует в семантике пропорциональности, а гармония сблизается со справедливостью (см., например: [Люшер 2003: 111]) и, тем самым, теоретически может дополнить словарную статью правды. А нежелание российских врачей “огорчать” инкурабельных пациентов точными сроками выхода из больницы и “сюрпризное” приведение в исполнение расстрельных приговоров якобы по дороге на допрос не обязательно объясняются лексическим соседством истины и справедливости.

По данным языка, “формула справедливости” реализуется в ходе судебного разбирательства (см.: [Арутюнова 1999: 555; Левонтина, Шмелев 2000: 284]), в котором представлены стороны – истец и ответчик, судьи той или иной инстанции, обвинители, защитники и наблюдатели – публика.

В формуле справедливости как меры воздаяния должного выделяется диктальная часть, в которую входят действия её протагонистов, затрагивающие чьи-либо интересы, и модальная часть, в которой содержится этическая оценка этих действий, причем для стороннего наблюдателя само вынесение этой оценки предстаёт как поступок, совершаемый осознанно и произвольно, и, тем самым, этически значимый – вменяемый субъекту в заслугу либо в вину. “Дурная бесконечность” судейского арбитража, когда любого судью судит другой судья (арбитр), а другого – третий и так далее (см.: [Левонтина, Шмелев 2000: 284]), в акте речи прерывается мнением говорящего – субъекта высказывания, который в качестве последней инстанции при отсутствии специальных шифтеров (*как полагают, по мнению X, с точки зрения X* и пр.) дает этическую оценку действиям протагонистов справедливости. Основанием справедливостной оценки выступает отношение человека к нормам распределения добра и зла, а само это основание конкретизируется в представлениях о мере справедливости – способе её воздаяния: *всем – поровну, каждому – свое, всем и каждому – по неотчуждаемым правам.*

Сопряженные внутри идеи справедливости обе её разновидности (воздавательная и распределительная) представляют как моральную характеристику человека через его поступки, так и характеристику общественного уклада, а сама справедливость имеет явно определительный уклон: в словарях она толкуется главным образом через отсылку к соответствующему прилагательному либо наречию. Следует также отметить, что *правда* – наиболее употребительное в русском языке имя для обозначения

справедливости – не имеет производных для своего этического значения: *правдивый* и *правдиво* соотносятся лишь с истинностным и искренностным ЛСВ этого имени. В то же самое время *справедливый* – прилагательное многозначное, причем значения истинностного, гносеологического соответствия (“соответствующий истине, действительности, действительному положению дел, истинный, правильный, верный, действующий в соответствии с истиной, основанный на беспристрастном соблюдении истины” [Ожегов, Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; СРЯ 1984, т. 4: 231]) в его словарных толкованиях явно преобладают над значением соответствия этического (“осуществляемый на законных и честных основаниях, основанный на требованиях справедливости, соответствующий моральным и правовым нормам” [там же]). Можно предполагать, однако, что внеконтекстно – без своего конкретизирующего определяемого – это прилагательное представляет собой некое подобие местоименного дейктика, указывающего на присутствие соответствия вообще: *X соответствует Y*, где места *X* и *Y* могут заниматься именами и пропозициями, отправляющими к содержанию мысли, речи или к предметной действительности.

По нашим данным, миниконтекст преимущественной реализации истинностного, “гносеологического” ЛСВ прилагательного *не/справедливый* (*не/точный, не/верный*) представлен множеством определяемых имен существительных, содержащих в своей семантике указания на связь со знанием, пониманием называнием и логическим выводом (*признак, понятие, представление, понимание, интерпретация, вывод, определение, известие, весть, показания, описание, быть, повесть* и пр.), например:

“Эта программа (введения в строй новых мощностей в электроэнергетике) неслучайно многими названа “ГОЭЛРО-2”. И я думаю, что это справедливое название” (АиФ 2006); “Но кроме этого адресата (второго) автор высказывания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего “нададресата” (“третьего”), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени” (Бочаров); “Перестань! – возвал пан Харитон прерывающимся голосом, и слезы покатались из глаз его, – перестань! это живое, справедливое описание будущих ощущений моих прежде времени терзает мою внутренность!” (Нарежный); “Я не мог узнать потом, было ли это известие о краже вина справедливое или кстати придуманное, нам во спасение” (Достоевский); “В состоянии ли совесть твоя справедливое дать определение ко осуждению твоему или ко оправданию?” (Левшин); “Но в некоторых летописях говорится, что Ибрагим не пошел сам, а послал на Вятку войско, и когда пришла к нему справедливая весть, что великий князь покорил Новгород, то он отдал войску приказ возвратиться немедленно” (Соловьев); “Я должен предположить, что подложность этого документа Вам неизвестна, и хочу верить, что Вы

не уклонитесь от того, чтобы пролить на это дело справедливый свет, дабы обнаружить истинных виновников этого подлого подлога” (Карпов); “Ну, чем не повесть, хотя справедливая быль – добродетель торжествует, порок наказан” (Стогов); “Будьте уверены, что сие требуется от вас по высочайшему ее императорского величества соизволению, то и должны вы во облегчение вашего настоящего жребия показать самую истину; в противном же случае всякое несправедливое ваше показание умножит ваше несчастье” (Материалы о преследовании Новикова); “Позвольте спросить, что могло дать вам о нем такое неблагоприятное и, смею сказать, несправедливое понятие” (Вяземский); “Однакож несправедливое те себе сделают представление о беспорядках, в кои Спартянская впаля республика при начале своего повреждения” (Радищев); “Известие конечно несправедливое: ибо наши государственные бумаги, свидетельствуя о приходе туда немецких кораблей с хлебом в 1602 году, не упоминают о таком жестоком запрете (Карамзин); “Петр Матвеевич был старше Лизы почти на двадцать лет, и вот эта-то сакраментальная разница и возбудила нехороший и, на мой взгляд и даже по моему убеждению, несправедливый (“несправедливый” в значении “неверный, ложный” в словарях приводится с пометой устар. – [БТСРЯ 1998: 642; Ожегов-Шведова 1998: 413]) слух, будто Лиза вышла замуж за Красавицкого по расчету (Розов); “Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление (Пушкин) “Донос такого мерзавца, самый несправедливый и нелепый, мог иметь гибельные последствия” (Греч); “А. Февральский делал справедливое заключение, что Всеволод Мейерхольд – имя человека, к которому никто не может быть равнодушным” (Елагин); “Из материалов дела также можно было сделать справедливый вывод, что ответчики заняли позицию затягивания и волокиты по данному делу, – как иначе понимать их многочисленные неявки в суд под самыми разнообразными предложениями!” (Кучерена).

“Микроконтекст” реализации этического ЛСВ прилагательного не/справедливый представлен множеством определяемых имен существительных, содержащих в своей семантике в качестве необходимого условия указание на связь с чьими-либо интересами, которое в случае “просто” справедливости – справедливости личностной – дополняется условием совершения действия протагонистом в ситуации свободы воли и выбора.

Справедливая оценка может даваться протагонистам справедливости непосредственно присоединением определения к имени лица или социального института (справедливый человек, справедливое общество), либо опосредоваться семантикой имени, раскрывающегося как пропозиция (справедливая война, несправедливое отношение к людям и пр.).

Просто справедливость, справедливость вообще, личностная справедливость противостоит прежде всего справедливости институциональной – характеристике институтов, систематически и постоянно воспроизводящих принципы распределения благ и тягот в обществе. В то же самое время в отдельную разновидность выделяется справедливость процессуальная – *судейская добродетель*: способность человека выступать беспристрастным и нелицеприятным арбитром в делах, где он сам не имеет личного интереса.

Следует заметить, однако, что между просто справедливостью и справедливостью институциональной, социальной нет четкой и жесткой границы. Все социальное представляет собой своего рода нерукотворный артефакт: оно создается при участии человека, но в значительной мере помимо его желания и зачастую даже вопреки ему. В то же самое время социальные институты обладают определенной коллективной волей: можно сказать, что это “вменяемые сообщества”, которые несут опять же коллективную ответственность за свои деяния. Любая социальная система по определению включает в себя отношения (структуру) и сами элементы, между которыми устанавливаются эти отношения, – вполне конкретные личности, обладающие свободой воли и выбора. Тем не менее, сказать точно с какого момента протагонист личностной справедливости становится протагонистом справедливости социальной невозможно: с двух человек, с трех человек, группы, с коллектива, с массы, с толпы, с народа? (“парадокс кучи”!).

Справедливость личностная передается непосредственно сочетанием прилагательного *не/справедливый* с именами существ, наделенных сознанием и волей, но не наделенных властью, поступки которых затрагивают чьи-либо интересы (*существо, человек, мужчина, женщина* и пр.), например:

“Премилосердное и справедливое существо захочет ли для такой бедной твари, каковы мы, быть когда-нибудь свирепым?” (Чулков); *“А надо сказать: справедливый был человек, хоть и пьяница”* (Короленко); *“Он справедливый мужик, зря говорить не станет”* (Шукин); *“Но тут же, как женщина справедливая, она вспомнила, как отторгла ее его рука, а другую женщину обняла”* (Щербакова); *“Доканчивайте вашу речь, несправедливый, гадкий человек!”* (Тургенев); *“Справедливая была старуха”* (Горький); *“А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая”* (Достоевский); *“Знаю, что дед жадный, несправедливый, а прощаю его и даже иногда похваляю ребятам”* (Железников); *“И не совестно было вам, дорогой, но несправедливый друг мой, так поступать с лучшим доброжелателем вашим”* (Достоевский); *Пчела – очень справедливое насекомое* (Матвеев).

Справедливость передается также сочетанием этого прилагательного с метафоризированными именами (*судьба, рука, ум, сердце, кинжал* и пр.):

“3. вообще принадлежал к числу тех счастливых личностей, которые в воде не тонут, в огне не горят и которых справедливая судьба рано или

поздно осыпает всеми благами мира сего” (Торнау); “Подбирая и систематизируя эти усердствования, по ним одним когда-нибудь строгий и справедливый ум сурово осудит порядок идей нашего времени, но и это напоминание не поможет живущим по пословице: “*après nous le déluge*”” (Лесков); “Мое намерение было, – говорил он, – оказать мои услуги более одного разу, и всякий, кто имеет справедливый рассудок, извинит меня” (Фонвизин); “Его оружие – святой меч, справедливый кинжал” (Семенова); “Хоронить – так всех, – ответил справедливый череп” (Успенский).

Опосредованно личностная справедливость передается сочетанием прилагательного с именами, раскрывающимися как пропозиции, актанты которых – лица – действуют в условиях свободы воли и выбора и своими действиями затрагивают интересы других лиц (*поступок, отношение, шаг, поединок, почин* и пр.):

“Свободный, разумный и справедливый поступок – втихомолку!” (Гончаров); “Третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступок” (Гоголь); “Его уважают и ценят за высокий профессионализм, талант руководителя, справедливое и чуткое отношение к людям” (Зорин); “Думать, что его можно разжалобить, – смешно; смешно и ждать, что можно чего-нибудь достигнуть указанием на его несправедливое отношение к нам” (Вересаев); “А поскольку законы, ущемляющие лукавые возможности чиновного люда, почему-то напрочь отсутствовали, преступный, но справедливый почин безвестного Робин Гуда воспринимался в народе с явным сочувствием” (Щербакова); “Молодость любит в славе только шум, а душа зрелая – справедливое, основательное признание ее полезной для света деятельности” (Карамзин); “Таковым образом отдав справедливый долг положившим за отечество живот свой, Монархиня се устанавливает и оставшимся с блистанием подвигов своих и заслуг, достойное награждение” (Левшин); “Слава Богу, справедливый поединок здесь невозможен, и Бог непременно сжульничает, хотим мы того или нет” (Театральная жизнь 28.07.2003); “Конечно, с ее стороны это была несправедливая грубость, но и ее в общем-то можно было понять” (Слипенчук); “Чуковскую порой ставит в тупик ахматовская несправедливая строгость – в “Записках” она пытается как-то объяснить, перетолковать, проинтерпретировать несправедливую Ахматову” (Иванова); “Скандал был несправедливый, потому Эди-бэби встал с табурета, сидя на котором, он ел на кухне борщ, не доев его, любимый борщ, демонстративно, и удалился на свою веранду” (Лимонов).

Значение “основной добродетели общественных институтов” (Дж. Роулз) – социальной справедливости передается, с одной стороны, сочетанием прилагательного *справедливый* с именами общественных структурированных

объединений, формальных и неформальных (*государство, общество, судебная система* и пр.), с другой – сочетанием прилагательного *справедливый* с именами гипостазированной структуры этих организаций (*схема, порядок, строй, уклад, модель, устройство* и пр.) и результатов её деятельности (*закон, решение, приговор, указ, конституция* и пр.):

“Инстинкт самосохранения народа востребовал надпартийные ценности: сильное и справедливое государство, работающее хозяйство, пропитание и защиту от терроризма, уголовщины и техногенных катастроф (Попов); “Только лишь общество творцов, общество художников сможет создать настоящее справедливое государственное устройство (Бурков); “Самое несправедливое общество сегодня несет высокую справедливость” (Васильев); “А вы думаете построить справедливое общество на шкурниках и завистниках?” (Солженицын); “Когда-нибудь на земле будет жить справедливое человечество, и оно, на площадях городов своих, поставит изумительной красоты монументы и напишет на них” (Горький); “Но в тех регионах / где суд присяжных уже работал / он показал себя / как очень справедливое учреждение / и достаточно либеральное” (Эхо Москвы); “Затем, опять же по гонгу, с кратким словом выступил Алексей Феофилактович, объяснил, что третейский суд – самый справедливый в мире суд потому, что избирается заинтересованными сторонами” (Слипенчук); “Все, дескать, ошибаются, все уклонились, все ложная церковь, я один, убийца и вор, – справедливая христианская церковь. (Достоевский); “Но общение недостижимо путем принудительной организации общества, этим путем может быть создан более справедливый строй, но не братство людей” (Бердяев); “В листовке писалось, что Германия призвана уничтожить большевиков и устанавливает новый, справедливый порядок, когда “кто не работает – тот не ест”, зато “каждый, кто честно трудится, получает по заслугам”” (Кузнецов); “Дмитрий знает Провидение, господствующее над миром, но чувствует его преимущественно как вечный, неизменный закон, как справедливый устав бытия, и потому Провидение им чувствуется фаталистично” (Флоренский); “Хотя, видимо, объяснения Михаила были неполны, но социализм крепко засел в моей душе как справедливый строй жизни” (Каганович); “Еще хуже они усваиваются, когда военный человек видит несправедливое устройство государства, которое он призван защищать” (Баранец); “Система по нынешним экономическим воззрениям правильная и справедливая, но в тогдашнее время внутреннего неустройства крайне невыгодная для государства” (Мельников-Печерский); “Была надежда, что Арбитражный суд рассмотрит все представленные доводы и вынесет справедливое решение” (Витрина читающей России 2002); Еще Фома Аквинский писал, что “несправедливый закон вообще не закон, а скорее форма насилия””

(Яковлев); “В России всякий несправедливый закон исправляется неисполнением его” (Вигель); “Да, приговор кажется вопиюще несправедливым. Но если 12 присяжных пришли к выводу, что он справедлив, значит, они знают то, чего не знаем мы” (АиФ 2006).

Сочетание прилагательного *справедливый* с соответствующими именами передает в речи все три основных разновидности справедливости, выделяемых в социальной психологии (см.: [Лейнг 2003: 606]): процессуальную, карающую и распределительную.

Процессуальная справедливость – это свойство “вершителей справедливости”, которым в идеале должны обладать все власть имущие мира сего. Она, в принципе, сводится к отстраненности – беспристрастности и нелицеприятности, с которой формальные и неформальные “начальники” должны осуществлять свои властные (распределительные и карательные) функции:

“Где бессовестный грабитель вдов и сирот, несправедливый судья, развратный священник наказываются позором общего мнения” (Греч); “И начальство, надо справедливо признать, оказалось справедливое и пошло мне навстречу (Попов); “Физически и духовно здоровый и мощный наш многомиллионный народ, решительная и справедливая власть и, наконец, чистая высокоидейная интеллигенция – это тот локомотив, который поведет Россию по этому единственно верному пути” (Жизнь национальностей 2004); “Лео был мудрый, справедливый и кроткий правитель. (Чарская); “Когда в начале царствования императора Николая Павловича поведено было выставлять на мраморных досках имена отличившихся кадет, справедливый государь вспомнил о предместниках их и приказал изобразить, таким же образом, имена кадет, получивших большие золотые медали с начала учреждения корпуса” (Греч); “Все происходящее прекрасно: мудрый и справедливый король осуществляет свою последнюю волю, сейчас он снимет с головы корону и, окруженный всеобщей заслуженной любовью, отдаст власть наследникам; теперь они будут охранять справедливость” (Козинцев); “Казалось бы, в этом заключен и вывод, оптимистический финал: правителем Дании будет не узурпатор, а справедливый монарх (Козинцев); “Где на каждом перекрестке возвышается строгий и справедливый полисмен и день и ночь охраняет покой горожан и священную собственность (А. Толстой); “Он только слышал от Андрея, что это хороший учитель – веселый и справедливый (Крапивин); “Сегодня случайно узнал, что строгая, справедливая учительница – жена такого нечестного шофера Просылина” (Козлов); “Бог – он справедливый!” (Горький); “Барыня была справедливая, тоже она не любила, чтобы около ее даром потели” (Саша Черный); “Снова свалить все заботы по “наведению порядка” на строгого, но справедливого хозяина, а самим, как обычно, умыть руки?” (АиФ 2006).

Справедливый в сочетании с именами наград и наказаний передает значение воздавательной (вознаграждающей и карающей) справедливости, основанной в идеале на принципе (мере) *равным за равное* – за одинаковую заслугу и одинаковое преступление одинаковая награда и одинаковое наказание невзирая на личность:

*“Он позволяет человеку знать, что должно делать в земной жизни, чтобы получить справедливое воздаяние после смерти” (История восточной философии); “Напротив, вы, кажется, должны радоваться их вниманию ко мне: это живой аттестат моим достоинствам, справедливая дань, как говорят они (Гончаров); “Он, должно быть, счел, что это справедливая награда за его деяния на благо советского олимпийского движения” (Рубин); “Это было справедливое возмездие николаевскому режиму” (Чулков); “Каково же было его изумление, радость, исступление радости, когда дверь открыли перед ним всю настежь и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить наверх и немедленно удовлетворить свое справедливое мщение!” (Достоевский); “Тогда уже знаешь, а *quoi s'en tenir*, и не обижаешься, а чувствуешь, что это справедливая месть божия за какого-нибудь Эноха или Иафета, что-нибудь напакостившего шесть тысяч лет тому назад” (Герцен); “Эту казнь, этот справедливый акт мести осенней ночью привели в исполнение юноши, почти мальчишки” (Инбер); “Сие испытание, конечно, есть мзда справедливая за некие тайные грехи твои (Вяземский); “Христианство принимало мир таким, каков он есть, оправдывало строй жизни как неизбежное и справедливое последствие греха” (Бердяев); “Любое осуждение и наказание партией восприму как должное и справедливое” (Гриневский).*

Справедливость распределительная, в основе которой лежит преимущественно принцип “каждому по его вкладу”, передается сочетанием прилагательного *справедливый* с именами “всего того, что может быть разделено между людьми, участвующими в известном обществе” [Аристотель 1998: 251] – это, прежде всего, экономические термины и понятия “наивной экономики”:

“Интеллигенция любит только справедливое распределение богатства, но не самое богатство, скорее она даже ненавидит и боится его (Горький); “Справедливое распределение – это такая же фикция, как радикальное средство для ращения волос” (АиФ 2006); “Не получится ли так, что, начав борьбу против олигархов за справедливое распределение доходов, мы вернемся к 17-му году?” (АиФ 2003); “В России у людей преобладает чувство несправедливого дележа” (АиФ 2006); “Оппозиция в России может принять одну из уродливых форм, например этнического национализма, или же стать более социально ориентированной, когда справедливое перераспределение национального богатства станет единственным путем к сплочению” (Известия 03.10.2003); “При каждой

из них возможны как греховные явления – хищение, стяжательство, несправедливое распределение плодов труда, так и достойное, нравственно оправданное использование материальных благ” (Альфа и Омега 2000); “Только залатав дырки на границе, можно говорить о четной и справедливой конкуренции” (ОРТ 13.04.2006); “Но главное – этот налог, на взгляд Аркадия Владимировича (ранее, кстати, работавшего в экспертной группе при Минфине), более справедливый” (Калининградская правда 10.06.2003).

Особый вид распределительной справедливости – “уравнивание того, что составляет предмет обмена” [Аристотель 1998: 251] – представлен в речи сочетанием прилагательного справедливый с именами рыночных терминов (цена, стоимость, сделка), где справедливость заключается в обладании участниками рынка всей необходимой для заключения сделки информацией (ср.: *fair market price* – справедливая рыночная цена– Пивовар 2000: 358):

“По нашим расчетам, справедливая стоимость (акций – С. В.) – 3800 долларов” (АиФ 2007); “Предприятия соревнуются друг с другом не по принципу, у кого меньше издержек, у кого справедливей цена, а кто ловчее надурил налогового инспектора” (АиФ 2006); “В отчете говорится, что справедливая цена акций компании находится на уровне 11,8 доллара за штуку, тогда как ее нынешний уровень на 36 процентов ниже этой отметки” (Финансовая Россия 19.09.2002); “Также во многих МСФО используется справедливая стоимость” (Газовая промышленность, 2004); “Готиер создает свою концепцию справедливой сделки, которую называет максимальной относительной уступкой” (Кашиников).

Присущая, прежде всего, обыденному (языковому) сознанию справедливость морального права – ощущение этической обоснованности эмоциональной реакции субъекта (чувство справедливости) в определенной ситуации и “законности” его жизненных потребностей, сопоставимая с “неотчуждаемыми правами человека” – передается в сочетании прилагательного справедливый с именами чувств, эмоций, желаний и требований:

“Читатель, ты, который уже презираешь меня, на короткий абзац приостанови справедливое чувство!” (Найман); “Наша родная партия и правительство уже очень давно вызывают во мне вполне справедливое блевотное чувство, которое разделяют со мной все мыслящие люди страны” (Левин); “Всё же надо признать, что привычка Николы Теслы пользоваться таким количеством салфеток в ресторане и не менее, чем 18-ю полотенцами после ванны, вызывает справедливое недоумение” (Глинка); “Но очень скоро ждало меня справедливое разочарование” (Брюсов); “Справедливое их негодование уже пробовал разжечь какой-то юный пропагандист, его арестовали” (Горький); “Есть гнев, так сказать, законный, справедливый, когда он обращен на грех, на

беззаконие, на преступление и происходит из ревности о славе Божией и спасении ближнего” (Л. Толстой); “Это и вызывает справедливое недовольство Баку” (Баранец); “Сидели они с Садыковым у него дома, в креслах напротив друг друга, Володя подавал ей кофе, она пила кофе, курила, вызывая у Садыкова несправедливое, но естественное раздражение человека, недавно бросившего курить и возненавидевшего из-за полной теперь недоступности этот процесс, бывший когда-то чуть ли не главным в жизни” (Визбор); “Лепидис наклонил голову, как задиристый бычок, однако было ясно, что подходящий момент для самоотвода упущен и теперь своей настойчивостью можно вызвать только протест и справедливое возмущение”. (Львов); “Вы иногда видели пьяниц и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымали” (Стругацкий-Стругацкий); “Личная, справедливая ненависть к изменнику уступила явной пользе государственной: король уверил Глинского в милости” (Карамзин); “И вот сегодня полная, великая реализация личности и судьбы Олега Борисова, ибо есть в его судьбе, особенно в начале, справедливая обида на среду театральную и околотеатральную” (Козаков); “Пушкин с справедливой гордостью мог сказать о себе, что он один из первых у нас развил книжную торговлю” (Добролюбов); “Потом знатоки приходили в восторг – и совершенно справедливый – от ее гибкой и тонкой талии, от изящной формы ее плеч... (Панаев); “Я прочитал в его глазах глубокое и справедливое презрение к моей персоне, к моему военному мундиру, к выражению лица, к торопливым движениям” (Мамин-Сибиряк); “Вчера поутру сказали именем Государя, что он после праздников придет за мною, и прибавили от себя, что всякое мое справедливое желание будет им выполнено” (Архангельский); “Я вовсе не желаю проповедовать добродетель и обличать порок: считаю это для простого смертного занятием не только праздным, но и безнравственным, потому что оно предполагает несправедливое и горделивое притязание быть лучше других” (Соловьев); “На справедливое требование России турецкое правительство отвечало обещанием издать фирман, подтверждающий все права, коими искони пользовалась православная церковь” (Данилевский).

В основе любой оценки, направленной на фактообразующий объект, лежит мнение-суждение (подробнее см.: Воркачев 1994: 9), создающее своего рода “фон” для вынесения как оценки этической, справедливостной, так и оценки истинностной, рациональной.

Выделить этическое значение в сочетании прилагательного *справедливый* с именами мнения (мнение, оценка, суждение, мысль, идея и пр.) позволяет присутствие в ближайшем окружении этих имен указаний на этический характер выносимой оценки:

“Меня такое несправедливое мнение публики о спортсменке ужасно обижало” (Тарасова); “Несомненно, одной из важнейших двигательных

сил в развитии науки является справедливая оценка – признание личных заслуг ученого в развитии науки” (Капица-Тамм); “Пришла в голову подловатая и несправедливая мысль: рак – это болезнь нечистой совести” (Есин).

Соответственно, присутствие в этом окружении указаний на рациональный характер суждения свидетельствует об истинностной оценке:

“Если бы принять суждение рассматриваемой герменевтики за справедливое, мы не знали бы достоверно ни в Ветхом, ни в Новом Завете, которое слово есть слово Божие и которое человеческое” (Флоровский); “Откуда находится у него время, чтобы иметь обо всем такие верные и положительные сведения и о каждой вещи произносить такое справедливое и основательное суждение?” (Корф).

При отсутствии в контексте подобных указаний отделить этическую оценку от рациональной не представляется возможным:

“Мнение совершенно справедливое” (Майков); “Возразить на столь откровенное и довольно справедливое суждение было трудно” (Милованов); “Во-первых, его твердая позиция, идейная убежденность, справедливая оценка нашего прошлого и острая, смелая критика настоящего” (Наш современник 2003); “Меня все время угнетала мысль, может быть, и несправедливая, что он неискренен, себе на уме, одним словом, темнит” (Яковлев); “Идея оригинальная, а в существе справедливая!” (Булгарин).

Как и мнение, речь (слово) может иметь любое оценочное содержание, и, соответственно, сочетание прилагательного справедливый с именами речи и речевых актов получает справедливостное или истинностное наполнение в зависимости от указаний в семантике имени либо в ближайшем его окружении на этическую или рациональную оценку, а при отсутствии последних имеет место двусмысленность, ср. различные оценки:

этическая оценка:

“Гомерические кутежи и бешеное швыряние денег на глазах всего населения вызывали среди благоразумных элементов справедливый ропот” (Врангель); “Другие видят в нем справедливый и закономерный протест против бесчеловечного режима военного коммунизма, большевистского гнета” (Ефимов); “Обвинение, несомненно, справедливое” (Московский комсомолец 01.01.2003); “Он, в бессильной досаде на ее справедливый упрек, отшатнулся от нее в сторону и месил широкими шагами грязь по улице, а она шла по деревянному тротуару” (Гончаров); “Самонадеянность сменялась подавленностью, жестокая и очень часто несправедливая критика, при забвении собственных вин, заменяла всецело положительную работу” (Деникин); “Несправедливое, обидное, насмешливое слово рано или поздно дойдет до адресата” (Шохина); “Однажды Карим сделал невестке справедливое замечание: она стояла у грузовика, беседуя с шофером из ОРСа, наглым и

бессовестным парнем, гораздо дольше, чем позволяли приличия” (Волос); “Иракцы уже сделали справедливое и весьма недвусмысленное заявление о том, что если американские солдаты станут расстреливать их на выбор прямо на рынках, то это отнюдь не вызовет у иракского народа прилива любви к армии Соединенных Штатов” (Спецназ России 08.15.2003); “Я так же, как и Панаев, не сомневалась в личности, которая подбила Огарева написать столь обидное и несправедливое письмо о Некрасове” (Панаева); “И не удивительно, что в “Литературной газете” незамедлительно появилась разгромная рецензия, злобная и несправедливая” (Ефимов); “Отзыв сей, сколь пренебрежительный, столь же и несправедливый, повлиял на меня так пренеприятно, что я, даже не скрывая сей неприятности, возразил...” (Лесков);

истинностная оценка:

“Это утверждение, в частности, может быть, иногда справедливое, совершенно ложно, насколько оно относится к масонству как союзу” (Писемский);

неопределенность:

“Что касается до Иванушек, то прежде всего я должен сделать общее, но весьма справедливое замечание” (Салтыков-Щедрин); “...Именно только вы один, благороднейший князь, в состоянии были такое справедливое слово сказать!” (Достоевский); “Справедлива речь твоя, любезненькой ты мой, – отвечал игумен, – справедливая речь!” (Мельников-Печерский); “Это справедливое утверждение” (Время МН 2003).

Как можно видеть, в речевых употреблениях прилагательного *справедливый* семантическая структура этической категории справедливости реализуется практически полностью и даже с избытком. Сопоставление корпуса речевых употреблений этого прилагательного с лексикографически зафиксированными значениями имен *правда* и *справедливость*, в словарных статьях которых, как можно предполагать, отражены наиболее значимые для языкового сознания признаки этого этического понятия, даст, очевидно, возможность обнаружить определенную специфику этнических представлений о справедливости.

В словарной статье *справедливость* практически везде (см.: [ССРЛЯ 1963, т. 14: 579; Ожегов-Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; Ушаков 2000, т. 4: 448; СЯП 1959, т. 4: 324]) прежде всего упоминается беспристрастность как “судейская добродетель” (“беспристрастное, справедливое отношение к кому-, чему либо”), что, очевидно, свидетельствует о первостепенной важности этого морального качества для русского языкового сознания. Сразу же за процессуальной справедливостью идет личностная справедливость как “соответствие человеческих отношений, действий и т.п. моральным и правовым нормам” [ССРЛЯ 1963, т. 14: 579; СРЯ 1984, т. 4: 231; БТСРЯ 1998:

1252], “идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков требованиям морали, долга, в правильном понимании и выполнении этических принципов” [Ушаков 2000, т. 3: 690].

Выражение социальной (институциональной) справедливости, может быть, наиболее значимое для русского языкового сознания, закреплено за одним из лексико-семантических вариантов лексемы *правда*: “порядок, основанный на справедливости” [ССРЛЯ 1961, т. 11: 8; БТСРЯ 1998: 951; СРЯ 1983, т. 3: 351], “вообще жизненный идеал, справедливость, основанный на принципах справедливости порядок вещей” [Ушаков 2000, т. 3: 690].

В русской лексикографии полностью отсутствует деление справедливости на воздавательную и распределительную и никак не представлены “рыночные” представления о ней, что существенно отличает русское языковое сознание от, например, англосаксонского, где словарная статья *equity* содержит, как минимум, два экономических термина, с том числе и значение *простая акция* (см., например: [Webster 1993: 769]).

Зато в статьях русских словарей присутствует *чувство справедливости* [Ожегов, Шведова 1998: 757; БТСРЯ 1998: 1252; Ушаков 2000, т. 4: 448], очевидно невозможное для английского языка (**feeling of justice*), но вполне согласующееся с общей эмоциональностью русского национального характера (см.: [Вежбицкая 1997: 34]), и значение справедливости как “моральной обоснованности” (см.: [СРЯ 1984, т. 4: 231]), что, в свою очередь, некоторым образом согласуется с “судейским комплексом” (см.: [Касьянова 2003: 253]) русского человека.

Лексическое единство словарной статьи *правда* в русском языке обеспечивается сквозной семой соответствия, которая присутствует в том или ином виде во всех основных семантических вариантах этой лексемы, скрепляя в одно целое соответствие слова и мысли (искренность), мысли и дела (истинность), мысли и должного (справедливость). Она же в несколько ослабленной форме скрепляет словарную статью *справедливость*: “соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т. п. морально-этическим, правым и т. п. нормам, требованиям” [Евгеньева 2001, т. 2: 483]; *справедливый* – “соответствующий представлениям о добре, истине, разделяемым большинством людей” [Шушков 2008: 715].

Другая отличительная черта лексической системы русского языка состоит, очевидно, в наличии в ней особых “корреспондентских дейктиков” (о лексическом дейксисе см.: [Сребрянская 2005: 17–18]) *прав*, (о *прав* см.: [Шатуновский 1991: 37]), *правый* и *правова*, приложимых и к истинностному, и к *справедливоростному* соответствиям и наполняемых конкретным содержанием из ситуации речевого акта:

“Тот прав, у кого больше прав”; “Иные времена, иные правы”; “Борис, ты не прав”; “А ну, отойди в сторонку, старик! / Мы молоды, значит правы” (Евтушенко); “Он мне в глаза смотрел, как будто правый” (Пушкин); “Опасно быть правым, когда правительство ошибается”

(Вольтер); “Но мы, когда уверены в своей правоте, обычно упираемся и делаем программу” (АиФ 2007); “Удар прикладом – самый действенный и быстрый метод объяснения заключенному его неправоты” (Константинов).

Таким образом, описание речевого употребления семантической и словообразовательной основы справедливости – прилагательного *справедливый* – позволяет восстановить её формулу в том виде, в котором она существует в современном языковом сознании. В свою очередь, сопоставление этой формулы с лексикографически зафиксированными значениями справедливости позволяет выявить наиболее значимые для языкового сознания признаки этой этической категории: эмоциональность, наличие значения “моральной обоснованности” и отсутствие “рыночного”, распределительного значения. Предложенный метод анализа и полученные результаты **перспективны** для использования в изучении иных концептов и лингвокультурных идей, языкового сознания, на материале как русского, так и других языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. Работа выполнена при поддержке РГНФ [грант № 10-04-38-404 а/Ю]

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Мн.: Литература, 1998. – 1392 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / [сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Воркачев С.Г. Лексикализация рациональной оценки в естественном языке: предикаты знания и мнения/ С.Г. Воркачев // ФИЛОЛОГИЯ – PHILOLOGICA. – Краснодар, 1994. – № 3. – С. 8-11.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
6. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
7. Воркачев С.Г. Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая / С.Г. Воркачев, Е.А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С. 263-275.
8. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
9. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т / А.П. Евгеньева. – М.: Астрель-Аст, 2001.
10. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова, В.Ф. Чеснокова. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

11. Левонтина И.Б. За справедливостью пустой / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 281-292.
12. Лейнг К. Социальная справедливость с точки зрения культуры // Психология и культура / К. Лейнг, Дж. Стефан [под ред. Д. Мацумото]. – М.: Питер, 2003. – С. 598-655.
13. Люшер М. Какого цвета ваша жизнь. Закон гармонии в нас. Практическое руководство / М. Люшер. – М.: НИРРО, 2003. – 252 с.
14. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorgora.ru.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
16. Печенев В.А. Правдоискательство: нравственно-философская идея и жизнь / В.А. Печенев // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1990. – С. 138-164.
17. Пивовар А.Г. Большой англо-русский финансово-экономический словарь / А.Г. Пивовар. – М.: Экзамен, 2000. – 1064 с.
18. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
19. СРЯ: Словарь русского языка: В 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – М.: Русский язык, 1981–1984.
20. ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: АН СССР, 1951–1965.
21. СЯП: Словарь языка Пушкина: В 4-х т. / [под ред В.В. Виноградова]. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1956.
22. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте / Н.А. Сребрянская. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 270 с.
23. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель-Аст, 2000.
24. Шатуновский И.Б. “Правда”, “истина”, “искренность”, “правильность” и “ложь” как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 31-37.
25. Шушков А.А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: ок. 16500 слов и устойчивых выражений / А.А. Шушков. – М.: Аст-Астрель, 2008. – 988 с.
26. Webster’s Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Springfield. – Mass.: Merriam-Webster, 1993. – 2662 p.

УДК 811.111 : 81'37 : 81'42

**СЛОВЕСНАЯ ГОЛОГРАФИЯ
 В ПЕЙЗАЖНОМ ДИСКУРСЕ
 ВИРДЖИНИИ ВУЛФ:
 МОДУСЫ, ФРАКТАЛЫ, ФУЗИИ
 О.П. Воробьева (Киев, Украина)**

О.П. Воробьева. Словесная голография в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф: модусы, фракталы, фузии. В статье в рамках мультимодальных стилистических студий раскрываются способы и средства создания эффекта словесной голографии при описании горных и морских ландшафтов в художественном дискурсе В.Вулф. Преломляя основные положения эстетики формализма через концептуально-терминологический аппарат синергетической парадигмы, автор статьи сосредоточивается на пространственных, абрисных и светокolorистических описательных техниках писательницы в их взаимодействии со значимой образностью и символикой, выступающей дополнительным источником словесных голографических эффектов в модернистском пейзажном дискурсе.

Ключевые слова: словесная голография, горный/морской ландшафт, описательные техники, образность и символика, Вирджиния Вулф, модернистский пейзажный дискурс.

О.П. Воробйова. Словесна голографія у пейзажному дискурсі Вірджинії Вулф: модуси, фрактали, фузії. У статті в межах мультимодальних стилістичних студій розкриваються способи та засоби створення ефекту словесної голографії в описі гірських і морських ландшафтів у художньому дискурсі В.Вулф. Переломлюючи основні положення естетики формалізму крізь концептуально-термінологічний апарат синергетичної парадигми, авторка статті зосереджується на просторових, абрисних та світлокolorистичних описових техниках письменниці в їхній взаємодії зі значущою образністю і символікою, яка виступає додатковим джерелом словесних голографічних ефектів у модерністському пейзажному дискурсі.

Ключові слова: словесна голографія, гірський/морський ландшафт, описові техніки, образність і символика, Вірджинія Вулф, модерністський пейзажний дискурс.

O.P. Vorobyova. Verbal holography in Virginia Woolf's landscape discourse: modes, fractals. Fusions. This paper reveals, from a multimodal stylistic perspective, ways and means of creating the verbal holography effect in montane and marine landscape descriptions in V.Woolf's literary discourse. Interpreting basic assumptions of the formalist aesthetics through the conceptual and terminological tool-kit of synergy paradigm, the paper

focuses on the writer's space, contour, and light-and-color descriptive techniques in their interaction with key imagery and symbols as a complementary source of verbal holographic effects in modernist landscape discourse.

Key words: verbal holography, montane/marine landscape, descriptive techniques, Virginia Woolf, modernist landscape discourse.

*Они стремятся не имитировать
форму, а создавать форму; не
подражать жизни, а находить
соответствие жизни.*

/Роджер Фрай/

0. Вместо введения. Современное состояние стилистических студий является отражением тех дивергентных и конвергентных процессов, которые в последнее время прослеживаются в лингвистике, филологии и, шире, гуманитарных науках в целом. В проекции на стилистику эти тенденции проявляются, с одной стороны, в её фрагментации, своеобразном "разбегании" отдельных разновидностей и направлений стилистики в зависимости от её тяготения к той или иной парадигме (когнитивная стилистика/поэтика, функциональная стилистика, прагматилистика, формально-структурная стилистика), от фокуса исследований (стилистика эмоций, феминистическая стилистика, стилистика повествования/нарратология, стилистика восприятия, критическая стилистика, историческая стилистика, педагогическая стилистика), исследовательской методологии (корпусная стилистика, эмпирические исследования читательского восприятия)¹. С другой стороны, в стилистике имеют место проявления интеграции, как междисциплинарной, так и внутридисциплинарной, приводящие к формированию таких пересекающихся между собой гибридных областей, как когнитивная стилистика, семиотическая стилистика, мультимодальная стилистика [Nørgaard 2010б: 30-34, 117-120]. Последняя имеет особое значение для данного исследования, поэтому остановимся на её содержании и исходных позициях несколько подробнее.

В узком смысле слова в компетенцию мультимодальной стилистики как относительно новой дисциплины [Forceville 2006; Kress 2001; Nørgaard 2010а: 115-126; O'Halloran 2004: 109-130] входит стилистический анализ способов конструирования значений и порождения смыслов, совокупно продуцируемых не только словесным, но и другими семиотическими кодами – визуальным, картинным, аудиальным, включая музыкальный², и т.п., выступающими как единое целое. Поэтому в сферу её интересов попадают разнообразные дискурсивные образования – комиксы, реклама, кинофильмы, театральные постановки, песенная лирика и собственно художественный дискурс в комплексе его вербальных, графических, полиграфических, включая, например, дизайн обложки и текстуру бумаги, гипертекстовых и под. параметров. В такой трактовке любой художественный (и нехудожественный) текст может

рассматриваться как принципиально мультимодальный [Nørgaard 2010б: 30, 119]. В широком же смысле слова можно говорить о неявной, скрытой или встроенной мультимодальности художественного текста, которая может проявляться в его акцентированной иконичности (что особенно характерно для поэзии) [Freeman 2006: 407-409], екфрастических³ [Kwiatkowska 1997: 174] или пикториальных мотивах, когда в художественной литературе, соответственно, описываются произведения искусства или используются техники, характерные для живописи или фотографии [Heffernan 1993: 3; Kwiatkowska 1997: 175-176], а также в художественно переосмысленной поликодности как сочетании вписанных в художественный текст идиосинкратических сенсорных (визуальных, аудиальных, оптических, ольфактивных и др.) авторских стратегий его построения и развертывания.

Подобная поликодность приобретает особую значимость в тех авторских дискурсах и повествовательных формах, где важным является создание эффекта объемности и глубины. Это касается, прежде всего, миметических форм, и в частности пейзажа. Способы создания эффекта многомерности в пейзажном описании, которые можно трактовать как проявление словесной голографии, тесно связаны с особенностями художественной формы, которая, в свою очередь, определяется не только авторской сенсорикой и когнитивным стилем писателя, но и литературно-художественным направлением, к которому принадлежит автор. Это обусловило выбор **объекта** нашего исследования, коим является пейзаж в прозе Вирджинии Вулф, рассмотренный под углом зрения создания эффекта голографичности описания. Раскрытие механизмов словесной голографии в пейзажном дискурсе прозы модернизма как **предмет** исследования представляется **актуальным** в контексте междисциплинарных студий художественной семантики в их индивидуально-авторском и жанрово-стилистическом аспекте. **Цель** настоящей статьи – выявление и систематизация языковых средств воплощения семиотических кодов, совокупность которых создает эффект многомерности пейзажных описаний в прозе Вирджинии Вулф. Структура статьи продиктована её основными **задачами**: определить специфику пейзажного дискурса в прозе модернизма; выявить основные векторы воздействия эстетики формализма на авторскую сенсорик Вулф и её визуальные коды в пейзажных описаниях; раскрыть особенности словесного воплощения голографических эффектов в системе модусов описания горного пейзажа в рассказе Вулф "The Symbol" ("Символ"); установить природу многомерных оптических эффектов в морских пейзажных описаниях интерлюдий романа Вулф "The Waves" ("Волны") в ракурсе фрактально-фузионной динамики структуризации повествования.

1. Пейзажный дискурс модернизма в контексте формальной эстетики. Говоря о пейзажном дискурсе, следует помнить, что "пейзаж – это не просто изображение, но всегда *художественный образ* природной или городской среды, её определенная интерпретация, что находит свое выражение в исторически сменяющихся *стилях* пейзажного искусства" [Басин], включая и

его преломление в художественном тексте. При этом для каждого стиля "характерна своя *философия, эстетика и поэтика* пейзажного образа" [там же]. Поэтика модернистского пейзажа, испытав на себе воздействие импрессионизма как живописи меняющегося состояния [История современного искусства 1998: 490], во многом определяется эстетикой постимпрессионизма, или формальной эстетикой, связанной с именем Роджера Фрая, искусствоведа, критика, художника, участника группы Блумсбери, автора самого термина "постимпрессионизм".

Известно, что импрессионисты сделали важнейшим компонентом своих произведений "вибрирующую свето-воздушную среду, обволакивающую все предметы" [там же] и размывающую формы⁴, что неизбежно бросается в глаза в пейзажных зарисовках Вирджинии Вулф, особенно в её ранних рассказах, в частности в рассказе "Kew Gardens" ("Королевские сады"). В то же время в конце XIX века в художественной среде усилилась тенденция "к отдалению от непосредственного восприятия явлений природы, к тому, чтобы придать искусству более отчетливый интеллектуальный характер" [История современного искусства 1998: 504], открытый для новых и разнообразных формальных решений.

Неудивительно, что визуальные коды Вирджинии Вулф, изначально импрессионистические [Banfield 2003: 471-472, 486], со временем трансформировались под влиянием эстетики формализма Роджера Фрая, основы которой, перекликающиеся с концепцией блумфилдианца Клайва Белла [Шварц], были изложены им в 1920 г. в сборнике эссе "Vision and Design" ("Видение и дизайн") [Fry 1957]. Суть эстетики Фрая можно очертить в виде следующих дихотомий:

1) **искусство** как организованное, структурированное и целеположенное противопоставляется **природе**, предлагающей наблюдателю совокупность недифференцированных стимулов, не сопровождаемых какой-либо целью⁵. Произведение искусства – это прежде всего сочетание линий, очертаний, движений, цвета [Fry 1957: 302], и именно так его и следует оценивать [Шварц; Bullen];

2) **"воображающая жизнь" сознания** (the "imaginative life" of the mind) противопоставляется **"инстинктивной жизни" сознания** (the "instinctive life" of the mind) как две разные эмпирические, опытные сферы [Fry 1957: 254; Fogh-Schultz 2002]. При этом "жизнь воображения" ориентируется на систему эстетических ценностей, ассоциируясь с творческим, синтезирующим взглядом на физический мир [Fry 1957: 254]. Именно эта сторона сознания порождает эмоции, передаваемые формально-экспрессивными средствами искусства, возбуждая сенсорные реакции зрителя/читателя [там же: 20-21, 294; Bullen];

3) **творческое видение** (creative vision), трактуемое как **дизайн** [Bullen], *геометрия пространственных отношений* [Banfield 2003: 471], противопоставляется **эстетическому видению** (aesthetic vision), фокусирующемуся на красоте и гармонии [Bullen]. Подобное творческое

видение, напоминающее научное творчество, направлено на поиск новых, необычных сенсорных (и прежде всего, зрительных) восприятий, сосредоточено преимущественно на отношениях, а не объектах, таким образом трансформируя видение в дизайн [Banfield 2003: 471]. Аранжировка форм может иметь прямое и глубокое воздействие на сознание, независимо от того, что эти формы представляют, поэтому константой искусства является не любование красотой и гармонией, а созерцание формы [Bullen; Lang 1962: 168];

4) **значимая форма** (significant form, в терминологии К.Белла) как качество, присущее произведениям визуального искусства [Fry 1957: 295; Лангер 2000: 125; Шварц; Lang 1962: 169], или **пластичность** (plasticity), по Фраю [Fry 1957: 264; Lang 1962: 169], т.е. формальные свойства произведения искусства, зависящие от сочетания элементов, настоянных на чувствах и эмоциях [Fry 1957: 294], противопоставляется **содержанию** в ракурсе **психологии видения**, точнее, ассоциациям, неким заранее заданным идеям, вызываемым у наблюдателя этим содержанием [Lang 1962: 168; Roger Fry]. К основным⁶ эмоциональным элементам пластичности (дизайна) относятся: *ритм линий*, формирующих очертания, как определенного рода *жестов*, модифицируемых авторскими эмоциями; *масса* как скрытая силовая динамика тел; *пространство*; *светотени* как насыщенная эмоциями контрастность в освещенности; *цвет*, вызывающий непосредственный эмоциональный отклик [Fry 1957: 33-34; Шварц; Lang 1962: 170]. Модели сочетания этих элементов организованы таким образом, что ни один из них не нарушает линии формы, в создании которой он участвует, сохраняя линейный баланс её сложных векторов и напряжений [Bullen; Lang 1962: 171];

5) **постимпрессионизм**, конструирующий геометрию в импрессионистическом мире ощущений путем сочетания "видения" и "дизайна" [Banfield 2003: 473], противопоставляется **импрессионизму**, который подвергает анализу привычные восприятия, но разрушает дизайн [там же: 471].

О влиянии эстетики Фрая на развитие изобразительного искусства и, опосредованно, на инновации в описательных техниках модернистской прозы, что фактически привело к пересмотру эстетических стандартов того времени, свидетельствуют слова искусствоведа Кеннета Кларка, который отмечал, что: "если говорить о том, что вкусы может изменить один человек, то это сделал Роджер Фрай" [цит. по Fogh-Schultz 2002]. Подобную роль в пересмотре эстетических вкусов относительно путей и способов отражения, или точнее конструирования, действительности в литературном произведении сыграла и Вирджиния Вулф, чья оригинальность как писателя во многом связана с её талантом описывать видимую реальность, создавать реальность визуальных объектов [Navard-Williams 1954: 71, 84].

Эффект многомерности описываемой, или, точнее, конструируемой реальности возникает в прозе Вулф в результате совокупного использования для создания "значимой формы" различных описательных техник, коррелирующих с эмоционально насыщенными элементами "дизайна", по

Фраю. Среди этих техник для создания иллюзии ландшафтной объемности особое значение у Вулф приобретают: 1) *пространственные* описательные техники, в частности, монтаж ракурсов или модусов восприятия; 2) *абрисные* описательные техники, манипулирующие очертаниями предметов или проявлениями стихий; и 3) *светокolorистические* описательные техники, чередование которых создает особый ритм пульсации прозы. Однако многомерность, глубина и объемность описания являются необходимым, но недостаточным условием для возникновения того, что мы называем словесной голографией пейзажа. Образно говоря, художественный эффект пейзажной голограммы⁷ требует наличия в тексте некоего дополнительного направленного излучения, словесного обозначения некоего значимого луча – солнечного света (как в интерлюдиях романа "Волны"), света прожектора (как в рассказе Вулф "The Searchlight" – "Прожектор") или маяка, воображаемой камеры или просто взгляда рассказчицы, как в анализируемом ниже рассказе "Символ". Таким источником голографического эффекта в пейзажных описаниях могут становиться символы, художественные детали или другие значимые текстовые элементы – текстемы, в терминологии Г.Тури [Toury 1980: 9, 96].

2. Словесная голография в рассказе В.Вулф "Символ"

*Что может быть более
ужасающим, чем откровение
настоящего момента? То, что мы
вообще переживаем этот шок,
возможно только потому, что с
одной стороны нас защищает
прошлое, а с другой будущее.*

Вирджиния Вулф. "Орландо"

"Символ" (CSF, 288-290), один из поздних рассказов (1941) Вирджинии Вулф, представляет собой зарисовку, в центре которой размышления рассказчицы, отдыхающей в маленькой деревушке на альпийском курорте и пишущей письмо своей сестре, сидя на балконе гостиницы с видом на гору и раздумывая о том, что может символизировать гора. Стараясь уйти от заезженных ассоциаций, рассказчица, с одной стороны, созерцает гору и деревушку у её подножья, а с другой, погружается в воспоминания о том, как она ждала смерти своей матери, чтоб выйти замуж и обрести свободу. Внезапно поток её размышлений прерывает трагическая сцена падения альпинистов, исчезнувших в горной расщелине. Очередное избитое по содержанию предложение осталось незавершенным – "Они погибли, пытаясь обнаружить / открыть ..." (*They died in an attempt to discover...* – CSF, 290); письмо дописано; ответ на вопрос о том, что же символизирует собой гора, кажется, не найден (*There seemed no fitting conclusion.* – CSF, 290).

Прелесть этого рассказа, как отмечает исследователь короткой прозы Вулф, Дин Болдуин, в парадоксальности обращения с избитыми символами [Baldwin 1989: 71], раскрывающей характер героини и заставляющей пересмотреть привычные ассоциации, связанные с восхождением и горными вершинами. В этом смысле "символ чем-то напоминает стволовую клетку, которая, при введении в организм, начинает структурироваться под своё окружение" [Тарасенко 2009б: 149]. Однако в контексте нашего исследования на первый план выходят несколько другие нюансы этой зарисовки, которую можно интерпретировать как голографическую картинку, где орологический символ горы выступает своеобразным лазерным лучом, придающим реальность и объем её описанию, буквально и метафорически высвечивая гору в разных интерферирующих ракурсах, в том числе зависящих от освещения⁸, например:

Sometimes it looks just across the way. At others, like a cloud; only it never moves. [...] Either, how clear it is today, it might be across the street; or, how far away it looks; it might be a cloud. [...] In the storm last night, I hoped for once it was hidden. But just as they brought in the anchovies, The Rev. W.Bishop said, "Look there's the mountain!" (CSF, 289-290)

Любопытно, что в самом повествовании присутствует и идея линзы (в данном случае бинокля), которой оказывается достаточно, чтобы рассмотреть гору, но недостаточно, чтобы понять её символическую сущность, что имплицитно характерно для Вулф пересмотр базовой концептуальной метафоры ЗНАНИЕ ЕСТЬ ВИДЕНИЕ → ВИДЕНИЕ НЕ ЕСТЬ ЗНАНИЕ, сравните:

She could see the topmost height through her glasses. She focussed the lens, as if to see what the symbol was (CSF, 288)

Объемность описания как основа для его голографичности обеспечивается, прежде всего, комбинированием в рассказе пространственных описательных техник, задействующих ряд модусов или планов восприятия, доминирующими среди которых являются сенсорные (топографический и оптический) и концептуальные (онтологический и эпистемологический) модусы, связанные воедино взглядом рассказчицы, как внешним, суто физическим, так и внутренним, ментальным. Учитывая то, что значимая форма предполагает наличие напряжения между составляющими конфигураций [Lang 1962: 174], а её эстетическая значимость является функцией векторного баланса [там же: 171] между ними, в рассказе задействовано сочетание кинематографических техник (сканирования, фокусирования, наплыва и др.), объединенных общей техникой монтажа⁹, отличающегося "внутренней неожиданностью конструкции" [Лотман 1998а: 332], своеобразной текстовой оркестровкой [Huttunen 2002], которая, опираясь на "соположение двух или более образов отдельных событий, показанных вместе", объединяет их "в более крупное и насыщенное целое" [Zetl 1990: 319].

Наиболее детально прописанным в рассказе выглядит топографический модус, который охватывает передний и задний планы описания (гора и деревня :: дама на балконе гостиницы), соединенные разными векторами восприятия:

ПЕРЕДНИЙ ПЛАН : СВЕРХУ → ВНИЗ

There was a little dent on the top of the mountain like a crater on the moon (CSF, 288) → The graves in the valley –for there was a vast descent on either side; first pure rock; [...] lower a pine tree gripped a crag; then a solitary hut; then a saucer of pure green; then a cluster of eggshell roofs; at last, at the bottom, a village, an hotel, a cinema, and a graveyard (CSF, 288);

ПЕРЕДНИЙ ПЛАН ← ЗАДНИЙ ПЛАН: ВВЕРХ

'The mountain,' the lady wrote, sitting on the balcony of the hotel, 'is a symbol ...' [...] She could see the topmost height through her glasses (CSF, 288); The balcony overlooked the main street of the Alpine summer resort (CSF,288); I can see the young men quite plainly on the slopes of the mountain (CSF, 290);

ПЕРЕДНИЙ ПЛАН ← ЗАДНИЙ ПЛАН: ТОТ ЖЕ УРОВЕНЬ

She looked across the street at a woman shaking a mat on another balcony (CSF, 289);

ЗАДНИЙ ПЛАН : СВЕРХУ → ВНИЗ

Lowering her glasses, she nodded at the young men who in the street below were making ready to start (CSF, 288)

По горизонтали топографический модус пересекает сеть ментальных пространств, формирующая следующую конфигурацию: гора со склонами и подножьем (*on the top of the mountain – in the valley*) → гора и деревушка с балкона гостиницы (*on the balcony of the hotel – the topmost height – the main street of the Alpine summer resort*) → воспоминания о смерти матери на острове Уайт (*the Isle Wight*) → описание горы и деревушки в письме (*the little villas – a splendid view – the mountain from every window*) → падение альпинистов (*the young men on the slopes of the mountain – disappeared*) / разрыв во времени / → финал (*the unfinished letter on the table on the balcony*): тела найдены, письмо дописано, ответа на вопросы нет. Кроме лексики пространственной ориентации и колоронимов, характерных для любых пейзажных описаний [ср. Пономарёва 2009: 230-231], указанные ментальные пространства своеобразным пунктиром связывает идея смерти, которая получает либо прямое наименование (*death, died, dying, perished, froze to death*), либо именуется лексикой близких тематических групп (*graves, graveyard, had fallen climbing, covered nothing, solitary, cannot live another week, disappeared, bodies*), очерчивающей онтологический модус восприятия в дихотомии **ЖИЗНЬ :: СМЕРТЬ**, например:

There was a scurry of dry particles now and again, covering nothing. It was too high for breathing flesh or fur covered life (CSF, 288); the graves in the churchyard near the hotel recorded the names of several men who had fallen climbing (CSF, 288); In the forties of the last century two men, in the sixties four men had perished; the first party when a rope broke; the second when

night fell and froze them to death (CSF, 288-289); *The young men disappeared* (CSF, 290); *'The old clichés wick come in very handy. They died trying to climb the mountain .... [...] They died in an attempt to discover...'* (CSF, 290), либо задействует лексику оптического модуса восприятия, прежде всего, **ЦВЕТ** и его оттенки, ассоциируемые со смертью, например:

It was filled with snow, iridescent like a pigeon's breast, or dead white. [...] the snow was iridescent one moment; and blood red; and pure white, according to the day (CSF, 288)

Все это сопровождается некая театральность (балкон, где сидит рассказчица, напоминает театральную ложу), "контраст между "реальным" миром за пределами альпийской деревни и "нереальностью" самой деревушки и того, что в ней происходит [...], связанный внезапным исчезновением альпинистов" [Baldwin 1989: 71], что оформляется в соответствующее противопоставление **РЕАЛЬНОЕ :: НЕРЕАЛЬНОЕ** в рамках онтологического модуса восприятия, воплощая базовую концептуальную метафору **ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТЕАТР**:

The balcony overlooked the main street of the Alpine summer resort, like a box in a theatre (CSF, 288); *so the plays [...] were acted in public* (CSF, 288); *There was something fantastic about them, airy, inconclusive. [...] Even the houses looked gimcrack. By the time the voice of the English Announcer had reached the village it too became unreal* (CSF, 288)

Нереальность происходящего дополняется идеей вездесущести, навязчивости присутствия горы, которая временами угрожающе нависает над альпийской деревушкой (сравните с акцентом на нависании плоскости как дополнительном эмоциональном элементе художественного дизайна у Фрая [Fry 1957: 44]), напоминая об опасности и смерти:

One can see the mountain from every window. But then it's true of the whole place. [...] I could shriek sometimes coming out of the shop [...] always to see that mountain. Sometimes it looks just across the way. At others, like a cloud; only it never moves. Somehow the talk [...] is always about the mountain. (CSF, 290); *It would need an earthquake to destroy that mountain* (CSF, 290)

На всю эту многомерную конструкцию модусов и планов накладывается дополнительный слой эпистемологической неопределенности, связанной с расшифровкой и переосмыслением символа горы, колеблющихся по шкале **УВЕРЕННОСТИ :: НЕУВЕРЕННОСТИ**, – жизнь, по своей сути, несет в себе элемент незавершенности (unresolved): нас всегда что-то ещё ждет, от нас всегда что-то ускользает [Havard-Williams 1954: 72], сравните:

She had written the mountain was a symbol. But of what? (CSF, 288); *We are climbing to some height; that was the cliché. But it did not represent what was in her mind's eye; after seeing through her glasses the virgin height* (CSF, 289; [...]) *it might be a cloud. That is the usual cliché* (CSF, 290); *There seemed no fitting conclusion* (CSF, 290)

Детали, которые избирает Вулф, выстраивая голограмму как кодирующую систему, позволяющую реконструировать диффузное световое, или в нашем случае символическое, поле [Holography], – безжизненность горной вершины, акцентированная в зачине рассказа, жесткое сравнение смерти матери с достижением героиней этой вершины в его кульминации и угрожающее присутствие горы в жизни обитателей альпийской деревни и её посетителей [Baldwin 1989: 71] – все это свидетельствует о существенных модификациях и даже искажениях писательницей стереотипного символического поля восхождения в рамках орологического пейзажного домена (тематического поля), ассоциируемого с вызовами и достижениями, куда, наряду с включением смерти как части пейзажа, вводятся новые этические, экологические и космологические интерпретативные ракурсы.

Символ горы в анализируемом художественном тексте действует как луч лазера (*'The Symbol' – 'The mountain' [...] 'is a symbol ...' – as if to see what the symbol was – the mountain was the symbol – her death, as a symbol*), инициирующий переживания через определенным образом повторяемые воздействия [Тарасенко 2009б: 32] и позволяющий увидеть объект с разных, не только интерферирующих, т.е. накладывающихся друг на друга подобно волнам точек зрения, но и точек зрения, подвергающихся диффракции, подобной тому, когда волна наталкивается на преграду и обтекает её, как в финале рассказа, где даже гибель альпинистов упирается в привычные клише: *The old cliché will come in very handy* (CSF, 290).

Насыщенность рассказа и его многомерность позволяют говорить о ещё одном голографическом измерении пейзажного описания, а именно, о модусах компрессии в их четырех основных, выделенных нами, разновидностях: 1) алгоритмической, которая проявляется в сворачивании фреймов и интеграции точек зрения (представление о горе как о лишенной жизни); 2) аналоговой, реализуемой в метафорической образности и буквальной аналогии (гора как облако). Именно этот тип компрессии является наиболее характерным для творческого мышления как в области науки, так и в области искусства, строясь "на сближении объектов и понятий, вне риторической ситуации не поддающихся сближению" [Лотман 1996: 60]; 3) параболической, составляющей суть символики, мотивов, аллюзий как "свернутых мнемонических программ текстов и сюжетов" [там же: 146] (гора как реестр смертей). При этом "символ демонстрирует некоторое мироустройство и рок, некоторую высшую реальность не через объяснения, а энергетически – через эмоциональные ощущения, через наведенные трансовые состояния" [Тарасенко 2009б: 149]; и 4) голографической, где информация не только свертывается с очень высокой степенью плотности, но и может быть реконструирована по своей мельчайшей частичке [Аршинов 1999; Holography] (гора как символ смерти).

3. Оптика и геометрия в интерлюдиях романа Вулф "Волны"

Природа предстает не как гармония, стремящаяся к высшей цели, а как сложный механизм, не имеющий представления не только о добре и зле, но и о целях своей эволюции.

В.В.Тарасенко. Фрактальная семиотика

Роман "Волны" (1931) во многих отношениях считается вершиной техники Вирджинии Вулф, будучи одновременно поэзией и повествованием в прозе [Monaco 2008: 161], и вершиной её мысли, вносящей вклад в психологию и философию сознания [Navard-Williams 1954: 71, 82]. Существенную роль в создании в романе эффекта слияния поэзии и прозы играют анализируемые в настоящей статье интерлюдии, которые, по словам Жана Гиге, служат своеобразной "увертюрой к опере, представляя все существенные мотивы [романа. – О.В.] в сжатой форме и в их взаимосвязях" [цит. по Monaco 2008: 177]. Интерлюдии романа, импрессионистические по сути (с тонкими нюансами передачи атмосферного освещения, с описательными деталями, касающимися внешнего вида предметов и воздействия на него света, движения и настроения), основываются на постимпрессионистической трансформации импрессионистической модели [Banfield 2003: 503], где мгновение – это "жизнь" (что для Вулф и Фрая было синонимом импрессионизма), которую постимпрессионизм должен зафиксировать [там же: 511], а воспринимаемый мир – разбитая (разорванная) (broken) поверхность, протяженность (continuity) которой, как достаточно иллюзорную сущность, надо искать где-то в другом месте¹⁰ [там же: 480]. Одним из источников такой фиксации является дуалистическая эстетика Вулф, в равной мере почерпнутая и из изобразительных искусств, их интерпретации в эстетике формализма Фрая, и из современных писательнице естественных наук [там же: 476].

В отличие от проанализированного выше рассказа Вулф в интерлюдиях романа "The Waves" преимущественно используются не пространственные, а абрисные и цветоколеристические описательные техники, где в качестве значимого луча, создающего эффект голографического описания, выступают лучи солнца и символ волны. Ещё одной значимой чертой интерлюдий является наличие в их художественном дизайне элементов фрактальности. Популярное сегодня понятие фрактала¹¹ как особого рода конфигурации символов, имеющей рекурсивную природу, где в малом масштабе дублируются детали крупного масштаба [Тарасенко 2009б: 10, 12], обладает значительным эвристическим потенциалом для объяснения механизмов смыслопорождения и текстопорождения, особенно при анализе модернистских и постмодернистских художественных произведений. Однако, если в постмодерне фрактализация

дискурса приобретает радикальный характер: "границы размываются, и бывший некогда линейным и устойчивым дискурс превращается во фрактальные блуждания по руинам разваливающихся смыслов" [там же: 212], то модернистский дискурс, в частности дискурс Вирджинии Вулф, задействует самоподобие, дробную размерность и итерационную алгоритмизацию фрактальности [там же: 99] в том своем аспекте, который работает на корреляцию образности и символики с композицией художественного текста. Несомненно, Вирджиния Вулф, не получившая системного образования, но интересовавшаяся широким спектром современных ей научных идей и открытий, не могла, в силу временного разрыва, опираться на понятие фрактала, введенного в научный обиход математиком Бенуа Мандельбротом [Mandelbrot 1982] в 1975 г., как формообразующей категории, основанной на представлениях о внутренне присущих ей негладкости, нелинейности, изрезанности [Тарасенко 2009б: 94]. Однако речь идет не столько о некоей форме, сколько об образе становления и способе понимания мира, уже зарождавшемся в эпоху модернизма, о некоей фрактальной "настройке", по словам В.В.Тарасенко, наблюдателя на определенное "схватывание" этого мира [там же: 95] в его природных фракталах горных кряжей, очертаний побережья, кристаллов снежинки, движения волн, работы сознания.

3.1. Фракталы и фузии в пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф.

Цепочка интерлюдий, сфокусированных на последовательном описании меняющегося, в зависимости от времени дня, солнечного освещения, морских волн, сада и дома, основывается в романе Вулф "Волны" на фузионно-фрактальной динамике, ритм пульсации которой создается чередованием слияния очертаний предметов и форм с их фрагментацией и отграничением друг от друга на фоне самоподобных рекурсий формы как "расположения момента-мгновения в определенной временной последовательности" [Banfield 2003: 490]. При этом фракталы и фузии как составляющие абрисных описательных техник могут выступать в исследуемом пейзажном дискурсе в нескольких возможных соотношениях.

1. Первое из них предполагает сочетание **фузий** как кристаллизации форм и **фракталов** как логических конструкций, обеспечивающих когнитивную стабильность [Tsur 1992: 17]. Кристаллизация – это термин отца Вирджинии Вулф, Лесли Стивена, который он ввел в историографию идей для обозначения некоего возникающего единства в отличии стабильной логической конструкции в понимании Бертрана Рассела [Banfield 2003: 485]. Вулф использует метафору кристаллизации в контексте "кристаллизации мгновения" [там же: 490] для обозначения процесса стабилизации, сжатия, когда из мимолетных впечатлений возникает нечто устойчивое, когда после начального воздействия впечатлений приходит осознание порядка, т.е. собственно кристаллизация [там же: 493-494]. По словам исследовательницы творчества Вулф Энн Бенфилд, "кристаллизация – это химия формалистской эстетики, которая, подобно науке, стремится сделать глубинную "модель", "логику", геометрию" объектов наглядной" [там же: 496].

Очерчивание именно такого процесса прослеживается в самом начале романа, в зачине его первой интерлюдии, где описывается зарождение движения волн на поверхности моря в их образном сопоставлении со складками на ткани:

The sun had not yet risen. [...] the sea was slightly creased as if the cloth had wrinkles in it. Gradually [...] the grey cloth became barred with thick strokes moving, one after another, beneath the surface, following each other, pursuing each other, perpetually (Waves, 3),

и далее наблюдается практически в каждой из девяти интерлюдий, когда речь идет об описании прибрежных скал – *The rocks which had been misty and soft hardened* (Waves, 15), холмов – *The hills, curved and controlled, seemed bound back by thongs, as a limb is laced by muscles* (Waves, 60), зарослей камыша, как бы остекленевших в водах реки, – *The river water held the reeds now fixed as if glass hardened round them* (Waves, 92), облаков и обретших материальность теней – *The islands of cloud had gained in density [...], and the shadows were blown like grey cloths over the sea* (Waves, 102), дня, превратившегося в камень, – *The hard stone of the day was cracked* (Waves, 117).

2. Другое сочетание включает **фузии** как смешивание (merging), как потерю или размывание очертаний предметов, вплоть до сюрреалистической метаморфозы твердых предметов, превращающихся в жидкие (сравните, расплывшуюся тарелку и жидкую сталь ножа в примере ниже – с. 15 романа), и **фракталы** как проявления фрагментации предметов и стихий. Такой алгоритм пейзажного описания пронизывает все интерлюдии романа как целое, фокусируясь, прежде всего, на соотношении моря, неба и воздуха, напрямую зависящего от времени дня, и создавая таким образом иллюзию непосредственной имитации циклических ритмов самой природы [Соколов] – от неразличимости границ моря и неба ранним утром до их повторной неразличимости поздним вечером, сравните:

Раннее утро: *The sun had not yet risen. The sea was indistinguishable from the sky, [...]. Gradually as the sky widened a dark line lay on the horizon dividing the sea from the sky* (Waves, 3);

Раннее утро: *Gradually the fibres of the burning fire were fused into one haze, one incandescence which lifted the weight of the woolen grey sky on top of it and turned it to a million atoms of soft blue* (Waves, 3);

Утро: *The sun rose higher. [...] Everything became softly amorphous, as if the plate flowed and the steel of the knife were liquid* (Waves, 15);

Полдень: *The sun, risen, [...] bared its face and looked straight over the waves. [...] And as the light increased, flocks of shadow [...] conglomerated and hung in many-pleated folds in the background* (Waves, 60, 61);

Сумерки: *The sun was sinking. [...] But the waves, as they neared the shore [...], fell in one long concussion, like a wall falling, a wall of grey stone, unpierced by any chink of light* (Waves, 117)

Поздний вечер: *Now the sun had sunk. Sky and sea were indistinguishable* (Waves, 134)

3. Менее заметным, однако весьма значимым, является сочетание в анализируемых интерлюдиях текстурно-смысловых **фузий** как словесно-содержательной имитации эффекта "взвесей" или других нестойких соединений (suspensions) и **фракталов** как проявления движения материи в виде её изменений, калейдоскопических сдвигов. В этом смысле задача фузий в пейзажном дискурсе – создать некое ощущение зыбкости, а задача фракталов – "сформировать итерационный процесс формообразования" [Тарасенко 2009б: 32], который благодаря "постоянно множасьейся цепочке знаков-деталей, не сводящихся к образу, понятию, представлению" [там же: 53-54], благодаря умножению фрактала до бесконечности рождает транс как новую перцептивную практику [там же: 88]. Так, например, описывается восход солнца над морской гладью, конвергентная ейдемика которого инкорпорирует идиосинкратические образы осадка в старой бутылке вина, женщины, держащей в руке лампу и медленно поднимающей её из-за горизонта, солнечных бликов как пластинок веера, самого восходящего солнца как разгорающегося костра, рассыпающего искры пламени и вздымающего серое покрывало неба, и как пламенеющей арки на горизонте, сравните:

Gradually the dark bar on the horizon became clear as if the sediment in an old wine-bottle had sunk and left the glass green. Behind it, too, the sky cleared as if the white sediment there had sunk, or as if the arm of a woman couched beneath the horizon had raised the lamp and flat bars of white, green and yellow spread across the sky like the blades of a fan. Then she raised her lamp higher and the air seemed to become fibrous and to tear away from the green surface flickering and flaming in red and yellow fibres like the smoky fire that roars from the bonfire. Gradually the fibres of the burning bonfire were fused into one haze, one incandescence which lifted the weight of the woolen grey sky on top of it and turned it to a million atoms of soft blue. [...] Slowly the arm that held the lamp raised it higher and then higher until a broad flame became visible; an arc of fire burnt on the rim of the horizon, and all round it the sea blazed gold (Waves, 3)

Подобные фузионно-фрактальные сочетания прослеживаются и как отдельные вкрапления в других интерлюдиях романа, как, например, в ритмичном описании прибрежного сада, где трава сливается в одну травинку, тени деревьев в одну тень, а их листва в один зеленый холм:

all the blades of the grass run together in one fluent green blaze. The trees' shadow was sunk to a dark pool at the root. Light descending in floods dissolved the separate foliation into one green mound (Waves, 82-83)

Ощутимую роль в создании "значимой формы" маринистического пейзажного описания в анализируемых интерлюдиях романа "Волны" играют две других разновидности взаимодействия фракталов и фузий, различающиеся степенью слитности форм и акцентом на их динамике или статике, определяя вариативность фрактальной размерности художественных марин Вирджинии Вулф. К этим разновидностям относятся сочетания фракталов и фузий, где:

4. **фузии** выступают результатом соединения, интеграции (блендинга) форм и/или субстанций, а **фракталы** – проявлениями иконичности, вводящей "представление о самоподобии, самореференции, негладкости коммуникации" [Тарасенко 2009б: 75], или же

5. **фузии** репрезентированы как "мимезис создания" (of making) и **фракталы** как "мимезис движения" (of motion), в терминологии Э.Скерри [цит. по Freeman 2006: 412], где передается не специфика ощущений (визуальных, звуковых и т.п.), а специфика перцептивной динамики, делающая возможным переход от ощущений к восприятию [Тарасенко 2009б: 87].

Рассмотрим эти две указанные версии фузионно-фрактальной динамики в исследуемом пейзажном дискурсе Вирджинии Вулф детальнее.

3.2. Фрактальная размерность художественных марин в интерлюдиях "Волн". Фрактальная размерность прослеживается в пространстве художественного дискурса как некая "траектория, которая может быть описана геометрически" [там же: 115]. В анализируемых фрагментах романа Вирджинии Вулф эта траектория ассоциируется: 1) со словесно визуализируемой формой референтов ряда художественных деталей, таких как веер, прутики для метания (дарты), мотылек или домик улитки (вместе с плавником, и другими деталями, входящие в "алфавит" символов [Лотман 1996: 123] писательницы и образующие "кристаллическую решетку взаимных связей" как её поэтический мир [там же]), где раковина улитки воплощает гладкое самоподобие логарифмической спирали [Шредер 2005: 132-137], которое в конечном итоге разрушается, или 2) с мультимасштабной размерностью волн, которые выступают в романе не только в качестве сквозного символа и инструмента создания пульсации ритма повествования, но и функционируют как композиционно значимый формообразующий параметр, задающий контуры всего романа.

Иконичность художественных деталей, интегрирующая природные объекты (улитка) и воображаемые артефакты (веер, дарты) с кинетикой и энергетикой морских волн, активизирующихся под воздействием солнечного света, задает в анализируемых интерлюдиях три динамических формата описания: синусоидальный, диффундирующий и векторный.

Синусоидальный формат очерчивает параллели между раковиной улитки (как одним из излюбленных символов в художественном арсенале Вулф) и морской волной, визуализируя траекторию *подъема* (вздыбливания) и *падения* (обрушения), сопровождаемого буквальным (как у улитки) или метафорическим (как у волн) *разбиванием*, разрушением, дезинтеграцией, сравните:

Perhaps it was a snail shell, rising in the grass like a grey cathedral [...] They [birds] spied a snail and tapped the shell against a stone. [...] until the shell broke and something slimy oozed from the crack. (Waves, 40); *The waves massed themselves, curved their backs and crashed* (Waves, 92); *The hard stone of the day was cracked and light poured through its splinters*

(Waves, 117); *The tremendous weight of the shadowed earth had engulfed such frail fetters, such snail-shell encumbrances* (Waves, 117); *Darkness rolled its waves [...] over the wrinkled skin of the turf, enveloping the solitary thorn tree and the empty snail shell at its foot* (Waves, 134); *The waves broke on the shore* (Waves, 167)

Обращение к образу разбиваемой раковины моллюска не есть случайным для Вирджинии Вулф, которая не раз прибегала к сравнению сенсорных ощущений при восприятии реальности с моллюском, вскрываемым этой реальностью (An event cracks open the "oyster of perceptiveness" [цит. по Banfield 2003: 491]). В одном из её автобиографических эссе из сборника "Моменты бытия" ("Moments of Being") Вулф говорит об органах чувств, как о "запечатанных сосудах, плавающих на поверхности того, что называют реальностью; в какой-то момент вещество, с помощью которого они запечатаны, трескается; и туда врываются потоки реальности" [цит. по там же: 491].

Диффундирующий формат описания морских волн фокусирует внимание на процессах **рассеивания / разбрызгивания** и **распространения** брызг, сравниваемых с веером или вуалью, например:

As they neared the shore each bar rose, heaped itself, broke and swept a thin veil of white water across the sand. [...] and flat bars of white, green, and yellow spread across the sky like the blades of a fan (Waves, 3); *Blue waves, green waves swept a quick fan over the beach* (Waves, 15); *the thin swift waves as they raced fan-shaped [...] over the beach* (Waves, 40); *They swept the beach with steel blue and diamond-tipped water* (Waves, 60); *The waves broke and spread their waters swiftly over the shore. [...]* *the spray tossed itself back with the energy of their fall* (Waves, 83); *The waves breaking spread their white fans out over the shore* (Waves, 134)

Векторный формат описания волн сквозь призму меняющегося солнечного освещения, в том числе и в разгаре дня, задействует образность **протыкания / пронизывания**, связанную с острыми предметами, такими как прутья, копыя, стрелы, например:

Light almost pierced the thin swift waves as they raced fan-shaped [...] *over the beach* (Waves, 40); *The sun, risen, no longer couched on a green mattress darting a fitful glance through watery jewels* (Waves, 60); *water-globed jewels that sent lances of opal-tinted light falling and flashing in the uncertain air like the flanks of a dolphin, or a flash of a falling blade* (Waves, 82); *the waves beneath were arrow-struck with fiery feathered darts that shot erratically across the quivering blue* (Waves, 94); *Erratically rays of light flashed and wandered, like [...]* *darts shot through laurel groves by shameless, laughing boys* (Waves, 117)

Если названные форматы монофрактальной размерности, ассоциируемые с тем или иным проявлением иконичности, можно назвать локальными по своему масштабу, то глобальным форматом такой размерности в исследуемых

интерлюдиях выступает синусоида скрытой мегаволны, которая реконструируется как цепочка концептуальных метафор, отражающих непрекращающееся биение волн о берег (детальнее см. [Воробйова 2008: 132-133]), сравните:

ВОЛНЫ – МОРЩИНЫ НА ТКАНИ (*the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it* – Waves, 3) → **ВОЛНЫ – СИНУСОИДАЛЬНЫЕ КРИВЫЕ / ВОЛНЫ – РАЗБРЫЗГИВАТЕЛЬ** (*each bar rose, heaped itself, broke and swept a thin veil of white water across the sand* – Waves, 3) → **ВОЛНЫ – ДЫХАНИЕ СПЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА** (*The wave paused, and then drew out again, sighing like a sleeper whose breath comes and goes unconsciously* – Waves, 3) → **ВОЛНЫ – РАЗБРЫЗГИВАТЕЛЬ** (*Blue waves, green waves swept a quick fan over the beach, circling the spikes of sea-holly* – Waves, 15) → **ВОЛНЫ – ПАДАЮЩИЕ ПРЕДМЕТЫ** (*the concussion of the waves breaking fell with muffled thuds, like logs falling on the shore* – Waves, 15) → **ВОЛНЫ – БЕГУНЫ** (*the thin swift waves as they raced fan-shaped over the beach* – Waves, 40) → **ВОЛНЫ – ВОИНЫ** (*The waves drummed on the shore, like turbaned warriors, like turbaned men with poisoned assegais* – Waves, 41) → **ВОЛНЫ – ВОИНСТВЕННЫЕ ВСАДНИКИ** (*They fell with a concussion of horses' hooves on the turf. Their spray rose like the tossing of lances and assegais over the riders' heads* – Waves, 60) → **ВОЛНЫ – ДВИГАТЕЛЬ / МОТОР** (*They drew in and out with the energy, the muscularity, of an engine which sweeps its force out and in again* – Waves, 60) → **ВОЛНЫ – ГЕНЕРАТОР ЭНЕРГИИ** (*The waves broke and spread their waters swiftly over the shore. One after another they massed themselves and fell; the spray tossed itself back with the energy of their fall* – Waves, 83) → **ВОЛНЫ – ДВИЖЕНИЕ МЫШЦ** (*The waves [...] rippled as the backs of great horses ripple with muscles as they move* – Waves, 83) → **ВОЛНЫ – ПОСТУПЬ КРУПНОГО ЖИВОТНОГО** (*rippled as the backs of great horses ripple with muscles as they move* – Waves, 83) → **ВОЛНЫ – МИШЕНЬ** (*the waves beneath were arrow-struck with fiery feathered darts* – Waves, 92) → **ВОЛНЫ – ЖИВАЯ СУБСТАНЦИЯ** (*The waves massed themselves, curved their backs and crashed* – Waves, 92) → **ВОЛНЫ – ПАДАЮЩАЯ КАМЕННАЯ СТЕНА** (*But the waves, [...] fell in one long concussion, like a wall falling, a wall of grey stone* – Waves, 117) → **ВОЛНЫ – РАЗБРЫЗГИВАТЕЛЬ / ВОЛНЫ – ГРУСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК** (*The waves breaking spread their white fans far out over the shore, [...] and then rolled back sighing over the shingle* – Waves, 134) → **ВОЛНЫ – ШЕПОТ** (*At the cliff's edge there was an equal murmur [...] of water that had been cooled in a thousand glassy hollows of mid-ocean* – Waves, 134) → **ТЕМНОТА – ВОЛНЫ** (*As if there were waves of darkness in the air, darkness moved on, covering houses, hills, trees, as waves of water wash round the sides of some sunken ship* – Waves, 134)

Проходя через все девять интерлюдий как эмоциональное крещендо-деминуэндо, целостный образ мегаволны – от её зарождения до пика, представленного образом воинствующих всадников (*The wind rose. The waves drummed on the shore, like turbaned warriors, like turbaned men with poisoned assegais who, whirling their arms on high, advance upon the feeding flocks, the white*

sheep – Waves, 41) и акцентированного мощной энергетикой кавалерии на марше, и далее до затухания этой энергетике, которую постепенно поглощает темнота, сравните:

WAVES ARE (A PROPERTY) OF AN ARTIFACT → WAVES ARE A SLEEPING PERSON → WAVES ARE SPRAYERS → WAVES ARE FALLING OBJECTS → WAVES ARE RUNNERS / WARRIORS → WAVES ARE MILITANT RIDERS → WAVES ARE AN ENGINE → WAVES ARE MUSCLES → WAVES ARE A BEAST'S MOTION → WAVES ARE A QUIVERING SUBSTANCE → WAVES ARE A STONE WALL → WAVES ARE SPRAYERS → WAVES ARE A QUIET PERSON,

превращает визуальный код Вирджинии Вулф в звуковой, или скорее в синестетический, формируя крупномасштабную волну, вбирающую в себя не только морские волны как визуализируемый референт, но и скрытые локальные волны, образуемые количественным распределением в интерлюдиях фрагментов, связанных с описанием их трех составляющих, или фокусов [Monaco 2008: 177] – моря, сада и дома на берегу. Графики (на рисунке ниже) показывают количественную контрапунктность описаний этих топосов в девяти полноценных интерлюдиях и завершающей однострочной *The waves broke on the shore* (Waves, 167), которые образуют три несовпадающие по фазе волны: тройную спадающую "волну" моря¹² – 23 : 6 : 16 : 12 : 19 : 9,5 : 6 : 13,5 : 3,5 : 1 – которую характеризует сокращение словесного объема описаний морского пейзажа при их увеличивающейся интенсивности; дважды резко возрастающую в зависимости от описываемого в интерлюдиях времени дня "волну" сада и более отдаленной от побережья местности, которая завершается фрагментом описания темноты как волны – 4 : 9 : 34 : 24 : 26,5 : 12 : 33 : 24 : 13 + 11,5; и спокойную, хотя и во многом мистическую, "волну" дома – 3 : 5,5 : 7,5 : 18 : 8 : 7 : 8 : 6,5 : 6 (см. рис.1).

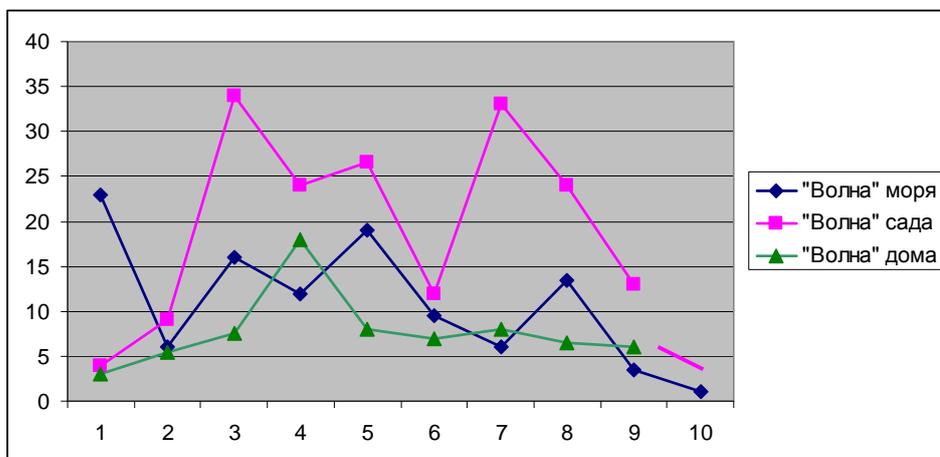

Рис. 1. Диаграмма локальной волновой динамики интерлюдий

Все указанные проявления иконичности и ритмической организации описания в силу своей разной интенсивности выступают в качестве так называемых перцептивных градиентов, т.е. параметров постепенного увеличения или уменьшения некоторых перцептивных свойств предметов во времени или пространстве [Арнхейм 2007: 264], которые, способствуя усилению эффекта глубины, формируют словесно воплощенное трехмерное визуальное пространство [там же: 263]. Суммируя наблюдения за множественной фрактальной размерностью интерлюдий, можно согласиться с исследовательницей британского художественного модернизма Беатрис Монако в том, что их текстура "вибрирует изнутри, как музыкальное произведение" [Монасо 2008: 179], благодаря тому, что в тексте присутствует ритм как "имманентный кинезис" [там же: 160], где все ритмически развертывается, все существует в кинетическом соотношении с чем-то другим [там же: 162]. Подобное кинетическое соотношение прослеживается и в использовании Вулф светокolorистических описательных техник, выступающих катализатором голографических эффектов в описаниях меняющегося в зависимости от солнечного освещения морского пейзажа.

3.3. Голография марин в интерлюдиях романа "Волны".

Особенностью светокolorистических описательных техник в исследуемых интерлюдиях является то, что они особым образом ложатся на созданный абрисными техниками "интерференционный паттерн – сложный и тонкий узор запечатленных событий, образ-паттерн оригинала, соотносимый с ним уже не поточечно, как в линзе, а некоторым более сложным образом" [Аршинов 1999]. В интерлюдиях-маринах, по словам Беатрис Монако, "свет не просто воздействует на предметы; он их оплодотворяет" [Монасо 2008: 179]; поверхности и "предметы – через их цвета, очертания и текстуру – по-разному оживают под взглядом наблюдателя" [там же: 178].

Действие светокolorистических техник в интерлюдиях "Волн" по своему спектру выходит за рамки собственно маринистических описаний, высвечивая "море как космическое неистовство стихий, землю и поля как несдержанность глобальных просторов, птиц как старательных подражателей человеческой жизни, а дом как нечто статичное, абстрактное, ментальное, эзотерическое" [там же: 177]. Однако, учитывая тематическую направленность статьи, в рассмотрении светокolorистики как источника голографических эффектов мы ограничимся, в основном, анализом словесного описания игры солнечного света и морской воды, с некоторыми дополнительными комментариями относительно других тематических фокусов интерлюдий.

В этих исследовательских пределах прослеживаются следующие светокolorистические тенденции: (1) сочетание мягкости и резкости световых решений, например, когда образное описание восхода солнца, как лампы, которую медленно поднимает из-за горизонта рука невидимой женщины (*Slowly the arm that held the lamp raised it higher and higher until a broad flame became visible* – Waves, 3), соседствует с резкой динамикой солнечного света,

который бьет (*The light struck upon the trees – Waves, 3*), заостряет контуры (*The sun sharpened the walls of the house – Waves, 3*), пронизывает (*Light almost pierced the thin swift waves – Waves, 40*) в утренние часы и размывает контуры предметов (*the evening sun [...] made the chairs and tables mellow – Waves, 117*) поздним вечером; (2) разнообразие цветовых переходов освещаемой поверхности и предметов: например, переход от серого (*the grey cloth*) к белому (*white water*), дальше к зеленому (*left the glass green*), желтому (*yellow fibres*) и голубому (*soft blue*) и далее к золотистому (*the sea blazed gold – Waves, 3*), характерный для начала дня; или изменение цветовых оттенков под воздействием света – *The light touched something green [...] and made it a lump of emerald* (*Waves, 15*). Такая тенденция способствует эмоциональной насыщенности описания, учитывая то, с точки зрения психологии восприятия, цвет к результату своей склонности к другому цвету производит динамический эффект напряженности [Арнхейм 2007: 319]; (3) полифункциональность ключевой образности и символики, которая применяется как к описанию световых, так и к описанию водно-оптических эффектов. Это касается, например, образа веера, который ассоциируется и с брызгами волн (*The waves breaking spread their white fans for out over the shore – Waves, 134*), и с самими волнами (*Blue waves, green waves swept a quick fan over the beach – Waves, 15; the thin swift waves [...] raced fan-shaped over the beach – Waves, 40*), и с солнечным светом (*The sun [...] rested like a tip of a fan upon a white blind*), и колористическим спектром неба (*bars of white, green and yellow spread across the sky like the blades of a fan – Waves, 3*); (4) обратимость (реверсивность) образности, когда, например, не только вода описывается с помощью оптических эффектов, но и свет подается сквозь призму воды, например: *waves [...] leaving shallow pools of light* (*Waves, 15*); *The hard stone of the day was cracked and light poured through its splinters* (*Waves, 117*), или сквозь призму волн, например: *Through all the flowers the same wave of light passed in a sudden flaunt and flash as if a fin cut the green glass of a lake* (*Waves, 102*); (5) референциальная экспансия оптических эффектов от описания преломления солнечного света в морских волнах до его преломления в росе (*the dew dancing on the tips of the flowers and leaves made the garden like the mosaic of single sparks – Waves, 15*), каплях дождя (*the rain drops on the hedge, pendent bit not falling, with a whole house bent in it – Waves, 40*) и драгоценных камнях (*the water-coloured jewels with sparks of fire in them – Waves, 40*).

Отмеченные тенденции, безусловно, не исчерпывают всего богатства палитры красок писательницы, чья совокупность инновационных на то время описательных техник не только выступает своеобразным "динамическим микроскопом, который обостряет и замедляет восприятие до такой степени, что тонкие изменения калибруются им практически до бесконечности" [Монасо 2008: 179], но и, работая на голографический эффект, позволяет высветить за видимой, зрительно воспринимаемой (или словесно преломленной как зрительно воспринимаемая) моделью "скрытый структурный план", своеобразную "систему

отсчета, которая помогает определить важность любого изобразительного элемента для равновесия всего изображения" [Арнхейм 2007: 27].

4. Вместо выводов. Вряд ли кто-либо из серьезных исследователей художественного текста будет отрицать важность междисциплинарного подхода к анализу его семантики и структуры. Сомнению, скорее, подвергается степень и глубина возможного привлечения к лингвистическим или лингвопоэтологическим студиям данных естественных наук, разработок современных прорывных научных концепций. Использование понятие голографии в применении к словесному искусству не должно, на наш взгляд, вызывать отторжение даже у самых осторожных интерпретаторов модернистской прозы благодаря неоднократно отмечаемой связи искусства с удвоением реальности [Лотман 1998б: 608]. Более того, по словам Ю.М.Лотмана: "Возможность удвоения является онтологической предпосылкой превращения мира предметов в мир знаков: отраженный образ вещи вырван из естественных для неё практических связей (пространственных, контекстных, целевых и прочих) и поэтому легко может быть включен в моделирующие связи человеческого сознания" [там же: 609]. Словесная изобразительность и описательные техники "создают иллюзию тождества объекта и его образа. [...] Точка зрения выделяется как самостоятельный структурный элемент, который может быть отделен от объекта, данного наивному созерцанию, и представлен в виде осознанной и самостоятельной сущности" [там же: 609-610].

В этой объемной цитате из статьи Ю.М.Лотмана о театре и живописи уже присутствует, как нам кажется, идея голографичности как возможности, под воздействием мены точек зрения, неоднократного удвоения реальности вследствие отнесенности значимых структур к различным семиотическим системам, включая, например, отнесенность ландшафтных образований к природным объектам и к объектам словесным, но воссозданным в терминах образной репрезентации по законам зрительного восприятия и согласно канонам того или иного литературного направления. Воссозданного, тем не менее, целостной личностью писателя, цельность которой сама по себе может быть приравнена к знанию реальности и созданию произведения искусства [Navard-Williams 1954: 84]. В этой связи **перспективой** дальнейших исследований в области изобразительной стилистики мультимодального толка может служить ракурс взаимодействия слова и музыки, столь значимый для прозы Вирджинии Вулф, настоящей на языке поэзии, музыки, живописи [Гарин 2002:331].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведенный список заимствован из недавно опубликованного глоссария ключевых терминов стилистики [Nørgaard 2010б: 7-48], который преимущественно характеризует состояние дел в западноевропейской стилистике. Поэтому некоторые из названных направлений стилистических

исследований ещё незнакомы или недостаточно знакомы отечественному читателю. К таким направлениям относятся, например, критическая стилистика, занимающаяся выявлением и систематизацией стилистических средств выражения социальных значений/коннотаций, таких как власть, идеология и т.п., и их роли в нашем восприятии мира [там же: 11-12; Jeffries 2009]; педагогическая стилистика, которая охватывает два подхода: собственно дидактический [Short 2007] и интерпретационный, фокусирующийся на обучении языку, в том числе и иностранному, через анализ художественных произведений [Simpson 1997]; а также корпусная стилистика, которая, развивая методологию корпусной лингвистики [Mahlberg 2005], опирающуюся на статистическую обработку массивов комп"ютерно отобранных текстов, позволяет не только верифицировать исследовательскую интуицию относительно тех или иных стилистических явлений, но и установить некоторые общие стилистические тенденции и закономерности, не проявляющиеся на ограниченном текстовом материале [Toolan 2009].

² Так, анализируемый в этой статье роман Вирджинии Вулф "Волны", который иногда называют стихотворением в прозе (the prose-poem [Monaco 2008: 161]), можно отнести к "музыкальной прозе": он создавался "как "роман-соната", и в его композиции, стиле действительно сделана попытка учесть законы этой музыкальной формы" [Гарин 2002: 338].

³ Экфразис понимается как искусство описания произведений искусства, в том числе и "словесная репрезентация визуальных репрезентаций" [Heffernan 1993: 3] в поэзии или прозе. Экфразис как использование одного изобразительного способа репрезентации для представления другого (например, картина с изображением скульптуры) принято отличать от пикториальности (картинности) и визуальной иконичности, которые репрезентируют природные объекты. При этом пикториальность касается использования в художественном дискурсе техник репрезентации, характерных для изобразительного искусства и, в частности, для того или иного направления живописи или стиля конкретного художника, а визуальная иконичность обнаруживается там, где имеет место словесная и/или графическая имитация референта [там же: 3-4]. Экфразистические элементы или мотивы могут служить компонентами сюжета или даже "генами сюжета", своеобразными "текстовыми генами", в терминологии Ю.М.Лотмана [Лотман 1996: 115, 145], когда сюжетным стержнем становится определенное архитектурное сооружение [Колбина 2009], живописное полотно или фотография, как, например, в романе Маргарет Этвуд "The Blind Assassin" ("Слепой убийца").

⁴ Известно, что на импрессионистов, в работах которых чистые яркие мазки оптически соединялись лишь во время созерцания картины, глубокое влияние оказала японская гравюра, которая несла в себе иной опыт, иное восприятие мира [Шедевры живописи 2008: 106-107], где доминировал естественный угол наклона и отсутствовала монофокальная перспектива [История современного искусства 1998: 484]. По мнению Максимилиана

Волошина, импрессионизм собственно родился и стал существовать "в тот замечательный день, когда ... в маленьком голландском городке Саандаме юный Клод Моне, разворачивая купленный им в лавке кусок сыра, увидел, что он завернут в рисунок, который был первой японской гравюрой, попавшейся ему на глаза" [цит. по Шедевры живописи 2008: 106]. По другой версии, интерес к японскому искусству распространился среди импрессионистов после того, как художник-импрессионист и гравер Феликс Бракмон обнаружил несколько эстампов Хокуса, использованных для упаковки фарфора [История современного искусства 1998: 484].

⁵ Такой подход соответствует принятому в психологии восприятия разграничению между "перцептивными понятиями" как всеобщими структурными свойствами, осознаваемыми в процессе визуального восприятия, и "репрезентационными понятиями", т.е. "понятиями о форме посредством которой воспринимаемая структура объекта может быть выражена с учетом свойств, характерных для данного изобразительного средства" [Арнхайд 2007: 162].

⁶ В дополнение, к основным элементам изобразительного дизайна, вызывающим эмоциональный отклик зрителя, Р. Фрай предлагает отнести угол наклона взгляда по отношению к плоскости, нависающей над нами или отдаляющейся от нас [Fry 1957: 34].

⁷ Напомним, что "голограмма – это объемная картина, возникающая в результате интерференции световых волн", позволяющей "воспроизводить точную трехмерную копию оригинального объекта" под влиянием расщепленного лазерного луча, направленного на светочувствительный материал, ранее подвергшийся воздействию рассеянных объектом световых волн, отличающихся не только по интенсивности (как при фотографировании), но и по фазе [Влахов]. В силу уникальности принципа, лежащего в основе голографии (и применимого к волнам любой природы), когда каждый отдельный участок голограммы содержит в себе информацию о целом, голографическая модель выходит за рамки описания суто физического явления, становясь основой для расшифровки: 1) устройства мироздания [там же], как-то в одной из интерпретационных версий квантовой механики Дэвида Бома, согласно которой физическая реальность фантомна и выступает своего рода суперголограммой, в которой прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно [Аршинов 1999; Влахов]; 2) работы мозга, как в нейрофизиологической концепции Карла Прибрама, в соответствии с которой информация хранится не в каком-то определенном участке мозга, а рассредоточена по всему объему мозга [Влахов; Тарасенко 2009б: 118-119]; 3) механизма передачи генетической информации на основе гипотезы о хромосомной ДНК как о биолазере с перестраиваемыми длинами волн излучаемых полей; а также 4) природы таких парапсихологических феноменов, относящихся к измененным состояниям сознания, как, например, телепатия, по Герману Грофу [там же]; и, наконец, 5) раскрытия сути синергетической

парадигмы, которая, по словам одного из её основоположников Германа Хакена, является **"лазерно-голографической парадигмой"** (противопоставленной так называемой **парадигме линзы**, по Д.Бому) в силу её нелинейной концептуальной "оптики", где образ лазера фигурирует в качестве инструмента познания и коммуникативного посредника [Аршинов 1999].

⁸ Такое описание не может не вызвать ассоциаций с известной серией картин художника-постимпрессиониста Поля Сезанна. который, "в стремлении идеально построить изображение природы в соответствии с геометрическими формами" [История современного искусства 1998: 504] множество раз рисовал гору Сент-Виктуар, "виднеющуюся на горизонте из окна его дома в Эксе, до тех пор пока не овладел полностью её объемом в соотношении с окружающим пространством и глубиной неба" [там же].

⁹ Эту композиционную технику можно рассматривать значительно шире – как фундаментальное межсемиотическое культурное явление, охватывающее разные виды искусств и предполагающее целый набор универсальных и индивидуальных проявлений, как, например, имажистские поэтические техники, где фигурирует каталогизация образов, конфликт метафор и поэтика сдвига, направленные на создание напряжения в читательском восприятии [Huttunen 2002], или визуальный монтаж Г.Цеттля, который включает три категории: метрический монтаж, основанный на ритме; аналитический монтаж с акцентом на хронологической последовательности или на интеграции точек зрения на одно и то же событие [Zettl 1990: 320]; и содержательно-ассоциативный монтаж, опирающийся на сравнение или столкновение разных образов и тем для создания новых или усиления имеющихся [там же: 324].

¹⁰ Ответ на этот вопрос пытаются дать современная психология и нейронауки, которые исследуют то, как "видение конструируется и достраивается нашим мозгом. Как тело достраивает целостность наших отрывочных ощущений. [...] как наше понимание достраивает до целостности отрывочные факты фрагментов восприятия" [Тарасенко 2009б: 8].

¹¹ Фракталом, как правило, именуется геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, т.е. составленная из множества частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком [Mandelbrot 1982: 14]; или, по определению Ю.А.Данилова и Б.Б.Кадомцева, "некий сильно изрезанный геометрический объект, который являлся, например, уже не точкой, но ещё не гладкой линией, или уже не линией, но ещё не плоскостью" [цит. по Тарасенко 2009а: 42]. В последнее время бытует точка зрения, что фракталы – это не визуальные образы, а некий процессуальный язык, форма которого зависит от характера итераций, т.е. способа преобразования [Тарасенко 2009б: 30].

¹² Подсчеты велись в строчках; при этом объем "разорванных" (в начале и в конце некоторых интерлюдий) описаний движения волн суммировался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие: Пер. с англ. / Рудольф Арнхейм. – М.: "Архитектура-С", 2007. – 392 с.
2. Аршинов В.А. Событие и смысл в синергетическом измерении / В.А.Аршинов // Событие и смысл (синергетический опыт языка). – М.: ИФРАН, 1999. Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Arshinov.htm>
3. Басин Е. Пейзаж / Культура и образование: Изобразительное искусство, скульптура, архитектура / Е.Басин // Кругосвет: Онлайн энциклопедия. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/PE...
4. Влахов А.Л. Голографический принцип в основе мироздания. Режим доступа: <http://tonnel-new.narod.ru>
5. Воробйова О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П.Воробйова // Мова, культура й освіта в сучасному світі: Збірник наукових праць до 90-річчя проф. Романовського О.К. [відп. ред. Стешов О.А.]. – К.: Вид центр КНЛУ, 2008. – С. 126-135.
6. Гарин И.И. Век Джойса / Игорь Иванович Гарин. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 848 с.
7. История современного искусства: Пер. с итал. – М.: БММ АО, 1998. – 718 с.
8. Колбіна Н.В. Наративні перспективи архітектурного простору у творі Е.А.По "Падіння дому Ашерів" / Н.В.Колбіна // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – Філологічні науки. Мовознавство. – 2009. – №5. – С. 88-91.
9. Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики, разума и искусства: Пер. с англ. С.П. Евтушенко: [общ. ред. и послесл. В.П.Шестакова] / Сьюзен Лангер. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. / Юрий Михайлович Лотман. – М.: "Языки русской культуры", 1996. – 464 с.
11. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб: "Искусство–СПб", 1998а. – С. 287-372.
12. Лотман Ю.М. Театральный язык и живопись / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб: "Искусство–СПб", 1998б. – С. 608-617.
13. Пономарева Ю.В. Особенности языкового выражения пейзажа в литературных текстах художника К.А.Коровина / Ю.В. Пономарева // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского

- отделения РАЛК. [под ред. проф. Г.Н. Манаенко]. – Вып. 7. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – С. 230-236.
14. Соколов М.Н. Пейзаж / М.Н. Соколов // *Academic Dictionaries and Encyclopedias*. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/119173>
  15. Тарасенко В.В. Фрактальная логика / Предисл. С.П. Капицы / Владислав Валерьевич Тарасенко. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009а. – 120 с.
  16. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: "слепые пятна", перипетии и узнавания: [закл. ст. Ю.С. Степанова] / Владислав Валерьевич Тарасенко. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009б. – 232 с.
  17. Шварц Э. Формализм / Эрин Шварц. Режим доступа: <http://www.cheloveche.ru/posts/19471-formalizm>
  18. Шедевры живописи: [ред. группа: Т. Каширина, Т. Евсеева, Н. Иванова]. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 184 с.: ил.
  19. Шредер М. Фракталы, хаос, степенные законы: миниатюры из бесконечного рая / Манфред Шредер. – М.; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика (РХД), 2005. – 528 с.
  20. Baldwin D.R. Virginia Woolf: A Study of the Short Fiction / Dean R. Baldwin. – Boston: Twayne Publishers, 1989. – 157 p.
  21. Banfield A. Time passes: Virginia Woolf, Post-Impressionism, and Cambridge Time / Ann Banfield // *Poetics Today*. – Vol. 24(3) (Fall 2003). – P. 471-516.
  22. Bullen J.B. Rodger Fry. Режим доступа: <http://www.noteaccess.com/PEOPLE/FryR.-FryR2.htm>
  23. Fogh-Schultz A.L. Redefining Aesthetic Standards: The Artistic Manifestos of Roger Fry and Virginia Woolf: Dissertation / Anders Lyck Fogh-Schultz. – Odense: University of Southern Denmark, 2002. Режим доступа: <http://www.foghschultz.dk/Anders/abstract.htm>
  24. Forceville Ch. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitive framework: Agendas for research / Charles Forceville // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives*: [eds. Kristiansen G., Archard M., Dirven R., Ruiz de Mendoza Ibáñez F.J.]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 379-402.
  25. Freeman M.H. The fall of the wall between literary studies and linguistics: Cognitive poetics / Margaret H. Freeman // *Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives*: [eds. Kristiansen G., Archard M., Dirven R., Ruiz de Mendoza Ibáñez F.J.]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 403-428.
  26. Fry R. Vision and Design / Rodger Fry. – New York: Meridian Books, 1957. – 302 p.

27. Havard-Williams P. Mystical experience in Virginia Woolf's *The Waves* / Peter and Margaret Havard-Williams // *Essays in Criticism*. – 1954. – Vol. IV, No.1. – P.71-84.
28. Holography. Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Holography>
29. Heffernan J. *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery* / James Heffernan. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 251 p.
30. Huttunen T. From "word-images" to "chapter-shots": The Imaginist montage of Anatolij Mariengof / Tomi Huttunen. 2002. Режим доступа: www.helsinki.fi/~tphuttun/mgof_article
31. Jeffries L. *Critical Stylistics. The Power of English* / Leslie Jeffries. – Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 216 p.
32. Kress G. *Multimodal Discourse – The Modes and Media of Contemporary Communication* / Gunther Kress and Teo van Leeuwen. – London: Arnold, 2001. – 152p.
33. Kwiatkowska A. *The Visuo-Spatial Determinants of Natural Languages* / Alina Kwiatkowska. – Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Lodzkiego, 1997. – 217 p.
34. Lang B. Significance or form: The dilemma of Roger Fry's aesthetics / Berel Lang // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. – 1962. – Vol. 21, No.2. – P. 167-176.
35. Mahlberg M. *English General Nouns: A Corpus Theoretical Approach* / Michaela Mahlberg. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2005. – 206 p.
36. Mandelbrot B. *The Fractal Geometry of Nature* / Benoît Mandelbrot. – New York: W.H. Freeman and Co., 1982. – 468 p.
37. Monaco B. *Machinic Modernism: The Deleuzian Literary Machines of Woolf, Lawrence and Joyce* / Beatrice Monaco. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 213 p.
38. Nørgaard N. Multimodality and the literary text: making sense of Safran Foer's *Extremely Loud and Incredibly Close* / Nina Nørgaard // *New Perspectives on Narrative and Multimodality*: [ed. by Ruth Page]. – New York and London: Routledge, 2010a. – P.115-126.
39. Nørgaard N. *Key Terms in Stylistics* / Nina Nørgaard, Beatrix Busse and Rocío Montoro. – London; New York: Continuum, 2010b. – 269 p.
40. O'Halloran K. *Visual semiosis in film // Multimodal Discourse Analysis: Systemic Functional Perspectives*: [ed. by K.O'Halloran]. – London: Continuum, 2004. – P.109-130.
41. Roger Fry. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Roger_Fry
42. Simpson P. *Language through Literature. An Introduction* / Paul Simpson. – London and New York: Routledge, 1997. – 223 p.
43. Short M. *Language and Style – A web-based course* / Mick Short. Режим доступа: <http://www.lancs.ac.uk/fass/projects/stylistics/>

44. Toolan M. Narrative Progression in the Short Story. A Corpus Stylistic Approach / Michael Toolan. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2009. – 212 p.
45. Toury G. In Search of a Theory of Translation / Gideon Toury. – Tel Aviv: The Porter Institute of Poetics and Semiotics, Tel Aviv University Press, 1980. – 159 p.
46. Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / Reuven Tsur. – Amsterdam etc.: Elsevier Science Publishers, 1992. – 573 p.
47. Zettl H. Structuring the four-dimensional field / Herbert Zettl // Zettl H. Sight Sound Motion: Applied Media Aesthetics. – Belmont: Wadsworth Publishing Co., 1990. – P.299-332.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. CSF = The Complete Shorter Fiction of Virginia Woolf. 2-d ed. / Ed. by Susan Dick / Virginia Woolf. – San Diego etc.: A Harvest Book, Harcourt, 1989. – 346 p.
2. Waves = Woolf V. The Waves / Introduction and notes by Deborah Parsons / Virginia Woolf. – Ware: Wordsworth, 2000. – 173 p.

УДК 81'1=16+81'373.21

PRINCIPLES OF BUILDING CONCEPTUAL MODELS FOR THESAURUS DICTIONARIES

S.A. Zhabotynska (Cherkasy, Ukraine)

S.A. Zhabotynska. Principles of building conceptual models for thesaurus dictionaries. This paper discusses a methodology developed within the framework of cognitive linguistics and adopted for building conceptual models of thesaurus dictionaries. It is argued that such conceptual models, defined as ontologies, are multidimensional “networks-in-the-networks” structures. At each dimension, the respective conceptual network is structured by a limited set of iterative propositions (propositional schemas) that belong to the five basic frames – the Thing, Action, Possession, Identification, and Comparison frames.

Key words: cognitive linguistics, thesaurus dictionaries, ontology, conceptual network, propositional schemas, basic frames.

С.А. Жаботинская. Принципы построения концептуальных моделей словарей-тезаурусов. В статье рассматривается методология, разработанная в рамках когнитивной лингвистики и нашедшая применение при построении концептуальных моделей словарей-тезаурусов. Такие модели, определяемые как онтологии, суть многоуровневые структуры, организованные по принципу “сети-в-сетях”. На каждом из уровней построение концептуальной сети осуществляется с помощью ограниченного набора повторяющихся пропозиций (пропозициональных схем), которые относятся к пяти базисным фреймам – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, словари-тезаурусы, онтология, концептуальная сеть, пропозициональные схемы, базисные фреймы.

С.А. Жаботинська. Принципи побудови концептуальних моделей словників-тезаурусів. У статті розглядається методологія, розроблена в рамках когнітивної лінгвістики та застосована у побудові концептуальних моделей словників-тезаурусів. Такі моделі, відомі як онтології, є багаторівневими структурами, організованими за принципом “мережі-у-мережі”. На кожному з рівнів побудова концептуальної мережі здійснюється за допомогою кількісно обмежених повторюваних пропозицій (пропозиціональних схем), що належать до п'яти базисних фреймів – предметного, акціонального, посесивного, ідентифікаційного та компаративного.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, словники-тезауруси, онтологія, концептуальна мережа, пропозиціональні схеми, базисні фрейми.

1. Introduction

At present, researchers in different areas, particularly in artificial intelligence, formal and computational linguistics, and knowledge engineering, have come to realize that a solid foundation for their research calls for serious work in ontology. **Ontology** is understood as: (a) a general theory of the types of entities and their relations that make up the respective domains of inquiry; (b) the phenomenon studied by this theory. In the latter meaning, ontology has two interpretations. In information studies, it is associated with KNOWLEDGE: ontology is a conceptual (mental) model of some domain of objects – a model that includes a hierarchy of concepts, their relations and rules which this model obeys [Воинов, Гаврилова 2008]. In artificial intelligence, a conceptual model of some domain is termed conceptualization – a structure $\langle D, \mathbf{R} \rangle$, where D is a domain and $\mathbf{R}$ is a set or relevant relations on D . Ontology is associated with KNOWLEDGE REPRESENTATION: it is a formal engineering artefact, constituted by a specific vocabulary used to describe a certain reality, plus a set of logical axioms designed to account for the intended meanings of this vocabulary; two ontologies can be different in the vocabulary (using English or Italian words, for instance) while sharing the same conceptualization [Guarino 1998]. Of late, attention has been focused on KNOWLEDGE per se, on the content of information, on **conceptual (mental) models** rather than on just the formats and languages for representing information. Scholars who work in different fields realize the need for integrating their research in developing strong principles for building well-founded ontologies – the principles that may provide significant advantages over ad-hoc, case-based solutions [Bennett & Fellbaum 2006].

Ontologies as conceptual models are also a primary concern of cognitive linguistics that encounters the problem of building conceptual models that arrange information manifested by linguistic expressions. The need in well-founded ontologies is especially obvious in lexicography, which has to propose appropriate ways of organizing linguistically diverse data in thesaurus dictionaries. This paper starts with discussing the conventional practices of compiling such dictionaries; then it proposes some cognitive linguistic principles applicable in creating the ontology of a thesaurus; further, it demonstrates practical application of these principles; finally, the paper considers theoretical implications of the suggested methodology.

2. Thesauruses and semantic fields

Linguistics characterizes a **thesaurus** as book of words and phrases grouped on the basis of their meaning. The semantic information in a thesaurus complements information found in an ordinary dictionary: in a dictionary, you know a word and wish to discover its meaning; in a thesaurus, you are aware of a meaning, and wish to discover the relevant word(s) [Crystal 1992: 389]. Therefore, an ordinary, alphabetically arranged dictionary dovetails with semasiology as the branch of semantics that studies meaning in the direction “from the FORM to its meaning(s)”. A thesaurus dictionary, which is arranged thematically, or ideographically, dovetails with onomasiology as the branch of semantics that studies meaning in the direction

“from the MEANING to its form(s)”. Moreover, thesaurus dictionaries triggered the emergence of onomasiology as a branch of semantics opposed to semasiology [Кубрякова 1990: 346].

In a thesaurus, multiple linguistic forms that denote the same meaning make up semantic fields. A **semantic field** is a set of linguistic (mostly lexical) expressions that have some shared conceptual foundation and relate in specific ways [Кузнецов 1990: 380; Faber & Uson 1999: 67] – via synonymy/antonymy, hyponymy, logical categories and associations. As Y.S. Stepanov puts it, these relations are the “structural lines” penetrating the word-stock system, and guiding a person in his/her search of required information [Степанов 1975: 53]. Semantic fields can be of different types that depend on particular conceptual and formal properties exhibited by the constituents. Various types of semantic fields have been thoroughly described in a number of fundamental works [Уфимцева 1962; Гулыга, Шендельс 1969; Щур 1974; Караулов 1976; Бондарко 1983; Вердиева 1986 among others]. A detailed discussion of this issue is outside the scope of this paper, which will consider only those types of fields that are relevant for thesaurus dictionaries.

Most frequently, thesauruses split the vocabulary of a particular language into comparatively small semantic fields – **lexical semantic groups** whose units (with their senses) are synonyms and antonyms. In a thesaurus, such groups are semantically unrelated: they are listed alphabetically, according to the key item in the group [see Laird 1975; Collins concise dictionary and thesaurus 2001 among others]. For example [Laird 1975: 153]:

desolation, *n.* 1. [The quality of being uninhabited] – *Syn.* bareness, barrenness, devastation, havoc, ruin, dissolution, wreck, demolition, annihilation, extinction; see also **desert**, **waste 3**. – *Ant.* fertility, luxuriance, productivity.
2. [The quality of being hopeless] – *Syn.* wretchedness, misery, loneliness; see **gloom 2**.

Less frequent are thesauruses that provide arrangement of a vast conceptual (semantic) space represented by the total word-stock. The arrangement of this space is “logical” – it reflects universal logic employed by humans in cognizing the world and construing the respective conceptual categories [Степанов 1975: 52]. These categories underlie **lexical semantic fields** whose units are linked by hyponymy (kind-type) or paronymy (part-whole) relations. Among such dictionaries, one of the most influential is the thesaurus of P.M. Roget first published in 1852. Roget divided the vocabulary of English into six main areas: (1) ABSTRACT RELATIONS, (2) SPACE, (3) MATTER, (4) INTELLECT, (5) VOLITION, and (6) AFFECTIONS. Each area was then given a detailed and exhaustive sub-classification, resulting in 1000 semantic categories, or semes, and 8 hierarchically inclusive levels [see Crystal 1992: 389].

Another notable work is the thesaurus of R. Hallig and W. v. Wartburg, where the vocabulary of German is stratified into the following conceptual classes and sub-classes at the first level of division: **UNIVERSE** – Sky and Atmosphere. The Earth.

Flora. Fauna. **MAN** – Man as a Living Being. Soul and Mind. Man as a Social Being. Organization of the Society and Social Institutions. **UNIVERSE AND MAN** – Science and Technology. A priori Categories [see Степанов 1975: 50].

At the second level of division, each of the subcategories undergoes further stratification, for example, **MAN: MAN AS A LIVING BEING** – 1) Sex. 2) Race. 3) Body Parts. 4) Organs and Their Functions. 5) Five Senses. 6) Movements and Body Positions. 7) Sleep. 8) Health and Diseases. 9) Human Life in General. 10) Needs of Man as a Living Being. **SOUL AND MIND** – 1) General Issues, Reason, Wisdom, Abilities. 2) Perception. 3) Consciousness, Imagery. 4) Memory. 5) Imagination. 6) Thought. 7) Feelings. 8) Willpower. 9) Morals. **MAN AS A SOCIAL BEING** – 1) Social Life in General: a) Organization of the Society; b) Language; c) Social Relations. 2) Man Who Works: a) General Issues; b) Agriculture; c) Trades and Professions; d) Industry; e) Commerce; f) Property; g) Home, Room. 3) Transportation. 4) Mail, Telegraph, Telephone. **ORGANIZATION OF THE SOCIETY AND SOCIAL INSTITUTIONS** – 1) Social Community. 2) State. 3) Law. 4) Education. 5) Foreign Policy. 6) National Defense. 7) War. 8) Literature and Arts. 9) Denominations and Religion [see Степанов 1975: 51].

A recent version of “logical” thesauruses is O.S. Baranov’s [Баранов 2002] thesaurus of the Russian language. Its organization resembles the one in Roget’s classical work. The words, gathered in nests (semes), are grouped around some concept (idea) with which they are typically linked by kind-type, or hyponymy, relations. The nests stratify into subsections, with their further division. The thesaurus has 5923 nests, and 7 levels of division. The upper level, which includes 6 groups – (1) ORDER, (2) NATURE, (3) MAN, (4) ACTIVITIES, (5) SOCIETY, (6) CULTURE – is divided into 22 subgroups that, in their turn, are divided into 76 sections, etc.

Stratification of data in thesauruses based on the logical principle is compatible with **Trier’s fields** [see Степанов 1975: 48], where the total vocabulary is divided into the fields of the upper rank, which are stratified into the fields of the lower rank, and so on up to particular concepts.

One more type of thesauruses grounds on the **associative field**, where words are arranged around the stimulus word with which they are psychologically associated [Кузнецов 1990: 380]. Psychological associations are established between things or concepts, on the one hand, and between the respective linguistic expressions, on the other hand. Such associations provide “gravitation” of linguistic expressions to one another, for example, *flakes* – *snow*, *crumb* – *bread* [Степанов 1975: 52-53]. An example is the associative thesaurus of contemporary Russian based on the associative verbal network. According to Y.N. Karaulov, this network, which underlies the linguistic competence of language users, is exposable through multiple psycholinguistic experiments. In the network, each word, as a constitutive of various associative fields, exists in the variety of its forms and meanings, its syntactic and semantic relations with other words [Караулов 1999: 13]. Below, is an entry from this thesaurus [Караулов 1999: 163] (the numbers denote frequency):

ПИСАТЕЛЬ

– фантаст **8**, *известный*; **поэт 5**; *великий*, сатирик, *хороший 4*; **книга**, плохой, **роман**, *советский*, *человек 3*; **любимый**, **Пушкин**, **русский 2**; авантюрист, Айтматов, **актер**, атеистов, Бальзак, болтун, *бумага*, выдумщик, высказал, **гений**, **Гоголь**, Жорж, Ильф и Петров, интеллигент, *интересный*, классик, Л. Толстой, лауреат, Лермонтов, **лысый**, маститый, **мороженое**, мысли, мыслитель, написал, Носов, **отличный**, писака, *писать*, *письмо*, пишет, **повесть**, почитаем, поэта, приключенческих историй, рассказчик, **славный**, сочинил, **старость**, страны, талантлив, Толстой, Фаллада, **художник**, *человек* мысли, читатель, чмырь, Шолохов **1**.

Associative fields are similar to **syntagmatic**, or **Portzig's fields**, which are constituted by syntactic expressions whose units exhibit semantic combinability; e.g. *to go – feet, to bark – a dog* [Степанов 1975: 48; Кузнецов 1990: 380].

Generally, stratification of data in different types of thesaurus dictionaries (see in detail [Морковкин 1970; Караулов 1976]) employs intuition and “naïve logic” that construes our knowledge about the experiential world. This logic distinguishes the levels of categories, and identifies hyponymy and paronymy as the structural principles arranging the constituents of these categories. Meanwhile, the data provided in an associative semantic field show that besides hyponymy and paronymy there are other structural relations that should be considered in compiling thesauruses. Therefore, we require methodology that relies not only on the “naïve logic” and intuition of the speaker, but also on some precise algorithms applicable in building a conceptual model, or ONTOLOGY, of a thesaurus dictionary.

3. Methodology for building conceptual models

The proposed methodology for creating ontologies of thesaurus dictionaries comprises basic notions of cognitive linguistics, one of which is a domain. **Domain** is the most generic term for the background knowledge structure [Clausner & Croft 1999: 2]. According to R. Langacker, a cognitive domain is a coherent area of conceptualization relative to which semantic units may be characterized [Langacker 1997: 488]. Domains are basic and nonbasic. **Basic domains** are cognitively irreducible, neither derivable from nor analyzable into other conceptions. In and of themselves, basic domains are not concepts or conceptualizations. They are better thought of as realms of experiential potential (e.g. color space, temperature, smell, etc.), within which conceptualization can occur and specific concepts can emerge. Most domains, however, are nonbasic, i.e. cognitively reducible, derivable from and analyzable into other conceptions. Nonbasic domains vary in their degree of conceptual complexity. They range from minimal concepts (e.g. RED), to more elaborate conceptions (like the configuration of the human body), to entire systems of knowledge (such as everything we know about baseball). To some extent they arrange themselves in hierarchies, such that a conception at a given level presupposes

and incorporates one or more lower-level conceptions. For instance, the concept APPLE incorporates RED, and NECK invokes the overall shape of a body. In cases of this sort, where one conception – asymmetrically – presupposes another part of its own characterization, they are said to occupy higher and lower **levels of conceptual organization** [Langacker 2008, 44-45].

Analysis of linguistic data may require specific definitions for different levels of conceptual organization. The definitions suggested in this study are: the **conceptual sphere** – the total information space of a thesaurus dictionary; a **domain** – an information focus within the conceptual sphere; a **parcel** – a domain’s information focus manifested with synonyms and antonyms; and a **concept** – a parcel’s constituent notion manifested with an individual word. Provided the analysis has to expose more hierarchical levels, we may introduce such divisions as a hyper-sphere/sub-sphere, a hyper-domain/sub-domain, and a hyper-parcel/sub-parcel. The conceptual spaces that exist at different levels of conceptual hierarchy evolve in-depth, providing gradual granulation of information. The hierarchical conceptual levels become **dimensions** of the total information space of a thesaurus dictionary (cf. the levels of division in “logical” thesauruses).

It is maintained that at each level of their hierarchy conceptual spaces are structured with a **network**. This tenet agrees with the observation, according to which the total scope of linguistic and neurophysiologic facts clearly demonstrates that the linguistic structure in the human mind is a *network*, i.e. a system where information is represented in relations between concepts [Лямб 2008: 183]. In a network, information is concentrated in vertices (nodes, slots) and edges (arcs) that link these vertices. Vertices are “intelligent”: each vertex represents information about some entity and its place in the network. The relations between vertices in a network are manifested with propositions [Scragg 1978; Скороходько 1983]. The network, or web, is also a key idea in the theory of life systems. As F. Capra says, the web of life consists of webs within webs. We try to build the systems of webs integrated into other webs via applying a hierarchy, where the larger webs, located above the smaller ones, resemble a pyramid. However, it is only our human construal. The nature has no “above” and “below” entities, it has no hierarchies. There are only webs inside the other webs [Капра 2002: 50]. The same holds for a multi-dimensional ontology of a thesaurus dictionary, which is represented by the “networks-in-the-network” conceptual structure: the total conceptual sphere of the thesaurus is a network of domains, each domain is a network of parcels, and each parcel contains synonymous and antonymous concepts whose meanings are structured with a network of properties (Figure 1). The number of constituents at each dimension (level) of the ontology depends on the particular content of the conceptual sphere.

Further, it is argued that **building the networks** at any conceptual level employs a universal tool – the limited set of propositions that belong to the five basic frames. Frame semantics defines a **frame** as “a system of categories structured in accordance with some motivating context” [Fillmore 1982]. To extend this idea, we can suggest that the very foundation of our information system is structured by

several highly abstract **basic frames**, where the most fundamental categories of thought are arranged in accordance with the way we perceive things of the experiential world. Analysis of multiple lexical, derivational, and syntactic data [Жаботинская 1999; 2005; 2009a; 2009b; Zhabotynska 2002; 2004; 2008 among others] makes it possible to presume that the basic frames are five in number. These frames – the Thing Frame, the Action Frame, the Possession Frame, the Identification Frame, and the Comparison Frame – include a limited number of most abstract propositional schemas whose type is defined by the frame they belong to. (Cf. a somewhat different typology of schemas in [Dirven & Verspoor 1997: 77-90]).

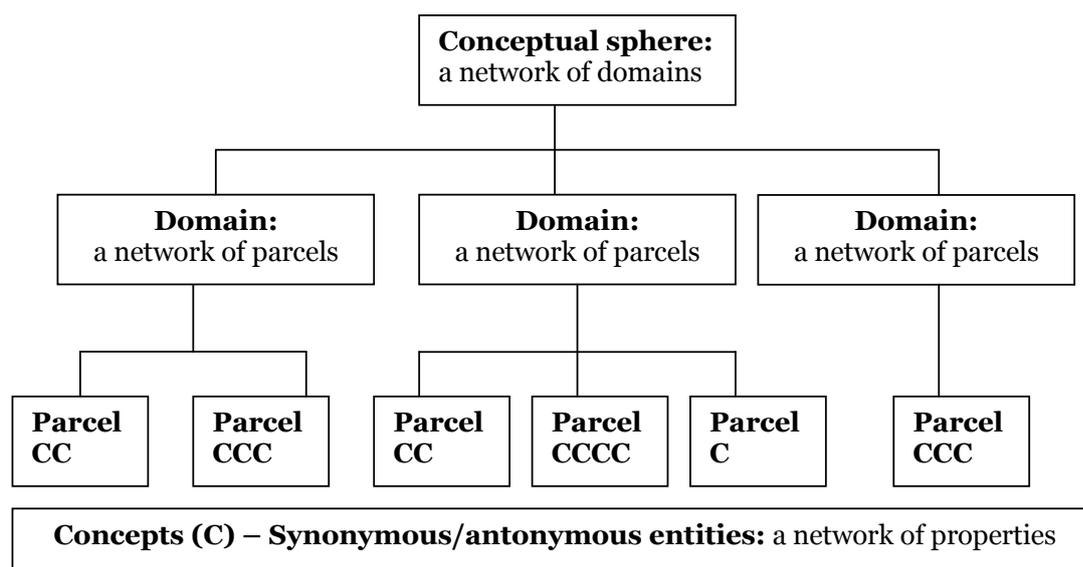

Figure 1. Ontology of a thesaurus dictionary
as a “networks-in-the-network” structure

The Thing Frame arranges information about the inherent properties of a thing (SOMEBODY /SB/ or SOMETHING /STH/). It includes **being schemas**, in which the thing and its property are combined by the link *is/exists*. They are:

- the quantitative schema “SB/STH is THAT MANY-quantity”: *The players are five > five players > the five ‘basketball team’*;
- the qualitative schema “SB/STH is SUCH-quality”: *The girl is beautiful > a beautiful girl > a beauty*;
- the locative schema “SB/STH is (exists) THERE-place”: *The man is/lives in London > a Londoner*;
- the temporative schema “SB/STH exists THEN-time”: *These holidays exist in winter > winter holidays*;
- the mode of existence schema “SB/STH exists SO-mode of being”: *The boat is afloat*.

The properties of a thing may obtain the assessment SO: exactly-approximately, more-less, true-false, good-bad, etc. The Thing Frame serves as a conceptual foundation of the part-of-speech systems [see Жаботинская 1992].

While the Thing Frame demonstrates the links between a thing per se and its properties, the other frames represent relations between several things. Information about them may be further specified with the Thing Frame.

The Action Frame contains doing schemas that include SB/STH – the doer of an action, and the action itself, which in the schemas is represented with the schematic verbs *acts* / *makes* (= *does*). Action schemas have three variations – the state/process, contact, and causation schemas:

- the state/process schema “SB/STH-agent **acts**” models an intransitive act, which is a state if the agent maintains its property (quantity, quality, place, time, or mode of being) or a process, if the agent changes its property; e.g. *The image doubles* (‘is double’ – a state; ‘gets double’ – a process);
- the contact schema models a transitive act, which may be of two kinds: (a) the schema “SB/STH-agent acts upon SB/STH-patient” represents a physical or mental contact between the agent and the patient, when the patient does not undergo changes: *This person takes/reads sth > a taker/reader*; (b) the schema “SB/STH-agent/instrument acts upon SB/STH-affected” represents a physical or mental contact between the agent and the patient, when the patient undergoes changes (“SB/STH-agent makes SB/STH-patient SUCH”) and thus becomes the affected: *This person/machine cleans something > a cleaner*;
- the causative schema “SB/STH-causer makes STH-factitive” models a transitive act that results in creating a new thing (factitive, or effected) by the agent (or instrument) that becomes the causer: *This person writes a book > a writer*.

Action schemas may be extended with additional semantic roles from the conventional list (see it, for instance, in [Fillmore 1968; Goldberg 1995]). In linguistic works, where the number of roles is a disputable issue, their list varies in size. However, to be retained in the mind, this list shouldn’t be too long. Here, the semantic roles that extend the tree schemas of the Action Frame are grouped into types with regard to their syntactic manifestation (exposure with particular propositions); (1) *acts/makes with* – the circumstance (attendant, aid, instrument): *He came with a friend. He has prepared the paper with his secretary. He cut his finger with a knife*; (2) *acts/makes because of* – the stimulus (goal, cause): *He has come because of the book (which he wanted to take). He was late because of rain*; (3) *acts/makes if, in spite of* – the prerequisite (condition, concession): *If there is wind / in spite of wind, we will put out to sea*; (4) *acts/makes to, for* – the recipient (addressee, benefactor / malefactor): *He sent a letter to Jane. He made a pie for Jane. He prepared poison for Jane*. Propositions of the Action Frame may be also extended with the locative and temporal slots that belong to the Thing Frame: (5) *acts/makes there, from there, to there* – the locative (source, path/place, goal): *I ran from my house through the field to the river*; (6) *acts/makes since (from), then, till then* – the temporative (beginning, duration, end): *The meeting lasted from 9 a.m. all day long till late evening*.

The Possession Frame includes the generalized roles “the possessor” and “the possessed” linked by the verb *has*. The structure “SB/STH-possessor has SB/STH-

possessed” is the **possession schema**. Its variants – the part-whole, inclusion, and ownership schemas – develop via specification of the generalized roles:

- the part-whole schema “SB/STH-whole has STH-part” has the part which is not an autonomous entity, it always belongs to the whole: *The vehicle has four wheels > a four-wheel vehicle > a four-wheeler*;
- the inclusion schema “SB/STH-container has STH-content” has the content which is an autonomous entity, it may exist inside and outside the container: *This bottle has milk > a bottle for milk > milk bottle*. Under weak possession, when the content itself may become the possessor, the schema acquires its additional variant “STH-content has STH-container”: *This milk [has] / is kept in a bottle > bottle milk*. The inclusion schema may be considered as an offspring of the locative schema in the Thing Frame;
- the ownership schema “SB/STH-owner has SB/STH-owned” has the owned and the owner united by some “shared territory” of their existence: *The father has a daughter*. Provided the owned is autonomous enough, it may become the possessor – “SB/STH-owned has SB/STH-owner”: *This daughter has a different father*.

The diversity of possessive relations may be eventually reduced to the five types discussed above (see in detail [Zhabotyńska 2004]).

The Identification Frame, which includes two things joined by the link *is*, models the relation “SB/STH-identified is SB/STH-identifier” provided in the generalized **identification schema**. Its variants – the personification, classification, and characterization schemas – result from changing the identifier:

- the personification schema “SB/STH-identified is STH-personifier” includes a proper name that functions as the personifier: *This city is New York > New York City*;
- the classification schema “SB/STH-identified is SB/STH-classifier” relates the identified with a member of some class – biological, societal, professional, functional, etc. In English, the classifier is signified by the **indefinite article** or its equivalent. An entrenched, i.e. frequently used name of a class may become the prepositional attribute: *Brown, a professor > Professor Brown*;
- the characterization schema “SB/STH-identified is SB/STH-characterizer” relates the instance to itself: the characterizer is the same instance (the identified) which obtains some characteristics. In English, the characterizer is signified by the **indefinite article** or its equivalent: *Peter is the boy in the picture*. Cf. Russian *Петр – тот мальчик, который на фотографии*.

The Comparison Frame, which may be considered as an evolution of the Identification Frame, includes the link *is as* that joins two roles – the compared (target, or referent) and the correlate (source). This frame is constituted by the **comparison schemas** of identity, similarity, and likeness where the link undergoes modifications:

- the identity schema “SB/STH-compared *is (as)* SB/STH-correlate” is the conceptual foundation of **metamorphosis**, which means that the compared is viewed as belonging to two classes at a time, with one of them being primary, and the other – secondary; e.g. *This scholar is (as) a musician*. Cf. Russ. *Этот диван*

есть (как) кровать > диван-кровать. Эта царица есть (как) лягушка > Царица-лягушка;

- the similarity schema “STH-compared *is as* SB/STH-correlate” is the conceptual foundation of *analogy*, which here means that the compared has its own class, different from the class of the correlate, but these two classes belong to one and the same conceptual domain; e.g. *This woman is as Mona Lisa* (the domain “Humans”);
- the likeness schema “SB/STH *is as if* (like) SB/STH” is the conceptual foundation of *metaphor*, which means that the compared has its own class, different from the class of the correlate, and these two classes belong to different conceptual domains; e.g. *This man is as if (like) a frog > a frog-like man > a frogman* (the domains “Humans” and “Animals”).

The five basic frames integrate into the conceptual network that combines all propositional schemas within a coherent whole (Figure 2) retained in the mind as a set of instruments for processing information about things. The schemas, limited in number, may serve as a tool for creating unlimited configurations of conceptual networks, which structure semantic spaces of various linguistic units. The semantic space of a thesaurus dictionary is one of such cases.

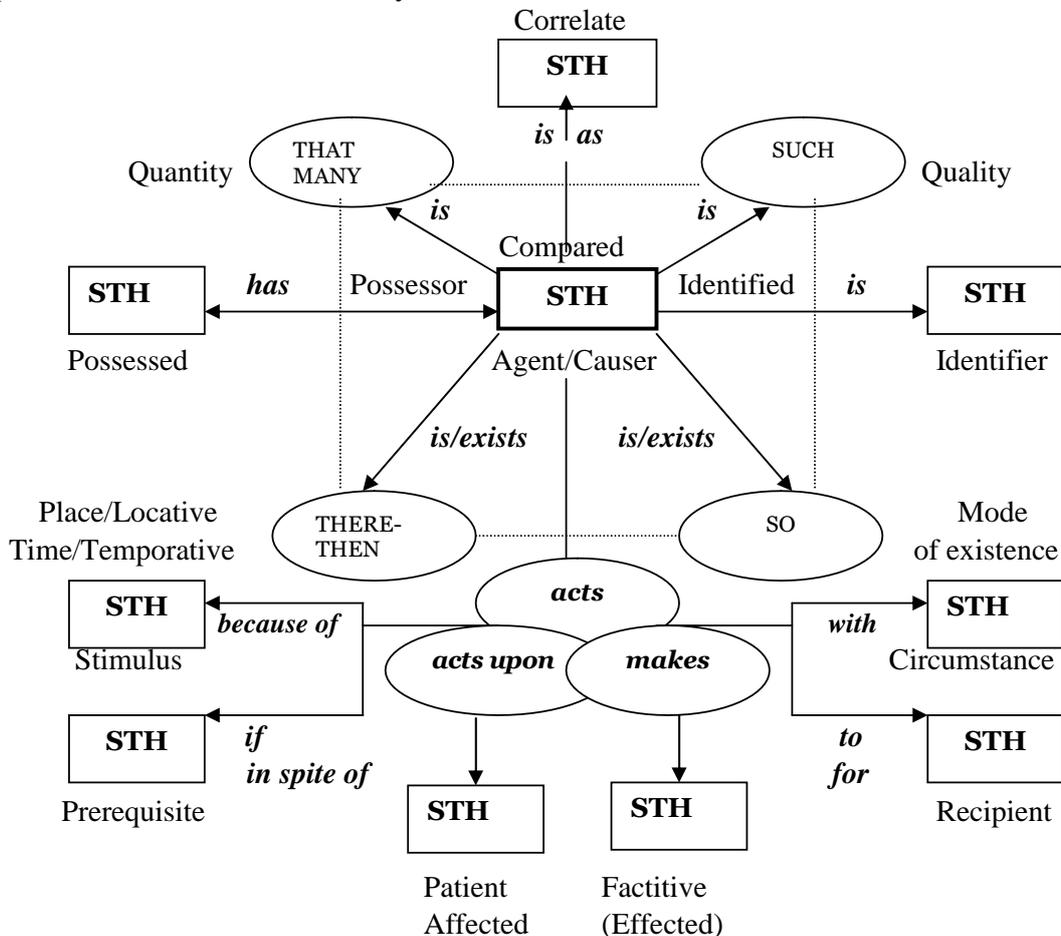

Figure 2. Integration of the basic frames

Briefly, the ontology of a thesaurus dictionary is a multi-dimensional conceptual model, where each dimension has its network built by propositions of the basic frames. The types of propositions and their number required at each dimension depend on the particular content of the semantic field on which a thesaurus grounds. Propositions of the basic frames and their clusters iterate at different levels of a multi-dimensional conceptual model, and thus exhibit the properties of fractals defined by mathematics as irregular shapes that tend to be identical at all scales. A fractal is “an infinitely self-similar figure” [Mandelbrot 1977]. Now, let us see how propositions of the basic frames may be adopted for building conceptual models, or ontologies, of thesaurus dictionaries.

4. Application of the methodology

At present, a group of scholars from Cherkasy National University (Cherkasy, Ukraine) works on developing multi-dimensional ontologies for bilingual and multilingual thesauruses of different nature. Among them are thesauruses of particular parts of speech, a thesaurus of English idioms, and thesauruses of set expressions applied in professional spheres. Below, I will show application of the discussed methodology in *An English-Ukrainian-Russian Thesaurus of Academic Clichés* intended for researchers in various fields. The data are borrowed from the work [Бровченко 2005].

An English-Ukrainian-Russian Thesaurus of Academic Clichés comprises over 5,000 units obtained from authentic texts in English. Scholarly clichés refer to the SCHOLARLY RESEARCH conceptual sphere, which includes 13 domains: <Problem>, <Topic>, <Scholarly field>, <Hypothesis>, <Research>, <Data>, <Objective>, <Methodology>, <Evidence>, <Conclusions>, <Discussion>, <Theory>, <Text>. The <Scholar> domain is represented in clichés indirectly, via its relations with the other domains. Within the conceptual sphere (Dimension-1), all these domains are linked in the conceptual network built by propositional schemas of the Thing Frame (1 locative schema), the Action Frame (4 contact schemas and 3 causative schemas), and the Possession Frame (1 part-whole schema, and 1 inclusion schema):

- contact schema¹: SB-agent (*scholar*) acts upon (*realizes*) STH-patient (*problem*);
- part-whole schema: STH-whole (*problem*) has STH-part (*topic*);
- locative schema: STH (*problem*) is THERE-place (*field*);
- causative schema¹: SB-causer (*scholar*) makes (*formulates*) STH-factitive (*hypothesis*);
- contact schema²: SB-agent (*scholar*) acts upon (*studies / a study*) STH-patient (*data*) because of STH-goal (*goal*) with STH-instrument (*methodology*);
- contact schema³: SB-agent (*scholar*) acts upon (*obtains*) STH-patient (*evidence*);
- causative schema²: SB-causer (*scholar*) makes (*formulates*) STH-factitive (*conclusions*);
- contact schema⁴: SB-agent (*scholar*) acts upon (*discusses / a discussion*) STH-patient (*conclusions*);

- causative schema³: SB-causer (*scholar*) makes (*creates*) STH-factive (*theory*);
  - inclusion schema: STH-content (*theory*) has STH-container (*text*).
- The network of domains within the conceptual sphere SCHOLARLY RESEARCH is represented in Figure 3.

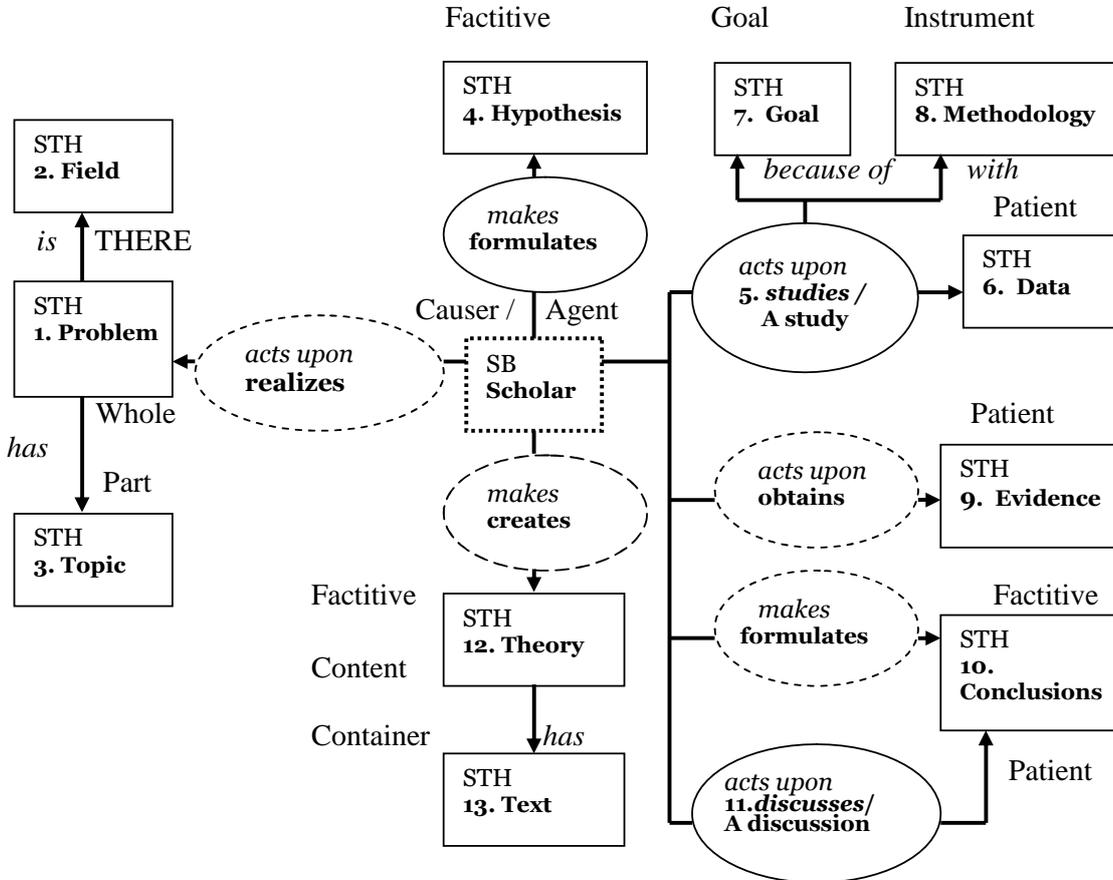

Figure 3. Dimension-1: Network of the conceptual sphere SCHOLARLY RESEARCH

The networks that link parcels within the domains (Dimension-2) of the conceptual sphere are typically structured by iterated propositions of the Identification and Possession Frames. Let us consider as an example the domain <Theory>, whose network includes propositional schemas of the Identification Frame (1 classification schema) and the Possession Frame (6 part-whole schemas):

- classification schema: STH-identified (**tradition**) is STH-clasifier (**theory**);
- part-whole schema¹: STH-whole (**paradigm**) has STH-part (**theory**);
- part-whole schema²: STH-whole (**worldview**) has STH-part (**paradigm**);
- part-whole schema³: STH-whole (**theory**) has STH-part (**program**);
- part-whole schema⁴: STH-whole (**theory**) has STH-part (**model**);
- part-whole schema⁵: STH-whole (**theory**) has STH-part (**account**);
- part-whole schema⁶: STH-whole (**theory**) has STH-part (**concept/idea**).

The network of parcels within the <Theory> conceptual domain is represented in Figure 4.

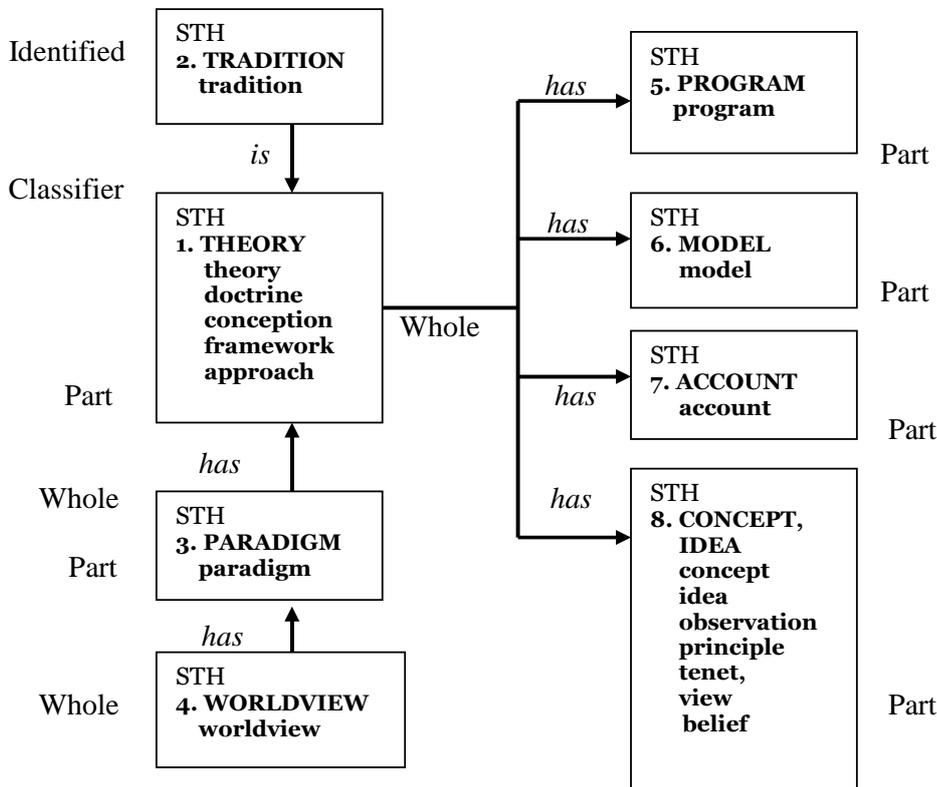

Figure 4. Dimension-2: Network of the conceptual domain <Theory>

In the <Theory> domain, each parcel includes linguistically represented entities. For example, the parcel **Concept/Idea** has the entities *concept*, *idea*, *observation*, *principle*, *tenet*, *view*, and *belief*. The respective words are used in noun-, verb-, and propositional phrases that function as scholarly clichés and denote an entry with its properties. The latter link in the network which integrates propositions of the Thing Frame (qualitative and locative schemas), the Possession Frame (part-whole and inclusion schemas), and the Action Frame (state/process, contact, and causation schemas):

- qualitative schema: STH-X (*concept*) is SUCH-quality (*natural, basic, etc.*);
- locative schema: STH-Y is THERE-place/STH-X (*within the reach of the concept*);
- part-whole schema: STH-whole (*concept*) has STH-part (*overtone*);
- inclusion schema: STH-content (*concept*) has STH-container (*realm*);
- state/process schema: STH-agent (*concept*) acts (*arises*);
- contact schema¹: STH-agent (*concept*) acts upon (*holds together / strengthens*) STH-patient/affected;
- causation schema¹: STH-agent (*concept*) makes (*yields*) STH-factitive;

- contact schema²: SB-agent (*scholar, science*) acts upon (*accepts/destroys*) STH-patient/affected (*concept*);
- causation schema²: SB-agent (*science*) makes (*articulates*) STH-factive (*concept*).

The network of properties (Figure 5) structures the meaning of any entity represented in a parcel, defines the types of associations evoked by this entity, and reflects (through the propositional schemas) the syntactic structures that denote the entity together with its property.

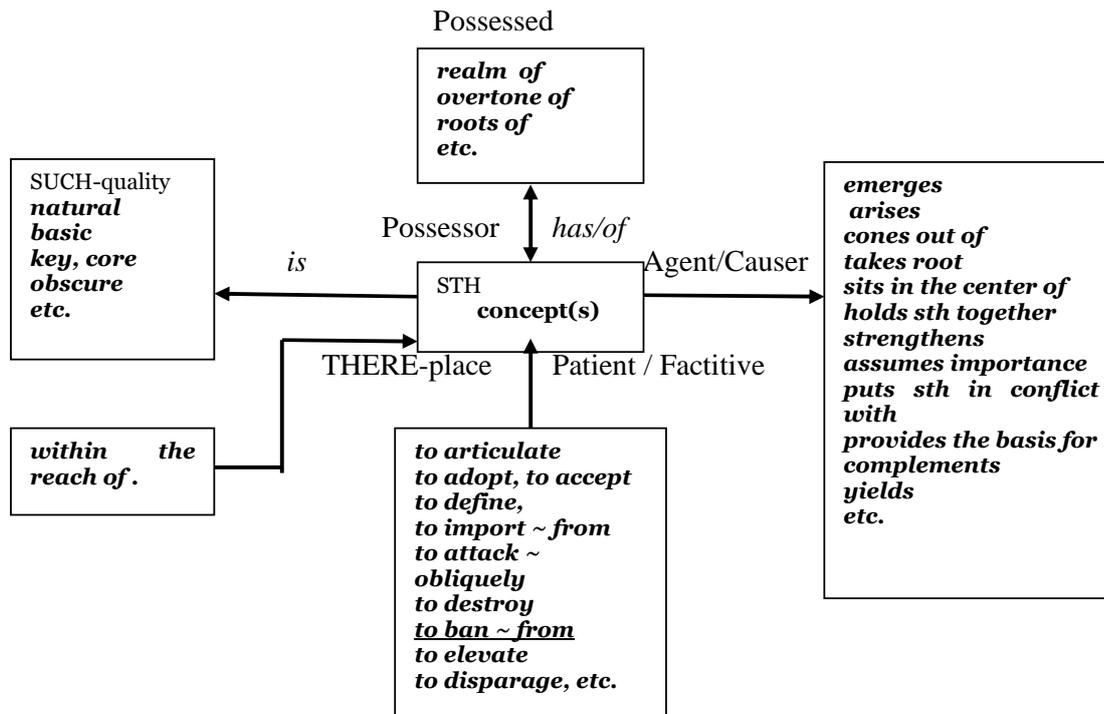

Figure 5. Dimension 3 – Network of properties exhibited by units of the thesaurus dictionary

Finally, the thesaurus provides translation of a cliché from English into Ukrainian and Russian. The use of a cliché is illustrated with a sample from an authentic scholarly (linguistic) text in English. For example:

to ban ~ from /укр./ виключати поняття з; /рус./ исключать по-нятие из: *Quine argued that the general concept of a set should be banned from formal languages used in responsible philosophical discussion (Lakoff 1987, 208).*

Methodological findings presented in this study are also applicable in creating ontologies for thesauruses of various data¹. Hopefully, this methodology is feasible

enough to serve as a tool for building well-founded and more precise conceptual foundations for ideographic stratification of linguistic expressions.

5. Some theoretical implications

Contemporary information technologies, along with emphasizing the role of ontologies for organizing the data, come up with the idea of “hyperbolic self-organizing maps”. The author of this idea, H. Ritter [Ritter 2004], says that human attention can link a focused item with the items from a “conceptual neighborhood” that is much richer than a two-dimensional Euclidean surrounding. Hyperbolic space with its exponential growth neighborhood volume can provide a much better approximation to this structure and thus should offer a better substrate for creating visual “concept maps” of data of various kinds. Self-organizing maps can be created on regular discretization of the hyperbolic plane. Hyperbolic Self-Organizing Maps (HSOMs) can develop conceptually ordered document maps that combine conceptual clustering, good visualization and ease of browsing in a very appealing way.

However, representation of exponential growth of a hyperbolic conceptual space requires some methodological instrument that demonstrates regular (algorithmic) discretization of information, and provides its conceptually ordered granulation represented in conceptual clusters [see Жаботинская 2009b]. Presumably, in a hyperbolic conceptual space, the exponential growth of the neighborhood data volume can be manifested with the hierarchy of conceptual domains; and regular, algorithmic discretization and granulation of information can employ a limited set of propositional schemas that belong to the five basic frames.

NOTES

¹ Information in a thesaurus may be arranged on the basis of a network or a matrix **model**. R. Langacker defines a conceptual **matrix** as an open-ended set of cognitive domains invoked by a linguistic expression. In a complex matrix, the domains overlap with one another, often to the extent of full inclusion [Langacker 2008: 47], which is shown diagrammatically in Figure 6 below.

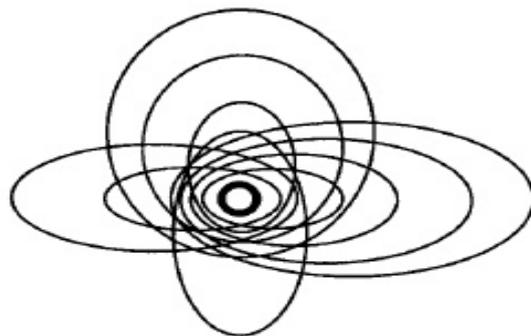

Figure 6. A complex conceptual matrix [Langacker 2008: 48]

A matrix model, unlike a network model, does not show links between the domains (see in detail [Жаботинская 2009]). A network model fits a thesaurus for particular data, while a matrix model fits a thesaurus, where the data concerns our general knowledge about the world (cf. Roget's and the like thesauruses). A network model may be integrated into the matrix model at the levels, where the information becomes more specific. This integration makes stratification of information more precise, and, respectively, provides a better precision in arranging the linguistic expressions.

REFERENCES

1. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Баранов О.С. – Режим доступа : <http://www.rifmovnik.ru/thesaurus.htm>.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / Бондарко А.В. – Л. : Наука, 1983. – 206 с.
3. Бровченко И.В. Концептуальные основы словаря-тезауруса метафоризированных клише англоязычного научного текста / И.В. Бровченко // Вісник Херсонського державного університету. – 2005. – Вип. 2. – С. 76–85.
4. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке / Вердиева З.Н. – М. : Высшая школа, 1986. – 115 с.
5. Воинов А.В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области / А.В.Воинов, Т.А. Гаврилова // Третья междунар. конф. по когнитивной науке, Москва, 20-25 июня 2008 г. : тезисы докл. – Том 1. – М., 2008. – С. 566-567.
6. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 194 с.
7. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка / Жаботинская С.А. – М. : Институт языкознания РАН, 1992. – 216 с.
8. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А.Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3-17.
9. Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети / С.А. Жаботинская // *Slovo z perspektywy jezykoznawcy s tlumacza*. – Gdansk, 2005. – P. 53-62.
10. Жаботинская С.А. Концептуальная модель словаря-тезауруса и гиперболические самоорганизующиеся карты / С.А. Жаботинская // Вторая международная конференция по когнитивной науке, Санкт-Петербург, 9-13 июня 2006 г. : тезисы докл. – Том 1. – СПб, 2006. – С. 272-273.

11. Жаботинская С.А. Ономазиологические модели и событийные схемы / С.А. Жаботинская // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2009а. – № 837. – С. 3-14.
12. Жаботинская С.А. Концепт/домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009б. – № 168. – Т. 1. – С. 254-259.
13. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Капра Ф.; пер. с англ. под ред. В.Г. Трилиса. – М. : ИД “Гелиос”, 2002. – 336 с.
14. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Караулов Ю.Н. – М. : Наука, 1976. – 356 с.
15. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Караулов Ю.Н. – М. : ИЯ РАН, 1999. – 189 с.
16. Кубрякова Е.С. Ономазиология / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 345-346.
17. Кузнецов А.М. Поле / А.М. Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 380-381.
18. Ламб С.М. С какими данными работает нейрокогнитивная лингвистика / С.М. Ламб ; пер. с англ. Н.Р.Бухарева // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук. – М., 2008. – С. 180-201.
19. Морковкин В.В. Идеографические словари / Морковкин В.В. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 71 с.
20. Скороходько Э.Ф. Семантические сети и автоматическая обработка текста / Скороходько Э.Ф. – К. : Наукова думка, 1983. – 218 с.
21. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Степанов Ю.С. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
22. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы / Уфимцева А.А. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 287 с.
23. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Щур Г.С. – М. : Наука, 1974. – 254 с.
24. Bennett B. Formal ontology in information systems / B. Bennett, C. Fellbaum // The Fourth International Conference on Formal Ontology and Information Systems FOIS-2006, Baltimore, the USA, 9-11 November, 2006 : Proceedings. – Baltimore, 2006. – P. 3-6.
25. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – № 10-1. – С. 1-31.
26. Collins concise dictionary and thesaurus / [publishing manager D. Fdams]. – 7th edition. – Wrotham, England : HarperCollins Publishers, 2001. – xii, 1139 p.
27. Crystal D. An encyclopedic dictionary of language and languages. – 2nd edition / Crystal D. – Lnd : Penguin Books, 1994. – 428 p.

28. Dirven R. Cognitive exploration of language and linguistics / R. Dirven & M. Verspoor. – Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. – xiii, 300 p.
29. Faber P.B. Constructing a lexicon of English verbs / P.B. Faber, R.M. Uson. – Berlin – New York : Walter de Gruyter, 1999. – xxi, 350 p.
30. Fillmore Ch. J. The case for case / Ch. J. Fillmore // Universals in linguistic theory. – New York, 1968. – P. 1-88.
31. Fillmore, Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. Seoul, 1982. – P. 111–137.
32. Goldberg, A. E. Constructions: A construction grammar approach to argument structure / Goldberg A. E. – Chicago & London : The University of Chicago Press, 1995. – xi, 265 p.
33. Guarino T. Formal ontologies and information systems / T. Guarino // The First International Conference on Formal Ontology and Information Systems FOIS-98, Trento, Italy, 6-8 June 1998 : Proceedings. – Amsterdam, 1998. – P. 3-15.
34. Laird C. G. Webster's New World Thesaurus / Laird C. G. – New York: A Meridian Book, 1975. – x, 678 p.
35. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites / Langacker R.W. – Stanford, CA : Stanford University Press, 1987. – xi, 516 p.
36. Langacker R.W. Cognitive grammar. A basic introduction / Langacker, R.W. – New York : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
37. Mandelbrot B. B. The fractal geometry of nature / Mandelbrot B.B. – San Francisco : W.H. Freeman & Co, 1977. – 468 p.
38. Ritter H. Hyperbolic self-organizing maps: Matching data displays to human attention / H. Ritter // Первая российская конференция по когнитивной науке, Казань, 9-12 октября 2004 г. : тезисы докл. – Казань, 2004. – С. 299.
39. Scragg G. Semantic nets as memory models / G. Scragg // Computational semantics. – Amsterdam et al., 1978. – P. 101–128.
40. Zhabotynska S.A. Shorts, breeches, and bloomers: Plurality in blends / S.A. Zhabotynska // The way we think. Odense working papers in language and communication. – Odense, Denmark, 2002. – P. 127-142.
41. Zhabotynska S.A. Constructions and their interplay: Possessive “of” / S.A.Zhabotynska // The 7th International Conference “Text processing and cognitive technologies”, Varna, Bulgaria, 4-11 September, 2004 : Proceedings. – Moscow, 2004. – P. 35-44.
42. Zhabotynska, S.A. Conceptual networks and the phenomenon of polysemy / S.A.Zhabotynska // The 10th International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics”, Becici, Montenegro, 6-13 September, 2008 : Proceedings. – V. 2. – Kazan, 2008. – P. 18-32.

УДК 811.111'42

**ОПЫТ МОДУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
(на примере концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ,
актуализированного в англоязычном газетном дискурсе)
А.П. Мартынюк (Харьков, Украина)**

А.П. Мартынюк. Опыт модусного моделирования концепта (на примере концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ, актуализированного в англоязычном газетном дискурсе). В статье концепт CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ определяется как дискретная ментальная единица, существующая в виде гештальтной структуры взаимосвязанных операционных модусов, интегрирующих когнитивное и прагматическое содержание и проявляющихся в таких ипостасях концепта, как логическое понятие, обыденное понятие, стереотипное представление, образ-метафора и образ-символ. Результаты анализа свидетельствуют в пользу деятельностного толкования концепта как наполнения языковой формы смыслом в процессе дискурсивного взаимодействия.

Ключевые слова: концепт, модусы концепта, логическое и обыденное понятия, стереотипное представление, образ-метафора, образ-символ.

А.П. Мартынюк. Спроба модусного моделювання концепту (на прикладі концепту CELEBRITY/ЗНАМЕНИТІСТЬ, актуалізованого в англomовному газетному дискурсі). У статті концепт CELEBRITY/ЗНАМЕНИТІСТЬ визначається як дискретна ментальна одиниця, що існує у вигляді гештальтної структури взаємопов'язаних операційних модусів, які інтегрують когнітивний та прагматичний зміст і проявляються в таких іпостасях концепту, як логічне поняття, повсякденне поняття, стереотипне уявлення, образ-метафора і образ-символ. Результати аналізу свідчать на користь діяльнісного тлумачення концепту як наповнення мовної форми змістом у процесі дискурсивної взаємодії.

Ключові слова: концепт ЗНАМЕНИТІСТЬ, модуси концепту, логічне та повсякденне поняття, стереотипне уявлення, метафоричний образ, символ.

A.P. Martynyuk. A case of the modus modelling of a concept (based on the concept CELEBRITY, actualised in modern English newspaper discourse). In this article the concept CELEBRITY is viewed as a discrete mental unit existing as a gestalt structure of interrelated modi which integrate cognitive and pragmatic content and are embodied in such forms of the concept as logical notion, commonsense notion, stereotype, metaphoric and symbolic images. The results achieved prove the activity-based

understanding of the concept as filling a language form with meaning in the process of discursive interaction.

Key words: the concept CELEBRITY, the modi of the concept, logical and commonsense notion, stereotype, metaphoric and symbolic images.

Несмотря на многочисленные исследования, позволяющие говорить об оформлении концептологии как отдельной отрасли современной когнитивной лингвистики, **актуальная** проблематика сущностной природы и структуры концепта, как и методов его лингвистического анализа, всё еще не находит однозначного решения.

Цель данной статьи состоит в описании опыта анализа концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ на базе модусной модели М.В. Никитина, представляющейся наиболее действенной из всех существующих [Никитин 1996; Никитин 2003]; (см. также опыт применения и развития модусной модели для установления лингвистических аспектов ЛЖИ как когнитивно-коммуникативного образования [Морозова 2008]).

В рамках модусной модели концепт рассматривается как дискретная содержательная единица сознания гештальтной структуры, обусловленной вероятностной природой мира, который она отражает / конструирует, и многогранностью функций обеспечения жизнедеятельности человека. Эти функции (систематизация, классификация / категоризация, идентификация, структурирование и т.д. – их полный перечень еще не установлен) обуславливают образование структурных частей концепта – операционных модусов или ипостасей. В содержательной структуре каждого модуса присутствует как когнитивная (описание мира и “населяющих” его сущностей), так и прагматическая (их оценка и эмотивное переживание) информация [Никитин 2003: 173-174].

Подобно двуликтому Янусу, концепт одной стороной обращен к миру, который он отражает / конструирует, а другой – к языку и знакам, которые его выражают и называют. Обращенный к языку, концепт предстает как значение (денотат и сигнификат), а обращенный к миру, – как понятие и представление, составляющие его граничные ипостаси [Никитин 2003: 175], а также образ, символ, прототип и стереотип [Никитин 2003: 188].

В основе структурного строения концепта, предложенного М.В.Никитиным, лежит антиномия “общее – единичное”. Эта антиномия воплощается, прежде всего, в понятии и представлении, где первое абстрагируется от оценки, репрезентируя максимально отвлеченное общее знание, – мысль о классе (как реально существующем, так сконструированном сознанием) в отвлечении от его представителей, а также мысль о признаке (свойстве или отношении) в отвлечении от его носителей, а второе, наоборот, тяготеет к оценке и ее эмотивному переживанию, поскольку репрезентирует мысль о единичном во всей конкретности и полноте его признаков.

Особую роль в модусной модели играет образ, который занимает срединную позицию между логическим понятием и обыденным понятием

(представлением), обеспечивая движение мысли от единичного к общему и, наоборот, от общего к единичному. Как составная часть глобальной структуры концепта образ привязывает понятие к чувственно воспринимаемой конкретности, наглядности мира и вместе с тем преобразует конкретные параметры ощущений в конкретно-обобщенную мыслительную форму, промежуточную на пути к абстрактно-отвлеченной форме логического понятия [Никитин 2003: 190].

Именно образ перебрасывает мостик между логическим (научным) понятием как знанием о денотате, максимально абстрагированным от многообразия его конкретных референтных проявлений, и обыденным понятием, приближающемся к представлению как многообразию конкретных чувственно воспринимаемых признаков референта.

Функция логического понятия состоит в систематизации конститутивных признаков познаваемой сущности. Формирование логического понятия, приближающегося к научному определению, есть результатом целенаправленной когнитивной деятельности субъекта познания. На языковом уровне логическое понятие устанавливается путем когнитивно-семасиологической интерпретации семантических свойств имени концепта в абстрактных типовых контекстах, зафиксированных в словарях и отражающих обобщенный социокультурный опыт [Морозова 2008: 15]. Недаром в лингвистическом плане логическое понятие является, пожалуй, наиболее изученной ипостасью любого концепта. Ведь концептуальный анализ всегда начинается с дефинитивного.

Так, логическое понятие концепта *CELEBRITY* / **ЗНАМЕНИТОСТЬ**, имя которого, лексема *celerity*, предстает в абстрактном (знаменитость как явление социокультурной действительности) и конкретном (знаменитость как конкретный индивид) вариантах, включает базовый онтологический признак “состояние”, дифференцирующий онтологический признак “пребывание в центре публичного внимания”, а также аксиологические признаки – позитивную / негативную оценки данного состояния [Кукушкин 2010: 58-60].

Представляется, что, в отличие от логического понятия, функции остальных ипостасей концепта не сопряжены с сознательным целенаправленным когнитивным усилием субъекта познания. Эти функции, при всем их различии (обыденное понятие, образ-прототип и образ-стереотип служат идентификации, классификации / категоризации познаваемой сущности; метафорический образ – прояснению абстрактной сущности через уподобление её данному в перцептивном опыте; образ-символ – мифологизации сущности в парадигме культуры), выполняются большей частью неосознанно. Они есть способом и условием жизнедеятельности субъекта познания как биологического и социального организма.

Как следствие, логическое понятие является единственной ипостасью концепта, выявляемой в ходе анализа дефиниций. Все остальные его ипостаси (обыденное понятие, стереотип, прототип, метафорический образ, символ)

могут быть установлены только на основе изучения дискурсивных реализаций его имени (дериватов). Причем, если для выявления метафорического образа чаще всего достаточно анализа синтагматических связей имени, то для установления обыденного понятия и стереотипа нужен фрагмент дискурса не меньше высказывания, а для символа – целый текст / серия текстов.

Необходим и инструмент анализа, позволяющий решить эту задачу. В качестве такового предлагается методика когнитивно-дискурсивной интерпретации [Мартинюк 2006: 6], которая позволяет выявить пресуппозиции, лежащее в основании экспликатур и имплицатур дискурса, и ориентирующие на выведение инференций относительно тех или иных признаков концепта (как понятийных, так и ценностных).

Обыденные понятия формируются на основании признаков (далеко не всегда конститутивных, чаще случайных, маргинальных), которые субъект интуитивно связывает с соответствующим классом сущностей. В лингвистическом описании эти признаки можно установить на основе интерпретации дискурсивных реализаций имени (дериватов) исследуемого концепта с помощью предлагаемой методики. Так (примеры статьи заимствованы у [Кукушкин 2010]), в контексте: *It's bought lock, stock and hemline, sending iconic messages through celebrity culture alliances with fashion rags, websites and hyped-up international catwalk productions rivalling Broadway musicals. At its best, fashion releases the "you" hiding inside. But it's unlikely that such a "you" shares DNA with Lagerfeld or McQueen models and merely wearing the clothing takes you no closer to a glamorous life-style, though it might make you as obsessed as the industry itself* (Morning Star) речь идет о том, что культ знаменитости (*celebrity culture*), по сути, подменяет реальные вещи мифическими: человек стремится найти собственное Я через подражание знаменитостям и тем самым теряет себя, поскольку реальные действия, программируемые культом (в данном случае, покупка одежды модных торговых марок), никак не приближают его к заветной цели, а всего лишь вынуждают тратить деньги. На основании пресуппозиций, содержащихся в приведенном контексте, интерпретатор получает инференционное знание о наличии такого телеологического признака обыденного понятия CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ, как “обманность”. Этот признак актуализируется синкретично с негативной утилитарной и этической оценками. Утилитарная оценка имплицуется предикацией *it might make you as obsessed as the industry itself* (это может привести Вас в состояние такой же болезненной зависимости от моды, как и сама модная индустрия), а этическая есть следствием утилитарной и выводится инференционно (насаждение культа, приносящего вред человеку, есть аморальным).

Результаты когнитивно-дискурсивной интерпретации фрагментов англоязычного газетного дискурса, содержащих, соответственно, абстрактное и конкретное имя *celebrity*, позволяют установить содержание обыденных понятий ЗНАМЕНИТОСТЬ-ЯВЛЕНИЕ и ЗНАМЕНИТОСТЬ-ИНДИВИД.

Первое конституируется уточняющими онтологическими признаками “публичность”, “случайность”, “быстротечность”, гносеологическим – “искусственность”, телеологическим – “обманность”, репрезентационным – “гламурность” и нормативным – “эталонность”, а второе – уточняющими онтологическими признаками “публичность”, “гражданская активность”, “влиятельность”, “элитарность”, “следование моде”, “высокая стоимость труда”, а также гносеологическим признаком “искусственность”. Когнитивное содержание признаков мотивирует прагматическое – негативные / реже позитивные оценки: эмоциональную, утилитарную, этическую, телеологическую [Кукушкин 2010: 68, 95-96].

Представляется, что систематизация признаков отраженного или же сконструированного сознанием предмета, реализующаяся в образовании обыденного понятия (представления), является далеко не единственной функцией образа. По М.В. Никитину, в структуре концепта образ класса существует в виде таких ипостасей, как прототип и стереотип (минимизированное типизированное знание, ориентированное на обыденное понятие) [Никитин 2003: 188].

По всей видимости, и прототип, и стереотип как минимизированное и типизированное знание обеспечивают классифицирующую / категоризирующую функции концепта. При этом, прототип есть минимизированным и типизированным знанием, ориентированным на логическое понятие, знанием “данным”, “продемонстрированным” субъекту [Кубрякова 1996: 142], и потому максимально абстрагированным от оценки и ее эмотивного переживания субъектом. В то же время, стереотип есть знанием, сформированным у субъекта лингвокультурным социумом в процессе социализации, результатом и способом толкования действительности в рамках социокультурно детерминированных когнитивных моделей, и потому знанием всегда аксиологически и идеологически маркированным, отражающим субъективный выбор признаков предмета. Соответственно, прототип отталкивается от признаков типичного представителя класса, стремясь отразить его природу, в то время как стереотип – от субъективно отобранных признаков, далеко не обязательно отражающих сущность представителя класса.

Так, содержание стереотипного представления ЗНАМЕНИТОСТЬ-ИНДИВИД, выявленное на основе когнитивно-дискурсивной интерпретации фрагментов англоязычного газетного дискурса, содержащих конкретное существительное *celebrity*, включает такие понятийно-ценностные признаки, как “эксцентричность”, “скандальность”, “стремление к роскоши”, “желание привлечь внимание”, “заносчивость”, “тривиальность”, “чрезмерная яркость в одежде”, “необразованность”, “глупость”, “наркотическая/алкогольная зависимость” [Кукушкин 2010: 105-106].

Еще одна функция образа заключается в прояснении более отстраненного от чувственного опыта концепта средствами другого, более конкретного и освоенного концепта путем метафоризации. При этом интенционал

метафорически осмысляемого концепта проясняется методом моделирования, а моделью служат элементы и структура сенсорно-чувственного образа неконкретного денотата [Никитин 2003: 193].

Абстрактная ипостась концептуального референта ЗНАМЕНИТОСТЬ-ЯВЛЕНИЕ проясняется на основе ряда метафор, устанавливаемых путем анализа синтагматических связей *celebrity*. Наиболее продуктивным базовым концептуальным коррелятом является МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, имеющий целый ряд конкретизаций (результатов процедур расширения, спецификации и комбинирования), находящихся в отношениях родовидовой иерархии. Среди них спецификации ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА → РЖАВЧИНА (*Celebrity culture is corroding*); ПРЕДМЕТ → ТОВАР (*vast quantities of money, we know, will buy celebrity*) / МЕХАНИЗМ (*the mechanics and dynamics of celebrity-creation*) / ГРЯЗНОЕ БЕЛЬЕ (*celebrity can be laundered into political power*); РАСТЕНИЕ (*fast-fading celebrity culture*); ЧЕЛОВЕК (*the death of celebrity culture*); ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА → БОЛЕЗНЬ (*Celebrity at this moment in America is epidemic, and it's spreading fast*), а также продукт спецификации, расширения и комбинирования – ЗНАМЕНИТОСТЬ-ЯВЛЕНИЕ есть РЫБАК, который ЛОВИТ ПУБЛИКУ-РЫБКУ на КРЮЧОК: (*Culture of celebrity that has got up hooked and spending*) [Кукушкин 2010: 120-136].

И, наконец, образ выполняет функцию символизации содержания концепта в том случае, если: 1) для его экспликации необходим контекст; 2) его невозможно толковать буквально (в отличие от чувственно-конкретного образа, символ отсылает к абстрактным смыслам); 3) имеет место ассоциация образа с легендой, мифом, фольклором [Маслова 2007: 99]. Недаром символ определяют как образ знаковой природы или как знак, который мыслится; как образ, где видимое, конкретное, связанное с неким событием, выступает лишь как иероглиф, сигнализирующий о каком-то тайном предмете номинации [Алефиренко 2005: 126].

Символическое содержание концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ конституируется набором ассоциативных смыслов, актуализированных лексемой *celebrity* в целостных текстах, где она функционируют как словесный символ, демонстрируя полисемантическую вследствие раздвоения референта на предмет и идею, а также именами конкретных знаменитостей англоязычных лингвокультурных социумов.

Символические смыслы в структуре концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ тесно связаны с его понятийными и образно-метафорическими признаками. Связи между ними проявляются в пресуппозициях субъекта дискурса, представляющего в двух ролях: НАБЛЮДАТЕЛЯ и КРИТИКА. В роли НАБЛЮДАТЕЛЯ субъект дискурса занимает нейтральную позицию относительно культа знаменитости, описывая ЗНАМЕНИТОСТЬ с позиции ПУБЛИКИ. В роли КРИТИКА субъект дискурса выражает собственную точку зрения, осуществляя позитивную или негативную оценку ЗНАМЕНИТОСТИ [Кукушкин 2010: 176].

Например, в статье, посвященной юбилею журнала “Hello!”, приводится мнение профессора Старфордского университета Эллис Кэшмор, объясняющей успех издания тем, что созданный им мир есть воплощением мечты обывателя о счастливой, успешной жизни, где знаменитости служат ролевыми моделями: *it's almost like an instruction book on how to live a happy and successful life, and that's something people buy it to. It's for people who see celebrities as people to aspire to be like rather than to laugh at, and they just can't get enough of it* (Hello!). В этом случае автор статьи, не высказывающий своей точки зрения, играет роль НАБЛЮДАТЕЛЯ (хотя, по умолчанию, очевидно, он поддерживает Эллис Кэшмор), а Эллис Кэшмор выступает в роли КРИТИКА, давая позитивную оценку воспеваемому журналом культу знаменитости и тем самым способствуя формированию ассоциативного ряда: ЗНАМЕНИТОСТЬ → ВОПЛОЩЕНИЕ МЕЧТЫ / СЧАСТЬЕ / УСПЕХ / БОГАТСТВО / СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.

Автор другой статьи, повествующей о женщине по имени Джейд, которая стала продуктом и жертвой культа знаменитости (ее, бывшую звезду реалити-шоу, пригласили на телепрограмму только для того, чтобы в прямом эфире объявить о том, что она смертельно больна) выступает в роли КРИТИКА. ПУБЛИКУ он уподобляет жестоким примитивным зрителям гладиаторских боев, требующих хлеба и зрелищ, а КАУЗАТОРОВ культа обвиняет в обмане и жестокости, тем самым актуализируя цепочку ассоциаций: ЗНАМЕНИТОСТЬ → ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ / ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРИМИТИВНОСТЬ / ИСКУССТВЕННОСТЬ / ОБМАННОСТЬ.

Различные интерпретации когнитивного и прагматического содержания концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ субъектами англоязычного дискурса оказывают ориентирующее воздействие на интерпретаторов (ПУБЛИКУ), которые конструируют содержание концепта, исходя из собственных ценностных ориентиров. Соответственно, для одной части представителей англоязычных социумов CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ есть символом ДОБРА (в утилитарном смысле), а для другой – ЗЛА (в этическом смысле).

Модусная модель, конкретизированная дискурсивной методикой анализа, используется для изучения и других концептов [Благодарна 2009; Братусь 2009]. Выбор концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ для иллюстрации положений данной статьи объясняется его уникальной структурой, вмещающей практически все известные на сегодняшний день ипостаси концепта.

Главное достоинство предлагаемой методики концептуального анализа заключается в том, что она предоставляет инструментарий для выявления “живых” (не являющихся мета-продуктом) ипостасей концепта в дискурсе и их лингвистического описания, а также для раскрытия роли субъекта дискурса в конструировании смыслов (концептов). Тем самым она способствует решению глобальной задачи антропоцентрически ориентированной лингвистики – выявления присутствия субъекта познания в языковом и дискурсивном пространстве.

Результаты анализа концепта CELEBRITY / ЗНАМЕНИТОСТЬ свидетельствуют в пользу деятельностного толкования концепта как наполнения языковой формы смыслом в процессе интерактивного дискурсивного взаимодействия субъектов – продуцента и интерпретатора, – оказывающих ориентирующее влияние друг на друга.

Перспективы исследования связываем с применением предложенной методики для анализа других концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики / Н.Ф. Алефиренко– М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Благодарна О.М. Об'єктивіація концепту РОБОТА у сучасному британському та американському художньому дискурсі : автореф. дис. на здобуття ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.04 "Германські мови" / О.М. Благодарна. – Харків, 2009. – 20 с.
3. Братусь Т.В. Гендерна специфіка об'єктивіації концепту ЩАСТЯ у сучасному англomовному художньому дискурсі : автореф. дис. на здобуття ступеня кандидата філол. наук : спец. 10.02.04 "Германські мови" / Т.В. Братусь. – Харків, 2009. – 20 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / [сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрат, Л. Г. Лузина]. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
5. Кукушкин В.В. Об'єктивіація концепту ЗНАМЕНИТІСТЬ у сучасному англomовному газетному дискурсі : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / В. В. Кукушкін. – Харків, 2010. – 221 с.
6. Мартинюк А. П. Регулятивна функція гендерно маркованих одиниць мови (на матеріалі сучасного англomовного публіцистичного дискурсу) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 "Германські мови" / А. П. Мартинюк. – К., 2006. – 40 с.
7. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре : [монографія] / В.А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
8. Морозова О. І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 "Германські мови" / О. І. Морозова. – К., 2008. – 32 с.
9. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики : [учеб. пособие] / М.В. Никитин – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
10. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики : [учебное пособие для высш. учеб. заведений] / М.В. Никитин– СПб. : Изд-во РГПУ, 2003. – 277 с.

УДК 811.112

**ДИСКУРСИВНЫЕ АКТЫ:
ПРАГМАСЕМАТИКА И ПРАГМАТИПОЛОГИЯ**

А.Н. Приходько (Запорожье, Украина)

Приходько А.Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология. В статье выдвигается и обосновывается идея дискурсивного акта как одной из важнейших конститутивных единиц речевой деятельности. Анализируя прагмасемантическую специфику дискурсивных актов и сравнивая ее со спецификой речевых актов, автор описывает номенклатуру основных их типов и видов в параметрах "способ использования", "режим использования", "ожидаемые предпочтения для адресанта и/или адресата", "техники семиотической фиксации".

Ключевые слова: дискурсивный акт, речевой акт, прагмасемантика, интеракция, телеология, инициальность, реактивность, вербальная упаковка, перлокутивный эффект.

Приходько А.М. Дискурсивні акти: прагмасемантика та прагматипологія. У статті висунуто й обґрунтовано ідею дискурсивного акта як однієї з найважливіших конститутивних одиниць мовленнєвої діяльності. Аналізуючи прагмасемантичну специфіку дискурсивних актів і порівнюючи її зі специфікою мовленнєвих актів, автор описує номенклатуру їхніх основних типів і видів у параметрах "спосіб використання", "режим використання", "очікувані переваги для адресанта і/або адресата", "техніки семіотичної фіксації".

Ключевые слова: дискурсивний акт, мовленнєвий акт, прагмасемантика, інтеракція, телеологія, ініціальність, реактивність, вербальна упаковка, перлокутивний ефект.

Prykhodko A.M. Discourse acts: pragmasemantics and pragmatypology. In this article the author suggests and grounds the idea of considering the discourse act as one of the most important constitutive unities of speech. Analysing pragmasemantical specification of discourse acts and comparing it with that of speech acts, he describes the nomenclature of their main types and kinds in the range of "the way of usage", "the mode of usage", "expected preferences for the speaker and/or the hearer", "the techniques of semiotic fixation".

Key words: discourse act, speech act, pragmasemantics, interaction, teleology, initialization, reactivity, verbal expression, perlocutionary effect.

1. Введение. Объектом эпистемической рефлексии предлагаемой статьи является феномен "дискурсивный акт" (ДА), противопоставляемый феномену "речевой акт" (РА). **Предметная** область и круг исследовательских задач определяется необходимостью установления интегральных и дифференциальных свойств ДА и РА с последующим фокусированием внимания на прагмасемантических особенностях ДА и системологическим описанием их типов и видов. Теоретико-методологической **основой работы** выступают принципы и постулаты когнитивно-коммуникативной лингвистики, в т.ч. и учения о речевой деятельности.

2. Дискурсивные акты и другие речевые действия. Теория речевой деятельности опирается в своем понимании языка на антропоцентризм, постулирующий идею того, что при наличии соответствующих условий высказывания приравнивается к осуществлению определенных действий. Речь поэтому рассматривается как разновидность человеческой деятельности, как форма поведения, регулируемая определенными правилами, как конвенциализированный способ использования знаков. Л. Витгенштейн писал, что сам по себе знак мертвый, а жизнь в него вдыхает речь [Wittgenstein 1984: 435]. Поскольку движущей силой живого использования знака является целеполагание, именно оно оказывается важнейшей составляющей семантики речевых действий, а точнее – прагмасемантики, исследовательский фокус которой направлен на изучение значений и смыслов под прагматическим углом зрения.

Как содержательная ипостась речевой деятельности, прагмасемантика терминологизирует целеполагание в виде интенциональности или телеологии, которые считаются важнейшей составляющей речевого акта. Несмотря на то, что представление о речевом акте как об основной конститутивной единице речевой деятельности стало аксиоматическим, иногда в лингвистической литературе имеет место его синонимическая подмена термином "коммуникативный акт". И хотя оба они имеют много точек соприкосновения, их отождествление представляется не совсем корректным. Речь идет скорее о родовидовой соотнесенности.

Коммуникативный акт – гиперонимическая единица речемыслительного (взаимо)действия, включающая когнитивный контекст и коммуникативное событие. По существу это когнитивно-коммуникативный акт, способный в своем воплощении опираться и на вербалику, и на паравербалику и охватывать при этом как малоформатные (простые РА, жесты, мимика, молчание), так и широкоформатные речевые события (медиасообщения, текстовые массивы, пантомимику и пр.). Двумя его гипонимическими разновидностями являются речевой и дискурсивный акты.

По сравнению с глубокой научной разработанностью речевых актов теория дискурсивных актов находится в самом начале своего становления. Так,

ни у кого не возникает сомнений в том, что *речевой акт* (РА) – элементарная единица речевой деятельности, являющийся "провозглашением предложения в определенной ситуации с определенной целью" [Кобозева 2000: 258]. Лингвистическая общественность в принципе приняла и типологический "квартет" РА, состоящий из констативов, квеситивов, директивов и комиссивов, иногда правда, дополняемых экспрессивами и метакоммуникативами. Выражая первичные и однозначные прагматические значения, все они суть иллокутивные первоэлементы речевой деятельности. И это со времен Дж. Серля и Дж. Остина не подлежит сомнению.

Дискуссии начинают возникать, когда речь заходит о значениях, выходящих за пределы смыслового диапазона определенной иллокуции. Так, довольно сложно определить прагмасемантическую основу таких речевых действий, как требование, распоряжение, предупреждение, рекомендация, пожелание, заявление, разрешение, запрет и пр., не укладывающихся в отведенные прагматикой рамки первоэлементов, хотя исследователи по инерции часто обозначают их уже занятыми терминами - "речевой акт" (например, РА "намек" [Белозьорова 2007], РА "убеждение" [Кочкарова 1995], РА "оффератив" [Пудровська 2000], РА "совет" [Шеловских 1995]) и "высказывание" ("несогласие [Баскова 1992], "обвинение" [Король 2007], "согласие" [Нейленко 2004], "отказ" [Одарчук 2004; Осовська 2003]).

Большинство же специалистов склонны разводить РА и упомянутые речевые действия по разным понятийным и терминологическим квартирам, называя их "гибридными речевыми актами" [Буренко 2008: 3], "макроречевыми актами" [Маевська 2003], "метакоммуникативными блоками" [Косенко 2008], "репликами" [Баделина 1997; Морозова О.Н. 2000], а иногда и возводя их в ранг "функционально-прагматической категории" [Шеловских 1995: 3] или даже "речевого жанра" [Соловьева 2009: 312]. Подчеркивая определенный и, без сомнения, существенный аспект объекта нашего внимания, все эти номинации, а также ближе всего приближающий к нашему пониманию термин "дискурсема" [Морозова Е.И. 2005], не совсем полно выражают суть стоящего за ним понятия. Представляется, что ее достаточно адекватно отражает термин "дискурсивный акт / discourse act", встретившийся нам у Г. Стина [Steen 2003].

Дискурсивный акт – единица речевого действия, включенная в интеракцию и представляющая собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями. Поскольку прагматический потенциал ДА произведен как от интра-, так и от экстралингвистических факторов, в актуализации их прагмасемантических свойств важную роль играют факторы, включающие в себя такие компоненты ситуации, как коммуниканты, время, место, цели, задачи общения и пр.

Встречающееся в специальной литературе отождествление РА и ДА не случайно потому, что оба они имеют довольно много общих черт. Будучи

конститутивными единицами речевой деятельности, они наделены одинаковой когнитивно-коммуникативной природой, которая позволяет им быть речевыми единицами, специализирующимся на трансфере информации и на регулировании речевого взаимодействия между коммуникантами. Кроме того, используя в интерактивном обмене, они способны выступать как в виде прямых, так и косвенных речевых действий, причем как в инициальном, так и в реактивном режимах общения. И, наконец, рамки их функциональной релевантности определяются двумя этапами – этапом реализации и этапом обработки сообщения (по О.Г. Почепцову [1986: 7]).

Вместе с тем, между РА и ДА имеют место существенные различия. Они касаются локутивной, иллюкутивной и перлокутивной специфики, а также меры, времени протекания, соотношения друг с другом и вербальной аранжировки. Основное же отличие состоит в функциональном предназначении (мера): РА являются минимальной и далее неделимой единицей речевого действия, а ДА – речевым блоком, который в одних случаях может материально совпадать с РА, а в других – вбирать в себя несколько РА, разных по своей прагмасемантической специфике. При совпадении границ РА и ДА единица плана выражения оказывается ошутимо "перегруженной" единицами плана содержания.

В анализируемых речевых единицах по-разному устроено и целеполагание: если цель у РА представляется довольно однозначной, то у ДА она может быть диффузной, иногда скрытой, а иногда и пересекаться с другими целями. Нередко ДА ставит перед собой несколько целей и решает несколько речемыслительных задач. Соответственно, и перлокутивный эффект оказывается у ДА более прогнозируемым и более выпуклым, чем у РА. По этой причине мы оставляем последним традиционную "интенцию", а за ДА закрепляем "телеологию", характеризующую масштабностью и многофункциональностью.

В семиотической реализации РА предпочтение отдается вербальным средствам, а в ДА не менее активно задействуется и паравербалика (жесты, мимика, звуки). Но есть своя специфика и в вербальной аранжировке РА и ДА. Если первые не имеют четкой привязки к каким-либо средствам своей упаковки, то вербальный потенциал вторых коррелирует с прагмасемантическим полем (ПСП) – иерархически организованной системой лексических и грамматических средств, связанных с определенной дискурсивной иллюкуцией. Здесь выделяются доминанта поля (как правило, перформативы), ядро (средства прямой номинации, в т.ч. и устойчивые) и периферия (косвенно номинативные средства). По этой причине РА могут и должны быть "строительным материалом" для дискурсивных актов. В свою очередь, ДА не могут входить в состав речевых актов, но зато некоторые из них они легко смыкаются с малоформатными речевыми жанрами. Например, текстотип "рецепт" коррелирует с ДА "совет", "почетная грамота" – с ДА "благодарность", а "объяснительная записка" – с ДА "оправдание".

Подобно речевым жанрам, проявляющим определенные тактико-стратегические предпочтения, между РА и ДА существуют различия в их

функционировании в том или ином режиме общения. Если первые "состоят" на службе у речевых стратегий и тактик, то вторые сами предпочитают пользоваться их услугами. Так, среди стратегий предпочтительными для ДА являются кооперативность (тактики "вежливость", "корректность", "деликатность" и др.) и конфликтность ("категоричность", "эмоциональность", "тенденциозность" и др.). Обе они могут быть дополнены стратегией аргументирования, а также тональностью – регистром передачи пропозиционального содержания (шутливо, иронично, дружески, официально, презрительно, враждебно, капризно и т.д.

3. Прагматическая таксономия дискурсивных актов. Анализ эмпирического материала позволяет выделить среди ДА единицы гипер- и гипонимического порядка. В частности, речь идет о таких их типах, как офферативы, конформативы, аккузативы, апологетивы и дидактивы. В рамках каждого из них существуют иерархически подчиненные им виды. Следуя этой родовидовой логике, попытаемся дать самую общую характеристику каждому из них по алгоритму "способ использования – режим общения – профитивность (ожидаемые предпочтения для говорящего и адресата) – способы вербализации" (см. табл.1.).

Табл. 1.

Матрица основных алгоритмических признаков дискурсивных актов

Типы ДА	Виды ДА	Способ использования (и – инициальн., р – рактивн.)	Режим общения (кп – кооперативн., кф – конфликтн.)	Выгода / невыгода для говорящего (Г), адресата (А)		Способ выражения (пн – прямая; кн – косвенная номинация)
				бенефактив (польза)	малефактив (ущерб)	
Офферативы	просьба	и	кп	Г		пн / кн
	требование	и	кф / кп	Г		пн / кн
	предложение	и	кп	Г / А		пн / кн
	уговаривание	и	кп	Г / А		кн
Конформативы / неконформативы	согласие	р	кп	Г / А		пн / кн
	одобрение	р	кп	А		пн / кн
	похвала	и / р	кп	А		пн / кн
	несогласие	р	кф		А	пн / кн
	отказ	р	кф		А	пн / кн
	неодобрение	р	кф		А	пн / кн
Аккузативы	обвинение	и / р	кф		А	пн / кн
	осуждение	и / р	кф		А	пн / кн
	претензия	и / р	кф		А	пн / кн
	возмущение	и / р	кф		А	пн / кн
	укор	и / р	кф		А	пн / кн
Апологетивы	оправдание	р	кп	Г		пн / кн
	извинение	р	кп	Г		пн / кн
	покаяние	р	кп	Г		пн / кн
	прощение	р	кп	А		пн / кн

Дидактики	совет	и	кп	А	?А	ПН / КН
	поучение	и	кп	А	?А	КН
	нравоучение	и	кп	А	?А	КН
	намек	и	кп	А	?А	КН

3.1. Офферативные ДА – инициальные речевые действия, используемые говорящим в режиме кооперативного общения с целью мобилизации своего коммуникативного партнера на какие-либо активные действия с пользой для него или для себя самого. Иногда оффератив выступает носителем идеи взаимовыгодного сотрудничества. В любом случае говорящий, стимулируя положительную с его точки зрения реакцию адресата, должен считаться не только с принятием, но и с отклонением оффератива. Типичными видами таких ДА являются просьба, требование, предложение, уговаривание. С учетом критериев "профитивность" и "говорящий (Г) / адресат (А)" возможен определенный набор перлокутивных последствий офферативов: высоковероятные последствия – 1) "бенефактивный результат для Г", 2) "малефактивный результат для А", 3) "бенефактивный результат для обоих участников интеракции"; маловероятные последствия – 4) "бенефактивный результат для А" и 5) "малефактивный результат для Г"; причем схема 6) "малефактивный результат для обоих" исключена вообще.

ДА "просьба" представляет собой обращение говорящего к адресату с целью склонить его к оказанию определенной услуги (любезности, одолжения). Конечная цель просьбы – получение определенной выгоды – реализуется бенефактивным действием в пользу говорящего. Средства выражения просьбы упорядочиваются по принципу ПСП: доминанту образуют перформативные глаголы (рус. *просить, умолять*, англ. *to ask, to beg*, нем. *bitten, flehen*), ядро – лексические синонимы, модальные глаголы и оптативные конструкции; периферийные средства привязаны к ситуации, но при этом предпочтение отдается вопросительному предложению, материально совпадающему с РА-квеситивом (1).

(1) -А кто тебя провожал? Валера или Игорь?

- Ой, ну какая тебе разница, – в голосе Лели раздражение. – Не Валера и не Игорь.

- А кто же?

- Ты все равно не знаешь.

- Так расскажи, тогда узнаю, – настаивала Люба. – Как его зовут, сколько ему лет, чем он занимается. Ты – наша дочь, и нам с папой интересна любая мелочь твоей жизни.

- Это не интерес, а пошлое любопытство, – ответила Леля. – Его зовут Стасик, если для вас это так важно. Ему двадцать четыре года. И он никто. [Маринина 2010:193].

В зависимости от режима общения и используемых стратегий просьбы и требования могут быть категоричными и некатегоричными (деликатными),

прямыми и косвенными, мотивированными и немотивированными, корыстными и бескорыстными. Так, в (1) вопросительно оформленная просьба имеет вид немотивированного и довольно настойчивого вмешательства матери в личную сферу дочери, что изначально вызывает противодействие.

ДА "предложение" является также профитивно ориентированным обращением говорящего к адресату. В отличие от совета с его нацеленностью на одностороннюю выгоду, предложение направлено на взаимовыгодное сотрудничество, поскольку его телеология заключается в получении пользы и для субъекта, и для объекта. Кооперативность предложения состоит в том, что нечто, предлагаемое вниманию, не навязывается адресату, а как бы выносится на обсуждение, рассмотрение, дискуссию. Средства выражения ДА "предложение" организуются также в виде ПСП – доминанты (перформативы рус. *предлагать*, англ. *to offer, suggest, move, propose*; нем. *vorschlagen, anbieten*), ядра (конвенциональные устойчивые выражения) и периферии (неконвенциональные средства, диктуемые ситуацией). В зависимости от способа вербальной упаковки можно различать прямые и косвенные предложения.

Стимулируя реакцию адресата, предложение должно считаться с тем, что оно может быть не только принято, но и отклонено адресатом. Высказанное "в лоб" предложение в (2), лишённое всякой куртуазии и оформленное императивной конструкцией, в ситуации дружеской беседы выглядит не столько неожиданным, сколько нелепым, а его выгода для адресата – сомнительной (не сулит ни пользы, ни вреда). Поэтому его бенефактивный результат как бы нейтрализуется, что, собственно, и стало основанием для отказа.

(2) *-Ох, какая ты! – расхохотался Бегорский. – Томка, у меня к тебе есть предложение.*

Она удивленно приподняла брови.

- Еще одно? Или все то же?

- Еще одно. Выходи за меня замуж.

- Андрюша, нам с тобой по шестьдесят три года. Ну куда нам жениться, а? Курам на смех. И потом, мы столько лет знаем друг друга, что никакой романтизм тут не пройдет. Мы ж с тобой как брат и сестра. [Маринина 2010: 441].

Императивной разновидностью просьбы, не терпящей возражения и не допускающей отклонения, является ДА **"требование"**.

ДА "уговаривание" используется тогда, когда адресат не расположен сразу принимать сообщаемую информацию на веру и действовать в соответствие с этим [Кочкарова 1989: 3]. По этой причине ДА "уговаривание" конструируется с помощью следующих элементов: мотив (движущая сила речемыслительной активности), аргументы (обоснование исходных посылок), техники доказательства и "продавливания" главной телеологической установки. Последняя как раз и направлена на побуждение адресата к определенному

действию с целью получения одно- или двусторонней выгоды. Нередко под прикрытием пользы для собеседника говорящий стремится "протащить" выгодное ему решение. Но зная об этом по опыту, адресат может проявить стойкость или принципиальность, отказав говорящему.

Последнее обстоятельство является причиной того, что уговаривания не способны к перформативному употреблению (рус. *уговаривать*, англ. *to oppres*, нем. *überreden*). Видимо, использование фразы "*Я тебя уговариваю*" обречено на перлокутивный провал. Зато широкое распространение получают глагольные лексемы ядерной зоны (рус. *убеждать, побуждать, подбивать, гарантировать, обещать, заинтересовывать, обязываться*; англ. *to persuade, convince, guarantee, interest, promise, pledge oneself, take upon oneself*; нем. *überzeugen, antreiben, versprechen, zusichern, sich verpflichten, gewährleisten, garantieren* и др.).

В отличие от совета и предложения, описываемых в терминах "прямой – косвенный", уговаривания эксплицитны по определению, но они различаются по тональности, которая делит их на осторожные и настойчивые, наивные и серьезные, капризные и взвешенные. Сфера функционирования ДА "уговаривания" – там, где возникает необходимость морального или материального поощрения, где необходимы мотивация и стимулирование заинтересованности в выполнении адресатом запрашиваемого действия. Так, в отрывке (3) мы имеем дело с обеспокоенным уговариванием дочерью отца, которое натывается на по-стариковски капризный отказ.

(3) *Тамара тут же кинулась измерять отцу давление, и цифры на дисплее ее испугали.*

- *Папа, поспокойнее, пожалуйста, – уговаривала она его. – Нам только инсульта сейчас не хватало. Давай-ка прими вот эту таблетку.*

- *Я не буду пить лекарства! Ты пичкаешь меня таблетками, как будто я инвалид какой-то. Я еще вполне могу терпеть сам, без лекарств.* [Маринина 2010: 348].

Внутри класса офферативов существуют гибридные ДА типа "просьба-предложение", "просьба-приказ", "требование-уговаривание", описанные нами с позиций их оформления сложносочиненной конструкцией [Приходько 2002: 258]. Но их анализ выходит за пределы предметной области настоящей статьи и заслуживает отдельного описания.

Использование офферативов – профитивно ориентированных речевых действий – сопряжено с двумя перспективами: ответом-одолжением (1), несогласием (3) или отказом (2) адресата присоединиться к инициативе говорящего. Тем самым, интерактивный обмен с участием офферативов предполагает не прекращение, а продолжение интеракции с использованием конформативных и нонконформативных ДА, которым нередко предшествует фаза "колебание" или "молчание", необходимые для обдумывания и принятия решения.

3.2. Конформативные и неконформативные ДА представляют собой реактивные речевые действия, используемые и в кооперативном, и в конфликтном режимах общения. Они объединены идеей знания говорящего о пользе или ущербе в случае принятия офферативной инициативы, что позволяет ему реагировать положительным или отрицательным волеизъявлением. Такая реакция может сигнализировать как полное (отказ), так и частичное отклонение оффератива (возражение), что предполагает изменение положения дел путем решительного (согласие, отказ) или тактичного (одобрение, несогласие) речевого действия.

ДА с прагматикой *согласия / несогласия* неоднократно становились объектом лингвистического анализа на материале русского [Баделина 1997; Лукин 2003], английского [Баскова 1992] и немецкого языков [Морозова О.Н. 2000]. Анализ этих и других работ позволяет говорить о том, что прагмасемантическая сущность этих ДА состоит в том, что они возникают и функционируют как реакция языковой личности на предшествующее офферативное действие ее коммуникативного партнера, которое она вольна принять или отклонить. При этом для согласия нет регламентаций относительно типа или характера инициальной реплики. Для отрицательного же волеизъявления они существуют: ДА "несогласие" – это реакция на инициальные речевые действия с эпистемическим значением (мнение, суждение, допущение), а ДА "отказ" – с директивным значением (просьба, предложение, требование, распоряжение).

К ДА "*согласие*" относятся речевые блоки, отражающие положительную реакцию говорящего на пропозициональную составляющую инициальных речевых действий с эпистемическим значением. Их логико-смысловую презумпцию можно отразить формулой "положительное волеизъявление говорящего относительно поступившего в его адрес предложения". В этом смысле говорящий выступает в двух ипостасях – как объект влияния и как субъект будущей активности, исполнитель чужой программы действий.

На фоне скудного набора паравербальных средств (кивание, поклон, рукопожатие) репертуар средств вербальной упаковки согласия является довольно репрезентативным, что достигается за счет органичного взаимодействия единиц прямой и косвенной номинации. Если первые представляют собой ограниченный набор перформативов (рус. *быть согласным, соглашаться*, англ. *to agree*, нем. *einverstanden sein*), то вторые весьма многообразны (ср.: "*Ну ладно*", "*Давай попробуем*", "*Нет возражений*", "*Не проблема*", "*ОК*" и т.д.).

Выступая в речи как часть двучленного интеактивного единства, ДА не есть прагматически гомогенными речевыми единицами: они могут профилироваться в виде частичного согласия, допущения согласия, полного согласия [Нейленко 2004: 1-3], а также разрешения, повиновения, договоренности, признания. Но в целом все их прагматические виды восходят к

двум вариантам, задаваемым временным вектором, который может быть актуальным или проспективным, но ни коим образом не ретроспективным.

Согласие, релевантное для актуального настоящего, суть согласие эпистемическое. Оно связано с принятием или поддержкой чужого мнения, предложения, совета. Проспективно ориентированное согласие акционально по своей природе, ибо связано с добровольным или принудительным решением выполнить какое-либо действие. В диалоге (4) отец соглашается с дочерью настолько неохотно, что его разрешение выглядит не как акт доброй воли, а как вынужденный шаг после цепочки просьб, предложений и отказов.

(4) - *Папа, мама, я хочу сказать тост. Вы мне не наливайте, налейте себе, я скажу, а вы выпьете.*

- *Ну давай хоть глоточек, – попросил отец. – Нехорошо говорить тост и не выпить.*

- *Ты же знаешь, я не пью. Совсем. Ничего не пью, – поморщилась Леля. – Если ты настаиваешь, я себе налью воды в бокал.*

- *Ладно, – вздохнул он, – давай хоть так* [Маринина 2010: 194].

В ДА "согласие" говорящий выступает в двух ипостасях – как объект влияния и как субъект будущей активности, исполнитель чужой программы действий. Независимо от того, эпистемическим или акциональным является согласие, его высшая телеология состоит в установке на консенсусную коммуникацию – заветную цель любого общения: "При согласии и малые дела вырастают в большие, при разногласии и большие распадаются" (Саллюстий [ЭМ 1995: 428]).

ДА "**несогласие**" суть актуальные речевые действия, функционирующие как отрицательные реакции на реплики ментального порядка (мнение, суждение, предположение, допущение), т.е. реплики, сигнализирующие неприятие сделанного собеседником сообщения. В отличие от согласия, здесь реализуется вторая ипостась адресата, так как вопреки ожиданиям прескриптора он избирает другую альтернативу – невыполнение чужой воли.

Прагмасемантическая специфика ДА "**несогласие**" заключается в том, что цель, реализуемая побудительным речевым шагом прескриптора, не объединяет, а разъединяет двух интерактантов: один диктует, второй должен выполнять его волю. Дуга контрадикторного напряжения между оппонентами приводит к колебаниям между необходимостью выполнения и возможностью невыполнения побудительного действия, что отражает, с одной стороны, извечное стремление человеческой природы к покорению себе подобных, а с другой, – к сопротивлению покорению себя другими.

ДА "**отказ**" – это способ противодействия инициальному речевому ходу коммуникативного партнера. Отражая отрицательную реакцию говорящего на директивные речевые действия прескриптора, отказ направлен на совершение психологического контакта, в ходе которого утверждается коммуникативный приоритет говорящего [Одарчук 2004: 15]. ДА "**отказ**" коррелирует со второй ипостасью согласия, т.е. с акциональным, проспективно ориентированным

согласием. Он отклоняет не мнение или точку зрения, а акциональную активность прескриптора, твердо и безальтернативно сообщая о решении, ни в каком виде не поддерживать его офферативные инициативы. Допуская свое использование как в условиях партнерства, так и в условиях иерархических отношений коммуникантов, отказ возможен и в вертикальной, и в горизонтальной плоскостях их социороловой зависимости [Осовська 2003].

Специфическая особенность отказов – избегание перформативов (фраза типа "*Я тебе отказываю*" – довольно редкое явление в речевой практике). Зато средства ядерной зоны, представленные отрицанием, здесь весьма продуктивны, но особенно разнообразны косвенно номинативные средства. Будучи наделенными способностью "подстраиваться" под любую иллокутивную силу, они могут варьировать отказ в широкой амплитуде тактик и стратегий: эксплицитности и имплицитности, мотивированности и немотивированности, деликатности и категоричности, вежливости и невежливости и т.д.

Примером прямого, категоричного, сначала немотивированного, а затем аргументированного отказа является интратекстовый фрагмент (5), в котором фигурирует не деликатное "предложение", а прямолинейные "требование" и "уговаривание". В этом диалоге они, сменяя друг за друга, хоть и отвергаются сходу, но свое дело делают: пропонент соглашается заменить немотивированный отказ-1 на мотивированный отказ-2.

(5) - *Тогда скажи мне про тех мужчин, – потребовал Камень. – Ты же наверняка уже все выяснил.* {требование}

- *Выяснил, – Змей согласно покивал головой.*

- *Ну? – в нетерпении проговорил Камень. – Чего ты тянешь? Говори.* {уговаривание}

- *Не скажу.* {отказ-1}

Камень оторопел. Впервые Змей отказывается рассказывать о том, что увидел.

- *Как это? Почему?*

- *Не скажу – и все. Иначе сериал смотреть будет неинтересно* {отказ-2}

[Маринина 2010: 204].

Для нонконформативов релевантна реакция либо на пропозициональную, либо на интенциональную составляющую инициальной реплики. В первом случае речь идет о ДА "несогласие", в другом – о ДА "отказ". Иногда отказ называют "перлокутивно опасным" речевым действием [Баскова 1992: 7]. И это не случайно. ДА "отказ" в любом своем виде – это весьма действенный способ самоутверждения социодискурсивного авторитета говорящего. Его использование свидетельствует о разных гранях такого самоутверждения – как о положительных (принципиальность, честность, сила характера), так и об отрицательных (норов, вредность, упертость и пр.).

ДА "одобрение" и **"неодобрение"** являются расширением иллокутивного пространства согласия / несогласия с инициальным речевым ходом адресата за

счет "подключения" оценочной составляющей, предполагающей либо позитивную, либо негативную реакцию говорящего на предыдущий речевой шаг коммуникативного партнера. Наиболее распространенное средство их выражения – перформативный глагол "одобряю" (англ. *to approve / disapprove*, нем. *bewilligen*) и его ситуативные синонимы *разрешаю, признаю, позволяю* (англ. *to admit, agree, allow, confess, contract, let, permit*; нем. *anerkennen, gestatten, lassen* [Храмова 2003: 8]). В актах одобрения / неодобрения широко используются существительные, междометия, фразеологизмы и др.

Разновидностью одобрения является "**похвала**" – ДА, направленный на словесное стимулирование (взаимо)выгодных начинаний: "превосходное средство для того, чтобы побуждать людей к похвальным действиям; даже незаслуженная похвала является поощрением" (К. Захарие [ЭМ 1995: 305]).

Дискурсивные акты нон/конформативного типа являются по своей сути интерактивными реакциями не только на офферативы, но и на аккузативы, апологетивы и дидактивы.

3.3. Аккузативные ДА представляют собой конфликтогенные инициальные или реактивные речевые блоки, телеология которых направлена на ликоповреждение собеседника – обвинение его в нарушении чего-либо (морали, традиций, норм), приписывание ему какой-либо провинности, осуждение его поступков, оцениваемых как неправомерные. В этом своем инвариантном обличье аккузативы не способствуют консенсусному общению.

Основной представитель аккузативов – ДА "**обвинение**" с такими разновидностями, как **осуждение, претензия, возмущение, укор**, функциональный диапазон которых охватывает приватную и официальную сферы. В зависимости от этого они могут верифицироваться как прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные, симметрические и асимметрические, контактные и дистантные, моно- и полиадресатные [Король 2007: 13]. При этом доминирующим вариантом является симметрическое, контактное, моноадресатное, инициальное обвинение (ср. (6), в котором муж обвиняет жену).

(6) - *Почему так долго? – капризно спросил муж, когда Люба вошла в гостиную, где он, устроившись в мягком глубоком кресле, читал газеты.*

- *Пробки, Родинька, – виновато ответила Люба. – Ты же знаешь. Сейчас я тебя накормлю.*

- *Я не понимаю, почему с этими мастерами и дизайнерами нельзя встречаться в выходные, когда дороги свободны? – раздраженно проговорил он. – Ты постоянно едешь туда среди недели, тебя никогда нет дома. Я голоден, я устал, могу я хотя бы дома не заниматься проблемами?* [Маринина 2010: 428].

ДА "обвинение" избегает не только перформативов (ситуация "Я тебя обвиняю" маловероятна), но и средств, относящихся к ядерным компонентам соответствующего поля. По большей части они используют арсенал косвенно номинативных единиц с отрицательной аксиологией, а также единиц, негативно

коннотируемых в контексте. При этом на выбор средств упаковки ДА "обвинение" существенное влияние оказывают такие факторы, как статусно-ролевые отношения (симметрические / асимметрические), ситуация общения (официально-деловая, дружественная, фамильярная), а также возраст и гендер. Это хорошо видно в пассаже (6), где капризное брюзжание, акцентированное повторение риторического *Почему?*, раздраженное взывание к мнимому когнитивному диссонансу (*Я не понимаю*) и пр. методично бьют в одну перлокутивную точку – возбуждение чувства вины у собеседника.

"Истина и правда" – слова, написанные на знаменах аккузативов. Они используются, когда возникает необходимость в развенчании пороков, выведении на чистую воду лгунов и плутов, низвержении зарвавшихся авторитетов. Все их виды – обвинение, осуждение, претензия, возмущение, укор – характеризуются гомогенной прагмасемантикой: способностью к своему использованию и в инициальном, и в реактивном режимах, конфликтогенностью, малефактивностью для адресата и не всегда располагающей к консенсусу тональностью.

3.4. Апологетные ДА являются зеркальной проекцией аккузативных. Они представляют собой реактивные речевые действия, направленные на нейтрализацию ликоповреждающего действия предшествующих им по времени аккузативов (ср. (6): *Пробки, Родинька. – Ты же знаешь*). Телеология апологетивов сопряжена с катарсисом – эмоциональной реакцией говорящего, профилируемой как освобождение от чувства вины ("очищение совести говорящего" [Корольов 2009: 196]). Эта реакция направлена на восстановление нарушенной кооперативности общения или пошатнувшихся отношений: упреждение обвинений, снятие вины, объяснение причин неправомерного поступка.

Апологетные ДА состоят как бы из двух когнитивно-коммуникативных пластов: 1) признание / непризнание говорящим своей или чужой вины, 2) апеллирование к рациональной сфере адресата с целью просветить его об истинной подоплеке поступка, оказавшегося в итоге проступком. При этом сигналы, исходящие от обоих пластов, могут быть и прямыми, и косвенными. Последние довольно часто строятся на основе пресуппозиции (вина "фонит"), особенно когда говорящий в силу различных причин не решается озвучить вину.

ДА "оправдание" – "довод, которым можно оправдать, объяснить, извинить что-нибудь" [Ожегов 1986: 390] или доказать свою невиновность и правоту. Считается, что, наделяя оправдывающегося положительной или, по крайней мере, не отрицательной оценкой, оно как бы поддерживает правильность определенного положения вещей [Klein 1987: 19]. ДА оправдания конституируются двумя типами – экстра- и интровертивными.

Экстравертивные оправдания суть оправдание третьих лиц. Оно вызывается некорректной, с точки зрения говорящего, оценкой собеседником объектов обсуждения, что провоцирует отрицание сказанного, несогласие с

чужой точкой зрения, возражение. Для этой цели говорящий использует весь арсенал имеющихся в его распоряжении тактико-стратегических средств: перемежение различных тактик, перепады тональности, нарочитая аргументация и т.д. Так, обвинение друга во всех смертных грехах (7) вызывает у пропонента чувство жалости и обиды за него. Не отвергая обвинений по существу и даже частично с ними соглашаясь, он находит возможность оправдать друга компенсаторным способом, т.е. отыскивая в нем массу других достоинств.

(7) -Просто жаль, что Родислав стал таким противным, что ли. Даже слово не могу подобрать. Столько лет мы вместе с ним прожили, и я видел, что он слабый, не любит напряжения, не любит быть неправым, трусоват, но в целом-то он был приличным человеком, не подлым, не жадным, зла никому не хотел. А теперь вон что из него получилось.

Ворону стало жаль друга, и он принялся искать аргументы в оправдание Родислава.

- Но он же не стал подлым, и жадным не стал, и по-прежнему никому не хочет зла, – заговорил он убежденно. – Он как был приличным, так и остался, это никуда не делось. Ты так уж сильно не переживай, он все-таки ничего, хороший. Денису вон квартиру покупать собрался... [Маринина 2010: 390].

Смысловой канвой интровертивного оправдания является самооправдание. Говорящий выстраивает такую его тактико-стратегическую линию, которая колеблется в пределах от исключительно вежливых до крайне категоричных утверждений. В отличие от других апологетивов, самооправдания не связаны с какими-либо специализированными средствами экспликации. Особенно противопоказаны им перформативы: сказать "Я оправдываю себя" тождественно перлокутивному провалу. По этой причине ДА оправдания предпочитают косвенно номинативные средства, как в (8).

(8) Люба опустила сумки на пол и тяжело вздохнула.

- Зачем же ты его впустила?

- Но я не знала, что это он, я думала, что это Леля пришла.

- А в глазок посмотреть? Я ведь сколько раз тебя предупреждала: смотри в глазок, прежде чем открывать дверь.

- Я забыла, – едва слышно прошептала Лариса. – Простите меня, тетя Люба, я совсем забыла про глазок, я не думала, что у него хватит наглости к нам припереться. Что мне теперь делать? [Маринина 2010: 49].

Основная цель любого оправдания состоит в том, чтобы склонить адресата к пониманию и, стало быть, к прощению. Но расхожий стереотип "понять – значит простить" может оказаться не всегда действенным. В случае, если говорящий ощущает малоэффективность своей оправдательной интенции, он может прибегнуть к более действенным средствам "заглаживания" вины. Например, к извинению или покаянию, что четко видно в диалоге (8), в котором ДА "извинение" – логическое продолжение ДА "оправдание".

В отличие от оправдания с его установкой на понимание *ДА "извинение"* является иллокутивно более сильным речевым действием: попросить извинения – значит склонить к прощению. Оно классический образец генетической двуплановости апологетных ДА (признание вины и просьба разрешить "выйти-из-вины"). Такие ДА должны оказывать суггестивное влияние на эмоциональное состояние адресата, от которого и зависит успешность просьбы. С учетом факторов "перлокутивный эффект", "когнитивный сценарий" и "психологическая гармония общения" различают коррективные и превентивные извинения [Буренко 2008: 4]. Коррективные извинения направлены ретроспективно и выражают чувство сожаления за совершенный поступок, проспективно же функционирующие превентивы предотвращают возникновение такого чувства в случае нарушения этикетных норм.

Доминантная аранжировка извинения связана с перформативными глаголами (*извинять, прощать*, англ. *excuse, apology, beg pardon*; нем. *entschuldigen, verzeihen*) или с императивными высказываниями (*Извините, пожалуйста; I beg your pardon; Verzeihen Sie bitte*). Средства косвенной номинации реализуют извинение опосредованно (повествовательные предложения типа *I am sorry; I beg your pardon; Ich bitte um Verzeihung / Entschuldigung*). Номинации, выходящие за пределы обозначенных, будут уже иметь признаки оправдания или даже осторожно обозначенного обвинения, как в (9).

(9) - *Послушай, дружок, мне скучно в тысячный раз возвращаться к этой теме, она у меня уже на зубах навязла.*

- *Извини, – виновато пробормотал Ворон, – но мне было важно поговорить о том, что лучше: любить и потерять или не терять, но и не любить.* [Маринина 2010: 342].

Оправдание и извинение являются центробежным ДА, т.е. направленными от говорящего к адресату, о которого ожидается "*прощение*" – ДА, который используется как респонсивный речевой шаг в консенсусной коммуникации, вызванный ментальными (эпистемическими) или акциональными факторами. Наиболее весомым является первый фактор, поскольку "ничего не прощается так неохотно, как различие мнений" (Р. Эмерсон [ЭМ 1995: 359]). Прощение сопряжено с другим ДА – "*покаянием*", просьбой о прощении как бы у себя самого или у высших сил. Это первый пласт телеологической составляющей ДА "покаяние", второй и более сильный пласт – автонаправленность (самообличение, самообвинение, самобичевание). "Двойное дно" покаяния определяет центростремительный вектор его иллокутивной силы.

Апологетные ДА конструируются по четкому тактико-стратегическому сценарию. И.Р. Корольов [2009: 196] убедительно доказывает, что в рамках стратегий аргументирования и политеса они могут использовать и такие тактики, как "оправдание действий, вызвавших конфликтную ситуацию", "декларация искренности", "апелляция к предыдущему позитивному опыту

отношений", призыв к сочувствию со стороны собеседника", "поиск существенного аргумента для оправдания", "опровержение утверждения собеседника", "вербализация положительного отношения к собеседнику", "реакция на измененное состояние человека", "поиск виноватого / ответственного".

3.5. Дидактические ДА являются инициальными речевыми действиями, содержащими суггестивный компонент – указание адресату, как поступать или действовать в тех или иных условиях. Их телеология имеет бенефактивную основу, предполагающую изменение положения дел к лучшему. В некоторых случаях под видом разумного, доброго, вечного могут проявляться и малефактивные намерения говорящего (создать зло, например). Но в обоих случаях следование дидактическому вербальному действию необязательно.

Функционирование дидактиков в ситуациях общения обусловлено действием различных факторов: социорольевыми отношениями между коммуникантами, социопсихологической дистанцией (близкая, нейтральная, далекая), характером каузируемого действия (маркированность по признаку деликатности или важности), обстановкой общения, а также факторами "гендер" и "возраст" [Шеловских 1995: 5]. К ним можно добавить и такие факторы, как ситуативно доминирующие прагматические установки, речевая экспрессия и сила желания говорящего навязать свою волю объекту влияния.

В зависимости от степени кооперативности и суггестивной силы можно говорить о категоричных и некатегоричных, навязчивых и деликатных, в зависимости от сферы использования – о частных и институционализированных дидактиках, а от тональности – о серьезных, ироничных, прямолинейных, дружеских, раздраженных. Поскольку от тональности зависит коммуникативный успех, последние скорее исключение, чем норма [Соловьева 2009: 315]. Главные видовые репрезентанты дидактических ДА – "совет", "поучение" и "намек".

ДА "совет" вбирает в себя все обозначенные выше родовые признаки дидактиков: инициальность, кооперативность, бенефактивность по отношению к адресату. Основной прагмаустановкой совета является предотвращение опасности, подстерегающей адресата в случае невыполнения побуждения. По этой причине они всегда подают сигнал о целесообразности следования совету как такому, что отвечает интересам адресата [Вежбицка 1985: 266].

Вместе с тем использование этого ДА сопряжено с целым комплексом дополнительных факторов ситуации совета: наличием субъекта и объекта, ретроспекцией (оценка текущего положения дел и мотивация), проспекцией (прогнозирование будущего положения дел), ожидаемой реакцией. На этом фоне особое значение имеют импульсы и маркеры деонтической, алетической, эпистемической и оптативной модальности.

К прямым номинациям совета относятся перформативы (рус. *советовать, рекомендовать*; англ. *advise, advise*; нем. *raten, empfehlen*) и их синонимы, в т.ч. и клишированные словосочетания. Ядерные средства

формируются побудительным (императивным) и повествовательным предложением, а также сослагательной конструкцией с частицей *бы* в русском и с кондиционалисом в английском (*would + Inf*) и немецком (*würde + Inf*) языках. Косвенные средства оформления совета, являясь многочисленными и разноуровневыми, практически не поддаются инвентаризации, а их актуализация зависит от ситуации и контекста.

В коммуникативном процессе ДА "совет" может подвергаться разного рода модификациям, вызываемыми взаимодействием формально-логических, аксиологических и модальных факторов, структурой социороловой зависимости коммуникантов. На пересечении этих модификаций возникают такие речевые смыслы, как "совет-предложение", "совет-предостережение", "совет-пожелание", "совет-рекомендация", "совет-наставление", "совет-отговаривание" [Приходько 2002: 228]. Интеракция (10) – пример категоричного, реактивного, бенефактивного совета, результат мгновенно принятого решения:

(10) *Люба еще не успела отойти от телефона, как аппарат снова взорвался тревожным звонком. Это была Лариса. В голосе звучала неприкрытая паника.*

- Тетя Люба, с папой совсем плохо!

- Что случилось? Кричит? Дерется?

- Нет, он пожелтел весь и температура под сорок. Что делать?

- Срочно вызывать скорую. Я сейчас спущусь. [Маринина 2010: 211].

Навязчивый, неделикатный, категоричный совет может быть квалифицирован как "**поучение**" или "**нравоучение**". Такие дидактивы характеризуются дополнительными прагматическими смыслами, связанными с представлениями говорящего о соответствии / несоответствии выполнения совета интересам адресата. Поучение (11) – это по существу участливый и добрый совет матери, как пережить смерть сына.

(11) *-...Я все время помню об этой женщине. И знаешь, я ведь до сих пор ревную мужа. Я все время об этом думаю. Я дура, да?*

- Конечно, дура, – сердито отозвалась Тамара. – Разве тебе об этом надо думать?

- А о чем?

- О том, как выжить после Колиной смерти.

- И как? Как мне выжить? – Она снова заплакала.

- Поменяйте мебель, сделайте ремонт, чтобы ничего не напоминало о Коле. А еще лучше – купите новую квартиру. Ты сейчас у себя дома будешь постоянно наткаться на вещи, которые напоминают тебе о Кольке. Его комната, его диван, его диски, его одежда, его книги. Тебе будет больно каждую минуту, ты просто не сможешь находиться дома. Переезжайте. Это тебя отвлечет [Маринина 2010: 242].

ДА "**намек**" является инициальным, кооперативным речевым действием, которое не полностью что-то раскрывает, а как бы создает условия или

предпосылки для догадывания относительно определенного положения дел. Иначе говоря, ДА "намек" характеризуется желанием говорящего так повлиять на адресата, чтобы он вывел имплицитную пропозицию [Белозьорова 2007: 3]. Л.Р. Безуглая считает намеки апосиопезисными РА, а их использование объясняет индивидуально-психологическим (волнение, неуверенность, нехватка средств выражения), социально-психологическим (говорящий стесняется адресата или темы) и институциональным (корпоративно о чем-то не принято говорить вслух) факторами [Безугла 2007: 242]. Намек может быть также вызван присутствием третьих лиц, боязни под- или прослушивания или желания удивить адресата. Но, по-видимому, наиболее общими их видами являются намеки-эвфемизмы и намеки-недомолвки. Последние следует отличать от умолчаний и замалчиваний, характеризуемых как способ умышленного сокрытия информации.

Таким образом, дидактивы по своей природе – это диалогичные и кооперативные ДА, открытые для дальнейших речевых действий. Они направлены на достижение консенсуса с перспективы говорящего. С перспективы же адресата они не всегда представляются таковыми, поскольку нередки случаи, когда советы, поучения, намеки и особенно нравоучения приводят к конфликтному общению. Ведь "ничего люди не принимают с таким отвращением, как советы" (Дж. Аддисон [ЭМ 1995: 427]).

Говоря о ДА в целом, отметим, что они, выступая попеременно в роли инициальных и реактивных речевых действий, оказываются способными стимулировать использование все новых и новых речевых действий. Так, инициальный "совет" коррелирует с реактивными "согласие" и "несогласие", а более категоричные его варианты "поучение" и "нравоучение" могут вызвать целый шквал негативных и конфликтно окрашенных ДА ("возражение", "возмущение", "обвинение" и т.д.). Аналогичное касается и других типов ДА. Например, инициальный ДА "предложение" часто вызывает реактивный ДА "согласие" и "несогласие", которые, в свою очередь, могут провоцировать ДА "одобрение" или, наоборот, "неодобрение", "возмущение", "осуждение". Более того, в некоторых контекстах один и тот же ДА может иметь черты разных ДА, что определяется его местом в интеракции, где роли говорящего и адресата постоянно меняются.

4. Выводы и перспективы

4.1. Дискурсивный акт является единицей речевого действия, интегрированной в интеракцию и представляющей собой один и больше речевых актов, объединенных общей телеологической линией в речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными прагматическими значениями и разным целеустановками. В одних случаях дискурсивный акт может совпадать с речевым актом, а в других – вбирать в себя два и больше разных по своей структурной и прагмасемантической специфике речевых акта. При материальном совпадении дискурсивного и речевого актов прагматический смысл первого оказывается

интенционально насыщеннее, иллокутивно богаче и перлокутивно масштабнее второго. При этом ДА может быть направлен как на разжигание конфронтации, так и на достижение согласия, а его посткоммуникативный эффект может быть обращен как на пользу, так и во вред адресату.

4.2. Использование ДА детерминруется речемыслительной активностью человека, стимулируемой его нормативно-оценочными представлениями о правильности и неправильности, справедливости и несправедливости, пользе и вреде, добре и зле. В пределах этого глобального смысла человеческой деятельности дискурсивным актам отводится скромная семиотическая роль выразителя волеизъявления субъекта речи относительно объекта/ов речи с целью изменения существующего положения дел в мире или в сознании коммуникантов.

4.3. Дискурсивные акты могут конструироваться как вербальными, так и паравербальными средствами, но главным способом их упаковки является вербалика. У каждого типа и вида ДА существуют свои собственные прямо- и косвенно номинативные средства. Их совокупность представляет собой прагмасемантическое поле, к которому "приписаны" средства доминантного, ядерного и периферийного порядка. При этом прагмасемантическое содержание ДА не равняется простой сумме единиц плана его выражения, а его телеологическая аура распределяется равномерно по всей интеракции, захватывая соседние и смежные речевые блоки, что создает предпосылки для сближения отдельных ДА с отдельными речевыми жанрами. В этом смысле ДА представляют собой микротексты в составе макротекстов. Последние могут включать в себя несколько ДА, которые смыкаются друг с другом, перекрещиваются, контаминируются, образуя вместе глобальную иллокутивную канву макротекста.

Перспективными для дальнейших изысканий представляются некоторые моменты интенсивного и экстенсивного порядка в изучении. К первым следует отнести дальнейшие углубленные поиски когнитивно-коммуникативной специфики ДА, изучение путей и способов взаимодействия РА и ДА, а также процессов сочетаемости / несочетаемости ДА в процессах речемыслительного взаимодействия. К проблемам экстенсивного порядка относятся: уточнение, дополнение и расширение типологии ДА, например, ритуальными (приветствие, прощание, комплимент, благодарность, поздравление, оскорбление) или какими-либо иными их типами. Определенный узел проблематики составляет и изучение когнитивных схем использования ДА в разных дискурсах и дискурсивных формациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баделина М.В. Отношения согласия между репликами диалогических единств: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 "Русский язык" / М.В. Баделина. – Иваново, 1997. – 18 с.

2. Баскова М.Е. Прагмалингвистические и интеракционные характеристики высказываний несогласия (на материале современного английского диалога): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 "Германские языки" / М.Е. Баскова. – СПб, 1992. – 18 с.
3. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі / Л.Р. Безугла. – Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
4. Белозьорова О.М. Дискурсивні властивості мовленнєвого акту натякання (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / О.М. Белозьорова. – Харків, 2007. – 20 с.
5. Буренко Т.М. Когнітивно-прагматичні характеристики мовленнєвого акту вибачення в англomовному дискурсі XVI-XXI століть: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Т.М. Буренко. – Харків, 2008. – 20 с.
6. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып 16. – С. 251 -275.
7. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
8. Косенко Ю.В. Структурно-семантичні і функціональні особливості метакомунікативного блоку прощання (на матеріалі англomовного художнього дискурсу): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Ю.В. Косенко. – Донецьк, 2008. – 20 с.
9. Король А.А. Висловлення-звинувачення у сучасному німецькомовному художньому дискурсі: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / А.А. Король. – Чернівці, 2007. – 20 с.
10. Корольов І.Р. Комунікативна ситуація "виправдання": прагматичний та лінгвокультурний виміри: монографія / І.Р. Корольов. – К.: ВПЦ "Київський університет", 2009. – 223 с.
11. Кочкарова З.К. Средства выражения и диалогическая организация речевых актов убеждения-доказательства истинности и убеждения-побуждения к действию (на материале немецкого языка): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германские языки" / З.К. Кочкарова. – Воронеж, 1995. – 16 с.
12. Лукин В.А. Противоречие и согласие: языковые концепты, дискурсные стратегии, текстовые свойства / В.А. Лукин // Вопр. языкознания, 2003, № 4. – С. 91-109.
13. Маєвська Л.І. Макромовленнєвий акт взаєморозуміння: засоби об'єктивації та праматичний контекст (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 "Германські мови" / Л.І. Маєвська. – К., 2004. – 20 с.

14. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект / Е.И. Морозова. – Харьков: Экограф, 2005. – 300 с.
15. Морозова О.Н. Функционально-семантические свойства реплик со значением согласия-несогласия в диалогическом общении (на материале русского и немецкого языков): дис. канд. филол. наук Тверской гос. ун-т. / О.Н. Морозова. – Тверь, 2000. – 176 с.
16. Наумук О.В. Когнітивні та прагматичні характеристики порад у сучасній англійській мові: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / О.В. Наумук. – Донецьк, 2010. – 20 с.
17. Нейленко Л.Л. Семантико-прагматические свойства высказываний со значением согласия (на материале английского диалога): автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки” / Л.Л. Нейленко. – Пятигорск, 2004. – 17 с.
18. Одарчук Н.А. Семантика та прагматика висловлень відмови в англійській мові: автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / Н.А. Одарчук. – К., 2004. – 20 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов // Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
20. Осовська І.М. Висловлення-відмова: семантичний та комунікативно-прагматичний аспекти (на матеріалі сучасної німецької мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / І.М. Осовська. – К., 2003. – 20 с.
21. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – К.: Вища школа, 1986. – 117 с.
22. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А.М. Приходько. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 292 с.
23. Пудровська Т.М. Мовленнєві акти оффератив і деклінатив у системі мовлення (на матеріалі сучасної англійської мови): автореф. дис. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 “Германські мови” / Т.М. Пудровська. – Харків, 2000. – 18 с.
24. Соловьева А.А. Виды советов по тональности выражения в обиходном дискурсе (на материале английского языка) / А.А. Соловьева // Язык. Текст. Дискурс: Научн. альманах Ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – Вып. 7. – С. 312-316.
25. Храмова Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты) / Н.А. Храмова: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.04 “Германские языки”. – СПб., 2003. – 22 с.
26. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ: автореф. дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.19 „Общее и

теоретическое языкознание, социолингвистика, психолингвистика" / Т.И. Шеловских. – Воронеж, 1995. – 16 с.

27. Klein J. Die konklusiven Sprechhandlungen. Studien zur Pragmatik, Semantik und Lexik von Begründen, Erklären-warum, Folgen und Rechtfertigen / J. Klein. – Tübingen: Niemeyer, 1987. – 246 s.
28. Steen G. Basic discourse acts: When language and cognition turn into communication / G. Steen // Cognitive linguistics, functionalism, discourse studies: Common ground and new directions: Abstracts of the 8th International Cognitive Linguistics Conference 20-25.07.2003. – P. 15-16.
29. Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bdn / L. Wittgenstein. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1984. – Bd. 1: Philosophische Untersuchungen. – 534 s.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Маринина А. Взгляд из вечности. Книга третья: Ад / А. Маринина. – М.: Эксмо, 2010. – 480 с.
2. ЭМ: Энциклопедия мысли: Сб. мыслей, изречений, афоризмов, парадоксов, эпиграмм / Сост. и пер. Н.Я. Хоромина. – Харьков: Прапор, 1995. – 544 с.

УДК 811.111'42

ТЕКСТ СТАТИЧЕН ИЛИ ТЕКСТ ПРОЦЕССУАЛЕН?

В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

В.Е. Чернявская. Текст статичен или текст процессуален? Данная статья решает проблемы текста путем укрупнения объекта анализа и рассматривает текст в новой системе координат через сосуществующий с ним дискурс. Деятельностная природа текста определяет его процессуальность как внутренне заложенный признак. Текст и текстовые категории имеют "нежесткий" характер, а обусловлены совместной деятельностью сознаний коммуникантов.

Ключевые слова: текст, дискурс, текстовые категории, процессуальность.

В.Є. Чернявська. Текст статичний або текст процесуальний? Ця стаття вирішує проблеми тексту шляхом укрупнення об'єкту аналізу та розглядає текст в новій системі координат через співіснуючий з ним дискурс. Діяльнісна природа тексту визначає його процесуальність як внутрішньо закладену ознаку. Текст і текстові категорії мають "нежорсткий" характер, вони обумовлені спільною діяльністю свідомостей комунікантів.

Ключові слова: текст, дискурс, текстові категорії, процесуальність.

V. Chernyavskaya. Is text static or is it procedural? This article solves the problems of text by enlarging the object of analysis and considers the text in the new coordinate system as coexistent with discourse. Activity based nature of the text defines its processuality as internal characteristic. The text and text categories are "soft" by nature, they are determined by the joint activity of the communicants' consciousness.

Key words: text, discourse, text categories, procedural.

Предлагаемые вниманию читателя рассуждения естественно рассматривать в той системе исследовательских координат, которая задается как тематической общностью самого издания "Коммуникация и когниция", так и вообще сложившейся в языковедческой науке ситуацией смены / слома / соединения научных парадигм, что определяет актуальность избранной проблематики. **Объектом** анализа, центральной категорией является, как следует из названия, текст. При этом, что также следует из предложенного названия, текст рассматривается в связи с той когнитивно-дискурсивной парадигмой, которая на современном этапе определяет направление многих – и в большинстве своем эвристичных и поступательных – разработок. Высказываемые в рамках данной статьи положения уже выносились мною на обсуждение, в том числе стали методологической основой учебника

“Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность” [2009]. Повторяя здесь те основные положения, которые определяют, с моей точки зрения, существо современных размышлений о коммуникативном и когнитивном, **целью** статьи полагаю выдвинуть их в фокус внимания заинтересованного исследователя, не претендуя, разумеется, на то, что все точки над *i* расставлены.

Итак, с того момента, как категория дискурса прочно вошла в научный оборот, все чаще стало звучать некое противопоставление текста дискурсу, как противопоставление статичности (текста) процессуальности (дискурса). В зависимости от теоретических позиций, научной школы и личных интересов авторов это противопоставление звучит с меньшей или большей силой, превращаясь порой в резкую оппозицию "текст vs дискурс". Нельзя не признать, что новое направление научного анализа связано напрямую с осознанием той реальности, что текст является основополагающим, но не единственным элементом в сложно организованной системе человеческой коммуникации. Признание этого обстоятельства привело к перемещению исследовательских интересов от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и – восприятия. Теоретическим выводом из этого оказалось разделение *текста* как результата коммуникативно-когнитивной деятельности и *дискурса* как самого процесса. Противопоставление статичности и динамичности, процессуальности и результативности коммуникации и речи является ключевым вектором когнитивно ориентированной лингвистики и влечет за собой пересмотр позиций относительно сущности текстуальности. Особые цели и исходные теоретические установки когнитивных наук в целом и когнитивной лингвистики и психолингвистики, в частности, позволяют еще больше раздвинуть рамки "тексторастворяющих" подходов.

В потоке публикаций последних лет нельзя не заметить определенную тенденцию, а именно: внимание к мыслительным феноменам смыслопорождения (к тому, что происходит "в голове" адресата) оборачивается сомнением относительно эвристической значимости анализа вербальной формы этих феноменов – текста. Так, например, сложная динамическая система взаимовлияния психоментальных процессов и их материальной языковой составляющей представляется метафорически как взаимодействие "тела" и "души". При этом существенной для анализа должна быть, по определению, конечно, душа. Что же касается "тела" в таком образном представлении, то показательным может служить следующий взгляд:

"В число исходных постулатов для метатеории понимания текста могут входить следующие. "Тело текста" без продуцирующего и воспринимающего его человека остается некоторой мертвой последовательностью графем; для его "оживления" или "одушевления" необходима включенность и "тела текста", и индивида в соответствующую культуру, вне которой текст как таковой состояться не может" [Залевская 2001: 157].

Обрисованная так картина делает для многих исследователей текстоцентрический принцип уже не таким незыблемым и очевидным (вспомним в этой связи образное выражение Г.В. Степанова: "Лингвистика становится служанкой при тексте" [1984]). Теперь не может не возникнуть вопрос о статусе самой науки о тексте. Наметилась ситуация, при которой "лингвистика текста, выступая сначала как нечто отчетливо очерченное и понятное, стала понятием диффузным, уже готовым к концептуальному распаду" [Николаева 2000: 413].

Комментируя приведенную цитату из работы авторитетного отечественного психолингвиста А.А. Залевской, представляется возможным сделать следующий акцент. Очевидно: чтобы действительно понять что-либо, нужно занять определенную точку зрения, при этом выдвигая на первый план - высвечивая - одну позицию, другую неизбежно оставляя в тени. Исходя из теоретических установок психолингвистики, выделение процессов смыслопорождения и -восприятия как наиболее существенных (т.е. как "души") и понятно, и методологически оправдано, и вносит свой неоспоримый вклад в общую поступательность языковедения.

Нельзя не отметить, однако, что рассуждения о "теле текста" и его "душе", о том, что "текст мертв", сопряжены со спецификой значения, полученного в результате метафорического словопроизводства. В специфике этой выделим два основных момента. Во-первых, метафора "начинается с принципа фиктивности (благодаря модусу "как если бы"), живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования" [Метафора в языке и тексте 1988: 48]. "Имплицитные приращения смысла к эксплицитным значениям могут значительно превосходить последние в суммарном объеме информации... Имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними..." [Никитин 2003: 240]. И, далее, следует принимать во внимание "способность метафоры создавать психологическое "напряжение" между буквальным значением и значением переосмысленным..." [Метафора в языке и тексте 1988: 35]. Как раз такое напряжение и создается в анализируемой ситуации "омертвления текста", в ситуации, когда возможен[!] вывод о безынтересности текста как "мертвого тела" по сравнению с "живой душой" когнитивных процессов.

Во-вторых, "осмысление образного значения очень индивидуально, субъективно... Именно субъективностью переосмысления значения слова... объясняется сложность ее интерпретации <...>. Восстановлению смысловой гармонии препятствуют важные характеристики метафоры - ее субъективность, смысловая диффузность, равно как и ее назначение - скорее вызывать представления, а не сообщать информацию" [Метафора в языке и тексте 1988: 109]. Недооценка этого обстоятельства способна привести к тому, что *"метафора бывает не только чрезвычайно полезна, но недостаточно"*

критичному уму может и навредить, сбивая мысль на неоправданные сближения и обобщения" [Никитин 2003: 261].

Такого рода *опасностью ошибочных упрощений нельзя пренебрегать*. Во всяком случае, взгляд на текст как "мертвую цепочку графем" отражает лишь один из возможных подходов.

В наших рассуждениях следует исходить из того, что *наличное человеческое знание – это знание текстуальное*, то есть представленное в текстах, фиксируемое текстами и, главное, *порождаемое в текстах*. Так считает авторитетный немецкий лингвист Г. Антос, основоположник теории речевого формулирования. В такой идее заключено возражение "сокращенному варианту" положения о роли текста в когнитивных науках, когда текст признается языковой реализацией (в смысле – результатом) ментальных структур, процессов, концептов, и, следовательно, текст – это лишь средство для презентации и архивирования знания, своего рода "одежда для мыслей" или же "посредник в представлении мысли". Напротив, по Антосу, текст – это центральное средство порождения знания, как индивидуально-личностного, так и социального, как в культурно-исторической, так и в конкретной повседневной протяженности. Под этим ученый понимает, с одной стороны, получение, отбор, структурирование и оформление знания как такового и, с другой стороны, критическое осмысление, интерпретацию и изменение знания (в смысле – его приращение), равно как и "риторически ориентированное" оформление приращенного знания, предназначенного для восприятия адресата. Только и именно базирующееся на распространении в человеческой практике и ориентированное на воспринимающее сознание порождение текстов ("auf Distribution und Rezeption basierende Wissenskonstitution") делает тексты социокультурно значимым средством приращения знания – и это снова через непрерывный процесс его распространения и восприятия ("qua permanenten Distributions und Rezeptionsprozeß"; - ср.: [Antos 1997: 45]).

Безусловно, нельзя отрицать результативный, то есть формальный аспект текстовой организации. Тексты упорядочивают рассеянное во многих дискурсах человеческое знание в определенной социально-культурной и языковой форме. Одновременно с этим, нельзя соглашаться с абсолютизацией формального аспекта текста при обсуждении его процессуальности и/или результативности.

Существо текста и, значит, главную задачу ("главный нерв!") в его исследовании следует формулировать не **только и не столько в констатации того факта, что текст "языковляет" наше знание о мире в какой-то форме** (структурированной так-то, с такой последовательностью тематического развертывания, с детальным представлением того-то etc.), **сколько в вопросе о том, как и что текст оформляет и/или что не оформляет средствами языка и почему**. Очевидно, что в основе такого представления лежит процессуальное, или динамическое понимание текста. Поскольку тексты отражают и выражают наше знание избирательно и целенаправленно, то отдельный текст является, по

Г.Антосу, "промежуточной станцией" от одних (текстов) к созданию других (текстов) ("на бумаге") и отправной точкой для рецептивной переработки содержащегося в тексте знания в сознании адресата ("тексте в голове"). Отметим здесь интересное попутное наблюдение ученого: мы говорим в такой связи именно о "текстах". И множественное число в этом случае фокусирует, что работа читательского сознания с (одним) текстом активизирует и актуализирует целую систему концептов, ассоциаций, пресуппозиций, и следствием и результатом их переработки является часто формулирование других текстов – парафразирующих, комментирующих, продолжающих, интертекстуально соотносящих, обобщающих и т.д. [ср.: Antos 1997: 46].

Итак, *наше знание* большей частью (особому рассмотрению подлежат, конечно, математические или химические формулы!) не только фиксируется и представляется в виде текстов, но и *порождается в языковом смысле как текст*. И если в соответствии с динамической моделью рассматривать тексты как точки отсчета и промежуточные станции в процессе порождения знания, то каждый конкретный текст/каждое высказывание выступает своего рода генератором новых текстов/смыслов.

В нашем понимании диалектической антиномии "результативность vs процессуальность" сошлемся также на верное определение Е.А.Гончаровой: "Являясь коммуникативным действием автора и выражая определенную коммуникативно-прагматическую стратегию, текст, с одной стороны, в силу своей знаково-материальной определенности представляет собой некий результат, продукт когнитивно-речевой деятельности субъекта, которым он создан. С другой стороны, будучи включенным в определенные отношения с адресатом, для восприятия которого он предназначен, текст наделяется признаками процесса, процессуальности, поскольку и автор и читатель вольно или невольно вкладывают в создаваемые ими системы текстовых смыслов зависимость от "среды" (исторической эпохи, социальных условий, индивидуального психологического состояния и др.). *Авторский и реципиентский смысл не могут быть адекватны как друг другу, так и инвариантным языковым значениям компонентов текстовой структуры*" [Гончарова, Шишкина 2005: 10; курсив – мой, В.Ч.]. Это утверждение созвучно высказываемой Т.М.Николаевой идее о тексте как организованном семантическом пространстве. Ср: "...Пространство-текст не представляется таким линейным, каким оно предстает в нарративной грамматике, оно многомерно. Единицы этого семантического пространства не равны точно единицам языка, ... Основной декодируемый смысл текста... передается некими значимыми смысловыми квантами, не привязанными ни к линейному контакту, ни к оформленности грамматических уровней. Текст оказывается прошитым этими смысловыми переключками" [Николаева 2000: 418; 436].

Если текст – это вербальная форма речемыслительной деятельности адресанта, взаимодействующего с адресатом, то *процессуальность присутствует в нем per se, по сути, как внутренне заложенный признак*.

Процессуальность текста поддерживается и объясняется подчиненностью текста не только речемыслительной деятельности адресанта и адресата, но и иным видам деятельности антропоцентриков коммуникации. Вспомним в этой связи суждения А.Н.Леонтьева о том, что речевая деятельность является своего рода "наддеятельностью", и "строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую" [Леонтьев 1969: 27].

Констатируя процессуальность текста, заложенную в нем его "деятельностным происхождением", согласимся с Е.А.Гончаровой в том, **как представить характер этой процессуальности**: она детерминирует системность текста, то есть необходимую и устойчивую внутреннюю связь принадлежащих ему элементов, и направлена именно на внутреннюю системность в большей степени, нежели на связь этих элементов с окружающей средой или с элементами других систем [ср.: Гончарова, Шишкина 2005: 10]. Процессуальность текста заключена в том, что "в тексте есть структурирование, нацеленное на длительное существование" [Адмони 1994: 87]. Продолжить это высказывание можно тем, что в тексте создается особая системность, "качественная прибавка" к свойствам языковой системы, по М.Н.Кожинной; функционирование языка подчиняется двойной системности – внутриязыковой и коммуникативно-функциональной; если первая реализуется, то вторая строится, организуется в процессе речеобразования [Кожина 1984: 11]. И дополняя эту мысль: "текст обуславливает возможность "перекрестного" смыслового взаимодействия элементов разных уровней [текстовой структуры – В.Ч.] и их интегративное вхождение в общий текстовый смысл, *качественно новое целое по сравнению с суммой системных значений отдельных языковых единиц*" [Гончарова, Шишкина 2005: 10-11, выделено мной – В.Ч.].

Следовательно, смысл текстового целого – интенция текста – дают возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его историческим контекстом.

Признание этого факта позволяет по-новому взглянуть на традиционные категории текста и, в целом, на феномен текстуальности. Последнюю целесообразно рассматривать как когнитивный феномен с прототипической организацией.

В объяснении сущности текстуальности как прототипического феномена расставим два необходимых акцента. Первое. Нельзя отрицать качественной определенности текста и наличие у него сущностных свойств – текстуальности. Второе. Невозможно и нецелесообразно осуществить принцип имманентности в его "чистом виде" применительно к текстовым категориям. Лингвистика [текста] имеет объяснительную силу не через создание абстрактных умозрительных теорий, но в ее внимании к реальной языковой практике. А в реальной практике, в оперировании текстами проблемы "что такое текст" не

возникает. Любой носитель языка в ответе на этот вопрос будет исходить из своего опыта обращения с конкретными текстами – инструкциями, рецептами, телефонным разговором, романом и т.д. Вообще, наука о языке оперирует гуманитарным знанием и, значит, не признает абсолютных истин: равное право на сосуществование имеют различные точки зрения, если они внутренне не противоречивы. Согласимся с И.А. Щировой, констатирующей сегодня "превращение интерпретатора в знаковую фигуру времени.... Истина оценивается не с позиций объективности, а с позиций ее эвристической полезности" [Щирова, Гончарова 2006: 57-58].

Какая же теоретическая позиция обладает бóльшим объяснительным потенциалом в связи с дискуссиями о качественной определенности текста?

Когнитивно ориентированное направление языковедческих наук задает особый статус лингвистики текста в ряду других дисциплин. Под влиянием и напором дискурсивного анализа мы наблюдали своего рода разграничение "сфер влияния" лингвистического текста и когнитивной лингвистики. Лингвистика текста в ряде современных разработок развивалась в направлении сужения понятия текст, ограничения его только материальной стороной, зафиксированностью на материальном носителе. Процессуальная же сторона текстопроизводства и текстовосприятия часто отводится в область изучения дискурса. Изложенные в предыдущем разделе суждения не позволяют признать продуктивным резкое противопоставление текста и дискурса, результативности и процессуальности, приводящее к растворению текста в стихии процессуальности. Считаю возможным разделить широкое, **динамическое представление о тексте и как процессе и как продукте речемыслительной деятельности**, по Е.А. Гончаровой, М.Я. Дымарскому, И.А. Щировой, В. Хайнеманну, У.Фикс и др. и соотношу существование текстового целого (целостного текстового смысла) с воспринимающим и воссоздающим текст сознанием. Текст зависит от интерпретатора в том смысле, что он создается, будучи включенным в определенные отношения с адресатом. Смысл текстового целого – то, что называется интенцией текста – дает возможность вывода читательских смыслов, в том числе и тех, которые не были предусмотрены автором, в пределах, накладываемых целостностью текста и его социально-историческим контекстом. "Воспринимая текст, - пишет И.А. Щирова, и с этим необходимо согласиться – мы не читаем его с "чистого листа", поскольку в *материальной форме текста репрезентируется авторское сознание. Чтобы быть понятым, автор* обращается к словам общенародного языка и *выстраивает* на их основе *текстовое целое*, по его мнению, оптимально репрезентирующее сформировавшийся в его сознании целостный смысл. Ориентируясь на читателя, автор маркирует текст чертами целостности... *Воспринимая текст, читатель исходит из презумпции его целостности* и, следуя интерпретативным стратегиям и тактикам, заложенным автором в текст, "собирает" его смысл. *Целостность текста*, таким образом, всегда обусловлена совместной деятельностью сознаний коммуникантов. Она не

является окончательно определенной, поскольку, в конечном итоге, идентифицируется читателем как равноправным участником коммуникации, но является заданной, поскольку изначально идентифицируется авторским сознанием... в форме текста" [2005: 57, курсив мой – В.Ч.].

Следовательно, текст и текстовые категории имеют "нежесткий" характер, и к ним неприменимо категоричное разграничение по принципу "имманентное – относительное". Зависимость текста от интерпретатора отрицает имманентность его категорий, но позволяет сохранить за ними статус критериев текстуальности. Возможно согласиться с той позицией, которую выражают авторитетные отечественные исследователи Е.А. Гончарова и И.А. Щирова. "В контексте новых научных реалий категории текста целесообразно трактовать не как имманентные свойства, а как репрезентируемое языковыми средствами и зависимые от интерпретативной ситуации когнитивные параметры" [ср.: Щирова, Гончарова, 2006: 56; 53].

Подведу итог сказанному. Текст сегодня должен анализироваться – и анализируется! – вместе со следующей за ним единицей коммуникативной иерархии – дискурсом. Текст не противостоит дискурсу, но сосуществует с ним. Для лингвиста это означает укрупнение объекта анализа, выведение его в метаперспективу и в новую систему координат. Именно с укрупнением и расширением лингвистического объекта следует связывать меняющиеся взгляды на единицы коммуникации как единицы общения и смыслопорождения. Предложенный подход **перспективно** применить к анализу текстов конкретных жанров на материале славянских, германских, романских и иных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: "Наука", 1994. – 153 с.
2. Гончарова Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2001. – 177 с.
4. Кожина М.Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с позиции языка как функционирующей системы / М.Н. Кожина // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1984. – С.3-18.
5. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969. – 214 с.
6. Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
7. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.

8. Николаева Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 679 с.
9. Степанов Г.В. Энциклопедический словарь юного филолога / Г.В. Степанов. – М. : Педагогика, 1984. – 351 с.
10. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М.: URSS, 2009. – 248 с.
11. Щирова И.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: Книжный Дом, 2006. – 172 с.
12. Щирова И.А. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы: учеб. пособие / И.А. Щирова, З.Я. Тураева. – СПб: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2005. – 156 с.
13. Antos G. Texte als Konstitutionsform von Wissen. Thesen zu einer evolutionstheoretischen Begründung der Textlinguistik. / G. Antos // Antos G., Tietz H. [Hrsg.] Die Zukunft der Textlinguistik. Traditionen, Transformationen. – Tübingen, 1997. – 188 p.

НАШИ АВТОРЫ

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Евгения Валериевна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

Сергей Григорьевич Воркачев, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета; e-mail: svork@mail.ru

Ольга Петровна Воробьёва, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики и английского языка Киевского национального лингвистического университета; e-mail: o.vorobyova@voliacable.com

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

Редакторы

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru>

Редакционная коллегия

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Евгения Валериевна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Герхард Коллер, доктор филологии, директор лингвистического центра, университет имени Фридриха-Александера, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Морин С. Миниелли, доктор филологии, Кингсборо колледж университета г. Нью-Йорк; e-mail: maureen.minielli@verizon.net>

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор, (Харьковский национальный педагогический университет имени Г. Сковороды, Украина)

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел; e-mail: aprykhod@rambler.ru

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета; e-mail: ggs1@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 3 см., справа – 1 см., сверху и снизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать актуальность, объект и предмет, цель и материал статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

3. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

4. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17 - 33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М.: АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.
5. В разделе “Наши авторы” подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

6. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течении месяца.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Международный электронный сборник научных статей. № 1

Серия “Филология”

На русском, английском языке

Компьютерная верстка

Л.П. Зябченко

Компьютерная поддержка сайта:

В.О. Шевченко (Харьковский национальный
университет радиоэлектроники)